

З.Д. ПОПОВА, И.А. СТЕРНИН

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА

(внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы
описания)

Учебное пособие

Издание является учебным пособием по спецкурсу «Лексическая система языка», а также по соответствующим разделам теоретических лингвистических курсов «Общее языкознание» и «Введение в языкознание». Рассматривается современное состояние изучения лексической системы языка. Учебное пособие вводит в проблематику современной лексикологии, знакомит с основными методами и приемами изучения фактического материала.

Предназначено для студентов филологических специальностей. Может быть использовано магистрами и аспирантами в научно-исследовательской работе.

Изд. 2, дополненное и исправленное

Предисловие к первому изданию

Предлагаемое пособие выросло из практики руководства курсовыми и дипломными работами, научными докладами студентов, из практики консультаций молодых ученых, приступающих к исследованию разных аспектов лексической системы языка. Мы убедились в необходимости доступного и сжатого изложения основных достижений современной лингвистики в изучении лексической системы языка и имеющихся в этой области дискуссионных положений, чтобы ввести начинающего исследователя в круг проблем лексикологии, вооружить его терминологией и познакомить с методами анализа системных отношений в лексике. Так сложился спецкурс, содержание которого представлено в настоящем пособии.

Особенность пособия состоит в том, что оно ориентировано в равной степени как на учебный процесс, так и на подготовку молодых специалистов к научно-исследовательской работе, нацелено на то, чтобы выполнение научно-исследовательской работы стало составной частью учебного процесса, как этого требуют современные задачи подготовки специалистов в высшей школе.

Концепция лексической системы языка, предлагаемая в пособии, в значительной степени отражает собственные исследования авторов, а также результаты, полученные аспирантами и соискателями кафедры Е.И. Беляевой, Л.И. Ивановой, М.С. Ковалевой, Э.Я. Рудник, А.А. Кретовым, А.М. Шишлянниковой, Н.Ф. Щукиной. В пособии использованы иллюстрации и другие материалы из работ студентов – участников проблемной группы кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского госуниверситета – С. Анисимова, Л. Азаровой, О. Авдевниной, Е. Глушковой, Т. Коровкиной, В. Першаевой, Е. Правды, Б. Розы, Г. Толубаевой, В. Хахановой, Е. Янчук.

Пособие состоит из шести глав, расположенных таким образом, чтобы подвести читателя от общего представления о строении лексической системы языка к пониманию сущности отдельных элементов этой системы и структурных отношений между ними, а затем перейти к освоению методов изучения и описания лексической системы языка.

Учитывая учебный характер издания, авторы в тексте не приводят ссылки на отдельные лингвистические работы, ограничиваясь упоминанием имени автора той или иной концепции.

Список рекомендуемой литературы дается в конце каждой главы. Он включает классические лингвистические работы, отдельные статьи и монографии последних лет.

Проблематика пособия, затронутые в нем темы, списки рекомендованной литературы рассчитаны на их использование в самостоятельной исследовательской работе молодых ученых при подготовке рефератов, курсовых и дипломных работ, докладов и выступлений. Пособие может быть использовано при изучении курсов «Введение в языкознание» и «Общее языкознание», особенно в разделах «Лексическая система языка» и «Методы изучения языка».

Предисловие ко второму изданию

Первое издание нашего пособия оказалось в достаточной мере востребованным молодыми учёными, приступающими к исследованию разных аспектов лексической системы языка. Несмотря на то, что с момента первого издания прошло более 20 лет, основные положения, изложенные в пособии, не устарели и в целом остаются полезными для начальных этапов изучения различных фрагментов лексической системы разных языков. Вместе с тем за 20 лет, что вполне естественно, появились новые разработки, новые трактовки ряда затронутых в пособии вопросов, частично обновилась терминология.

Сохранив в основном текст пособия, изданного в 1984 году, мы дополняем его наиболее важными теоретическими сведениями, разработанными лингвистами за последнее время. Основные изменения таковы.

1. Дополнен раздел «Модели системы языка».
2. На основе концепций когнитивной лингвистики внесены изменения в раздел «Значение слова».
3. Расширены и конкретизированы разделы «Типология сем» и «Структурные парадигматические группировки в современной лексикологии».
4. Модель лексической системы языка расширена за счёт её фразеологической части.
5. Глава 6 дополнена описанием новых методов изучения лексической системы языка.
6. Обновлено списки рекомендованной литературы.
7. Исправлены замеченные опечатки и недосмотры.

Авторы благодарят технического сотрудника О.В. Попову за огромную помощь в подготовке книги к переизданию.

Переиздание подготавливалось при финансовой поддержке фондов Воронежского университета: НИЧ – 5007 и НИЧ – 3018.

Глава I

ПРОБЛЕМА СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

§ 1. Из истории системного устройства языка

Наука подошла к пониманию системности в различных объектах природы и общества в XIX – начале XX века. Труды К. Маркса и Ф. Энгельса открыли глубокие внутренние связи и взаимоотношения в человеческом обществе. Теория происхождения видов Ж.Б. Ламарка и Ч. Дарвина показала, что весь органический мир – единое целое, состоящее из систематических групп, связанных отношениями эволюции. А.М. Бутлеров и Д.И. Менделеев выяснили системные отношения атомов, из которых состоит материя. Н. Бор и Э. Резерфорд построили модели, продемонстрировавшие системное устройство атома. Все более осознавались такие категории научной мысли, как элемент и структура.

В лингвистике понимание системных отношений между языковыми элементами было положено в основу описания языка в начале XX века швейцарским ученым Ф. де Соссюром и профессором Казанского университета И.А. Бодуэном де Куртенэ. Конечно, существование внутренних взаимосвязей между элементами языка осознавалось лингвистами и раньше. Об «организме» языка писал основоположник теоретического языкознания немецкий ученый В. Гумбольдт (1836), описание «организма» языка сделано «младограмматиками», немецкими лингвистами второй половины XIX века, в частности Г. Паулем. Но утверждение, что язык – система знаков, и мысль о необходимости изучать внутреннее устройство этой системы принадлежат Ф. де Соссюру. «...Язык есть система, все элементы которой образуют целое, а значимость одного элемента проистекает только от одновременного наличия прочих...», – писал Ф. де Соссюр¹. 1916 год – год публикации книги Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики» – можно считать временем, с которого началось широкое и осознанное изучение системных отношений в языке.

Конкретная разработка системных отношений в языке на материале фонем принадлежит Бодуэну де Куртенэ.

Категории элемента и структуры получили различные философские методологические осмысления. Как любая философская категория, они имеют идеалистические и метафизические интерпретации.

Идеалистическое толкование состоит в абсолютизации структуры, которой приписывается самодовлеющая роль. Примат структуры, ее безразличие к элементам, из которых она, состоит – таковы исходные постулаты философской

¹ Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 147.

системы Р. Карнапа, который считал структуры единственными достойными объектами науки. Аналогичную интерпретацию роли структуры давали представители так называемой гештальт-психологии, которые утверждали, что человек воспринимает целостные образы и безразличен к элементам, из которых эти образы складываются, что целое есть нечто первичное, оно не складывается из частей, а обладает самостоятельным существованием. Такие же идеалистические толкования присущи лингвистическому структурализму, особенно одному из его направлений – глоссематике датского ученого Л. Ельмслева. Аналогия с игрой в шахматы, правила которой неизменны, независимо от материала и конкретной формы фигур (лишь бы сохранялись функции фигур, их количество и взаимное соотношение), стала излюбленной моделью структуры, безразличной к элементам.

Метафизическая методология состоит в механическом разделении элементов и структуры, в игнорировании глубокой диалектической связи между ними. Несколько поколений лингвистов тщательно изучали отдельные элементы языковой системы: грамматические формы, синтаксические схемы, отдельные слова, не заботясь об их месте и роли в системе языка, а зачастую и не подозревая о существовании структурных связей между ними. Метафизический этап накопления знаний, по-видимому, закономерный гносеологический момент в познании природы и общества (Ср.: Линней предшествовал Дарвину, Эйнштейн стоит на фундаменте физических знаний, накопленных в рамках системы Ньютона, и т.п.). Однако с того момента, как наука поднялась до понимания структурных отношений между элементами, осознала существование системы в своем предмете, простое накопление фактов воспринимается как атавизм.

Диалектическое понимание категорий структуры и элементов состоит в том, что структура рождается из элементов, а ее тип и свойства зависят от природы элементов. Однако полученная структура имеет некоторую автономность, она может, например, сохраняться при утрате отдельных ее элементов, при появлении небольшого числа новых элементов, при частичных перестройках в ее подсистемах. Вместе с тем при значительном расхождении старой структуры и накопленного в ее рамках нового качества элементов наступает распад этой структуры и образование новой, с новыми качествами элементов. Перестройка может быть постепенной и резкой, хотя для языка такая резкость относительна (200-300 лет, необходимых для смены трех-четырех поколений людей – носителей старой системы языка). Пластичность структуры служит условием ее постоянного движения вслед за сменой качества и количества элементов.

Игнорирование элементов языка при изучении его структуры уводит структуралистов от изучения семантики языкового знака, и это было даже провозглашено приемом изучения языка у американских структуралистов, учеников Л. Блумфильда. Освободившись от необходимости учитывать особенности элемента, американские структуралисты могли представлять их связи в любом произвольном сочетании, от которого требовалось только соблюдение принципов удобства и простоты.

Когда природа элемента не выяснена, описание материала может

базироваться на самом случайном признаке. Например, языки мира перечислялись в языкознании XVIII века по алфавиту. Падежи до сих пор перечисляются в традиционном порядке: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный, установленном еще в античные времена и не отражающем их функциональных отношений, и т.д.

Таким образом, идеалистическое понимание соотношения элемента и структуры, несмотря на возможность получения некоторых полезных результатов, в целом ведет к принципиальному искажению предмета изучения. Не абсолютизация одной из сторон диалектического единства элементов и структуры, а обогащение познавательных аспектов и аппарата познания – таково направление диалектического подхода к познанию объектов природы и общества.

Практическое постижение системных отношений в языке было присуще работам русских языковедов на всем протяжении истории отечественного языкознания. Теоретическое же изложение взглядов на категории структуры, элемента, системы языка стало практиковаться с 1956 года, когда в журнале «Вопросы языкознания» прошла дискуссия, посвященная критическому осмыслению результатов исследований зарубежных структуралистов.

Московская дискуссия по проблеме системности языка 1962 года показала, что российские ученые ведут разработку этой проблемы широким фронтом: обсуждались вопросы критериев определения системы, структуры, яруса языка, особенностей системы в синхронии и диахронии, соотношения языковой нормы и системы и др. В 1967 году продолжалось обсуждение той же проблемы в аспекте существования уровней и их взаимодействия в системе языка. Материалы этого обсуждения позволяют увидеть, как много было сделано к этому времени².

Без использования понятий *система, структура, элементы языка* в настоящее время трудно представить конкретное лингвистическое исследование.

§ 2. Термины «СИСТЕМА» и «СТРУКТУРА» в современной лингвистической литературе

Термины «система» и «структура» известны в применении к языковым явлениям с XVIII века, однако за ними не стояли строго очерченные лингвистические понятия. Ф. де Соссюр использовал термин «система», пражские лингвисты ввели термин «структура», а научное направление стало называться структурализмом. Оба термина вошли в широкое употребление и вступили во взаимодействие друг с другом. В настоящее время отмечаются следующие терминологические различия.

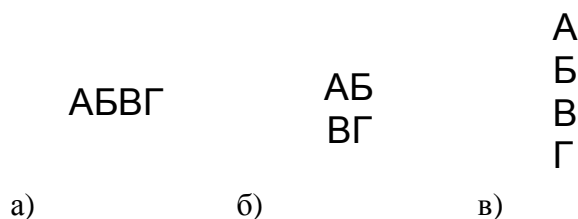
1. Автор употребляет оба термина как синонимы (Л. Ельмслев и др.).
 2. Автор пользуется только одним из двух терминов (Ф. де Соссюр, В. Скаличка и др.).
 3. Автор предлагает закрепить термины за разными понятиями.
- Содержание этих понятий у многих лингвистов индивидуальное. Например,

² См. Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.

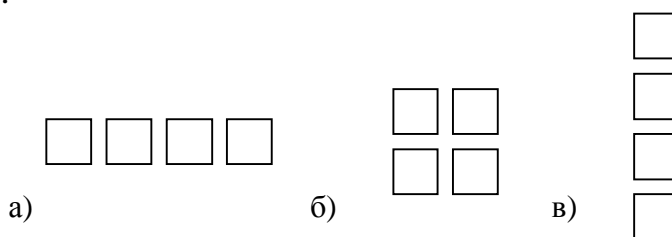
система – один уровень, а структура – этажерка уровней (А.А. Реформатский), система – отношения в парадигме, а структура – отношения в синтагме (В.Н. Ярцева), система – в лексике, а структура – в синтаксисе (Г.В. Колшанский), система – понятие статическое, структура – динамическое (В.А. Звегинцев) и др.

Наиболее признанным в настоящее время является следующее понимание данных терминов. Система – это любое сложное единство, в котором могут быть выделены составные части (элементы) и схема связей или отношений между элементами (структура). Система выступает по отношению к внешним условиям как единое целое и выполняет единую функцию. Такого употребления терминов придерживается большинство современных авторов, это содержание вкладываем в термины «система» и «структура» и мы в нашем пособии.

Итак, язык – это система, в которой различаются элементы и структура, то есть схема связей или отношений между элементами. Простейшим примером системы могут служить геометрические фигуры, сложенные из кубиков. Например, четыре кубика А, Б, В, Г можно положить рядом, поставить по два друг на друга, поставить по одному друг на друга и так далее. Перед нами три системы, образованные из одних и тех же четырех элементов с помощью разных схем отношений.



«Чистые» структуры без элементов можно изобразить в этих случаях следующим образом:



Необходимо рассмотреть также употребление терминов «система» и «системность» языка, которые используются лингвистами. Так, Н.А. Шехтман отмечает, что системность является имманентным свойством объекта, а система – способом упорядочения его характеристик, и разграничивает эти понятия следующим образом.

<i>Системность</i>	<i>Система</i>
внутреннее	внешнее
замкнутое	открытое
обязательное	факультативное
объективное	субъективное
инвариантное	вариантное

Далее он разъясняет, что описание системных свойств, реально присущих объекту, может быть бессистемным, а системному упорядочению иногда поддаются и такие совокупности, которые не обладают системностью.

Системность языка – его собственное, онтологическое свойство. Результаты познания учеными этого свойства приводят к научным описаниям системы языка. Элементы и структура существуют в самом языке и, признавая системность языка его объективным свойством, мы стремимся выявить существующую в изучаемом языке конкретную систему.

§ 3. Проблема элемента системы языка

Вопрос о том, какая единица или единицы являются элементами языка, не так прост. Языкознание уже выделило разнообразные единицы языка: фонему, морфему, слово, словосочетание, простое предложение, сложное предложение и ряд других, менее известных в широком научном обиходе. Может быть, все эти единицы являются элементами языка? Или из них должна быть выбрана одна-две, которые строят языковую систему, вступая между собой в отношения?

Сущность языка состоит в том, что он является средством общения людей. Соответственно, элемент языковой системы должен также обладать таким качеством, быть способным выражать какую-либо информацию. С этой точки зрения фонема не может быть элементом системы языка, хотя она является элементом системы фонем. Очень спорным является причисление к элементам системы языка морфем, хотя они, безусловно, являются элементами системы словообразования, формообразования и словоизменения.

Наиболее очевидным элементом системы языка является слово, несущее многоплановую содержательную информацию о предметах и явлениях объективного мира. Единицы синтаксиса, по-видимому, имеют неравноценное отношение к системе языка. Словосочетания могут быть осмыслены как элементы простого предложения. Структурная схема простого предложения отвечает интуитивным представлениям об элементе языковой системы. Сложные предложения могут рассматриваться как сцепления элементов и т.д. Все это только возможные решения, показывающие направление, в котором идут поиски элемента системы языка. Единственно общепризнанным элементом языка можно считать слово.

§ 4. Структура как сеть отношений элементов

Устройство, упорядоченность системы обуславливаются тем, что ее элементы образуют своими отношениями друг с другом некоторую структуру. Структура без элементов не существует, она не возникает из ничего, но в целях изучения структуру можно абстрагировать от элементов. Например, геометрия изучает такие абстрактные структуры, как линии, квадраты, кубы,

прямоугольники, параллелепипеды, круги, шары и т.д. В реальной же действительности все эти структуры присущи конкретным вещам, а сами по себе не существуют.

Структурные отношения между элементами языка многообразны и далеко не все выявлены и изучены. Логики различают отношения как категории, возникающие при переходе с одного предмета мысли на другой (тождество, различие, включение, пересечение, рефлексивность, симметрия, транзитивность, одновременность и др.). Среди отношений выделяются связи – отношения, при которых изменение одного предмета вызывает изменение в другом, связанном с ним предмете. Для связей обязательны материальные или психические контакты. Связи могут быть существенные и несущественные, непосредственные и косвенные, генетические и ассоциативные и др. Например, факт существования в системе фонем гласных и согласных – это отношение, а процесс ассимиляции глухих перед звонкими и звонких перед глухими в русском языке – это связь, существенная и непосредственная.

Большой вклад в разработку теории структурных отношений и связей между элементами языка внес Л. Ельмслев. Наиболее общие виды отношений и связей, которые он рассмотрел – это интердепенденция (взаимная зависимость), детерминация (односторонняя зависимость), констелляция (равноправные отношения между единицами). Например, подлежащее и сказуемое находятся в отношениях взаимной зависимости, определение детерминируется определяемым, однородные члены сочетаются как равноправные.

Отношение между двумя единицами системы (парное или бинарное отношение) называется оппозицией. Каждая единица системы может входить в большое число оппозиций. Создаются группы, классы элементов. Соединяясь друг с другом, они образуют в конечном счете систему языка.

Выявление и изучение структурных отношений и связей между элементами системы языка – одна из актуальных и увлекательных задач современной лингвистики.

§ 5. Диалектическая взаимосвязь языковой системы и ее элементов

Создаваемая элементами и структурой языковая система получает некоторые собственные свойства, обретает известную автономность по отношению к своим составляющим. Возникает феномен так называемого «давления системы» (Э.А. Макаев), когда под наиболее характерные структурные образования данной системы подстраиваются изолированные и нерегулярные элементы. Например, проходящее через всю систему русских согласных фонем разграничение твердых и мягких согласных воздействует на те фонемы (К, Г, Х), которые не имеют мягкого варианта. Это «пустое место» в системе может заполняться, в частности, некоторые заимствованные слова содержат в себе недостающий член (гяур, Кяхта и др.).

Но элемент не является чем-то производным от системы. Он имеет и свою

определенность, благодаря которой может выходить из одной системы, входить в другую или оставаться внесистемной сущностью.

Диалектику элемента и системы хорошо показал известный российский лингвист-теоретик В.М. Солнцев, разграничив следующие свойства элементов.

1. Системообразующие свойства, которые присущи элементу как таковому, независимо от данной системы.

2. Системоприобретенные свойства, которые элемент получает в системе.

3. Системонейтральные свойства, которые в данной системе несущественны, но могут быть существенными в другой системе.

Применительно к слову в составе конкретного предложения эти свойства могут быть проиллюстрированы таким образом. Принадлежность слова к части речи в конкретном предложении является системообразующим свойством. Функция члена предложения у каждого данного слова в конкретном предложении – это системоприобретенное свойство. Звуковой облик слова в синтаксической конструкции является системонейтральным свойством. В лексических рядах он приобретает качество системообразующего свойства.

§ 6. Модели системы языка в современной лингвистике

6.1. Моделирование как метод познания

Познавая объективный мир, человек стремится рассмотреть изучаемый предмет снаружи и изнутри, потрогать его руками, а если нужно, то и послушать, понюхать, попробовать на вкус, словом, воспринять всеми пятью органами чувств. Но существует множество объектов внешнего мира, которые по своим размерам, расположению, характеру функционирования недоступны прямому восприятию человека. Создавая мысленные образы таких предметов, догадываясь об их виде и устройстве, человек все так же стремится увидеть их, сделать обозримыми, находящимися в его поле зрения. Для этого он создает их вещественные копии – модели. Модели делают архитекторы, прежде чем начать строить дом, модели конструируют дети, знакомясь с устройством автомашин и самолетов, поездов и пароходов. По данным приборов ученые воссоздают рельеф морского дна, объемно изображают планеты солнечной системы, строят модели молекул, атомов разных химических веществ и т.д.

Система языка локализована в мозгу говорящих людей. Её хранение и использование в ходе построения речи при современном состоянии науки относятся к ненаблюдаемым объектам. Желая понять систему языка, лингвисты широко обращаются к моделированию. Свои мысленные представления о системе языка они овеществляют в схемах, чертежах, графиках, диаграммах разного рода. Наиболее распространены в лингвистике модели в виде деревьев, таблиц, матриц и диаграмм.

Модели могут быть адекватными изучаемому явлению и неадекватными, то есть отражать лишь мнение данного ученого об объекте, но не сам объект. В первом случае, когда модель построена так, что она схватывает существенные

черты изучаемого объекта, она обладает большой объяснительной силой, то есть подсказывает ученым, какие стороны этого объекта надо еще выявлять, чего еще можно ожидать при дальнейшем исследовании. Создание такой модели – большая заслуга ученого, несомненный шаг вперед в изучении ненаблюдаемого объекта.

6.2. Модели искусственных языков и естественного языка

Один и тот же предмет изучения может быть представлен моделями разного типа. Хорошим примером является существование различных способов картирования земного шара и представление его в виде глобуса. Разные модели не мешают друг другу, а дополняют одна другую, делая представление людей о данном объекте более разносторонним и полным. В моделировании системы языка сложилось два разных по задачам и способам направления. Математическое моделирование системы языка выполняется дедуктивным путем. Составитель модели задает предварительно ее основные параметры, по которым, следуя логическим правилам, развивает ее фрагменты. Целью математического моделирования является создание искусственных языков, отвечающих заданным правилам, применимых для работы различных машинных устройств.

Формализованные искусственные языки представляют собой упрощенные модели языка. Они соотносятся с естественными языками, но не могут отражать совокупность их особенностей и закономерности их функционирования.

Моделирование естественного языка ставит своей целью раскрыть устройство естественного языка. Изучая особенности человеческого языка различными методами, лингвист синтезирует полученные данные и пытается связать их между собой той или иной структурой отношений.

Наиболее распространенными в настоящее время являются уровневая и полевая модели языка.

6.3. Уровневая модель языка

Модель уровней языковой системы построена под влиянием естественных наук, в которых под уровнями понимаются соотносительные системы, то есть такие, элементы которых складываются одни из других. Например, клетки живого организма состоят из молекул, молекулы из атомов, атомы из элементарных частиц. Системы, находящиеся в отношениях иерархии, называются уровнями. Предполагается, что по направлению от нижнего уровня к верхним возрастает количество единиц и сложность их организации.

Широкую известность получила теория уровней французского ученого Э. Бенвениста, который разграничивает следующие уровни: меризматический (уровень дифференциальных признаков фонемы), фонематический (уровень фонем), знаковый (уровни морфемы и слова) и категорематический (уровень предложения). Единица каждого уровня состоит из единиц низшего и входит как составная часть в единицу высшего уровня. Уровни имеют аналогичное устройство, или, как говорят, являются изоморфными друг другу.

Теория Э. Бенвениста рассматривает фактически только формальную сторону языка, в которой действительно фонемы вычленяются в морфемах, морфемы в словах, слова в предложениях. С.Д. Кацнельсон пишет, что теория

уровней Э. Бенвениста представляет процесс развертывания речевого ряда в виде процесса постепенного набора текста из типографских литер. Качественные различия реальных единиц не принимаются этой теорией в расчет, речь же характеризуется не только членораздельностью своих «составляющих», но также объединением и сращением их в непрерывные единства. Акцентируя первое свойство речевой структуры, теория уровней теряет из виду другое³.

Безусловно, формально-структурная модель языковых уровней Э. Бенвениста показывает лишь одну сторону системы языка, но она послужила толчком для поисков более совершенных моделей.

Много внимания разработке, уровневой модели уделили американские лингвисты С. Лэм, Г. Глисон и др. Они членят систему языка на четыре уровня или, по их терминологии, стратума: фонемный, морфемный, лексемный и семемный. Каждый стратум обладает своей единицей, и все единицы соотнесены друг с другом. Это – фонон, морфон, лексон и семон. Единицы каждого уровня объединяются в инварианты (фонемы, морфемы, лексемы и семемы), а реализуются в виде вариантов, которыми являются фон, морфа, лекса и сема.

В 1967 году в Москве была проведена конференция по проблеме уровней в системе языка. Выявились много разных моделей уровней, которые сложились в представлении ученых. Так, обсуждались «модель этажерки», «спирали», «замкнутой цепи» и др. Споры развернулись относительно количества уровней и их состава. Оспаривалась идея изоморфизма уровней. Высказывались мнения, что модель уровней не отражает устройства естественного языка в мозгу человека, а является только приемом описания языка учеными.

Конференция послужила стимулом для разработки многих более тонких и сложных моделей уровневого устройства системы языка. Одной из наиболее разработанных и логически последовательных является уровневая модель И.П. Распопова.

Автор задает три постулата: 1) Система складывается из подсистем, которые располагаются одна над другой в строго регламентированном порядке; 2) Подсистемы выделяются по вертикали. Единицы каждого уровня имеют специфическое качество; единицы более высокого уровня строятся из единиц более низкого уровня путем интеграции; 3) Единицы каждого уровня могут быть выявлены в любом осмысленном тексте.

Эти постулаты строго выдерживаются. Выделены четыре основных уровня: фонологический, морфологический, лексический, коммуникативно-синтаксический. Их единицы: фонема, морфема, слово, предложение. Признаются промежуточные уровни – морфонологический, лексико-морфологический, конструктивно-синтаксический. Их единицы: грамматическая форма, словообразовательный тип и синтаксическая конструкция. Словосочетание и сложное предложение как уровни не рассматриваются.

Уровневая модель языка, хотя и не стала общепризнанной, получила, однако, достаточно широкое хождение. Во всеобщее употребление вошло выражение «рассматривается на уровне чего-л.», в котором на месте «чего-л.»

³ Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 98-99.

может быть любое явление языка. Теория уровней, представленная разнообразными моделями, оказалась полезной для познания системы языка, хотя она и не дала никаких аргументов в доказательство того, что в естественном языке действительно существуют некоторые уровни. Уровневая модель – лишь прием экономного представления отношений между отдельными единицами языка; отражая некоторые существенные стороны языка, она оставляет в стороне целый ряд других важных языковых явлений.

6.4. Полевая модель системы языка

Одновременно с уровневой моделью отечественные ученые начали разработку полевой модели системы языка.

На конференции в 1967 году, посвященной обсуждению модели уровней языка, В.Г. Адмони отметил, что в языке есть параллелизмы и пересечения, сферы, прорезающие уровни (например, средства обозначения модальности), образования типа полевой структуры. Признав уровнями фонетику (фонологию), морфологию и синтаксис, В.Г. Адмони указал, что остальные сферы (лексика, словообразование, порядок слов) соотносятся с ними не по принципу «выше – ниже», а гораздо сложнее и многообразнее.

Глубокое взаимодействие так называемых «уровней» показал на примере категории темпоральности и аспектуальности А.В. Бондарко, который выдвинул понятие функционально-семантической категории. Такая категория организована по принципу поля, имеет ядро и периферию.

Разработка этих идей привела к созданию полевой модели языка, отразившей наблюдения ученых над организацией явлений естественного языка.

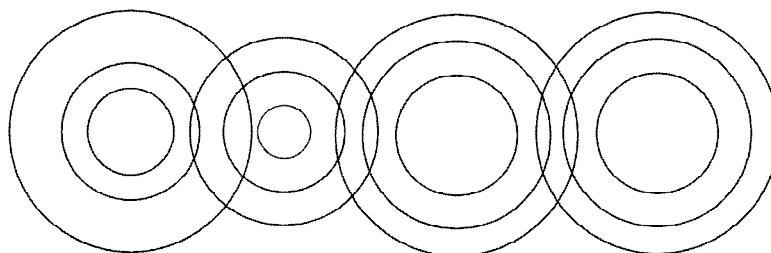
А.В. Бондарко определяет поле как категорию со следующими признаками:

1. Общность семантических функций у элементов.
2. Взаимодействие грамматических и лексических элементов.
3. Членение центр (ядро) – периферия; постепенные переходы от одних группировок к другим, частичные пересечения, общие сегменты.

Полевая модель активно разрабатывается и используется чешскими лингвистами.

Теоретиком полевой модели языка в советской лингвистике является Г.С. Щур, автор многих работ в этой области. Он определяет поле как способ существования и группировки лингвистических элементов с общими инвариантными свойствами.

В графическом изображении полевая модель может быть представлена примерно так:



Ее вид хорошо совмещается с имеющимися в нейропсихологии и нейролингвистике изображениями расположения и связей нервных клеток в мозгу человека. По признанию многих лингвистов, психолингвистов и нейролингвистов, сеть отношений в языковой структуре является отображением сети нервных связей в мозгу человека. Если мы правильно понимаем связи между элементами языка, то они, эти связи, изоморфны связям тех нервных клеток мозга, которые хранят в себе данные элементы языка, а моделирование этих связей может иметь значение и для специалистов, изучающих устройство человеческого мозга и функции его отделов.

6.5. Многослойная модель системы языка

Эта модель была получена в ходе изучения языкового поведения человека, испытывающего разные степени измененного состояния сознания. Такое состояние сознания возникает под воздействием стрессов, шока, алкоголя, наркотиков, некоторых медикаментов, специально подобранных в целях эксперимента. Исследователь Дмитрий Леонидович Спивак выяснил, что по мере углубления измененного состояния сознания уменьшается количество языковых средств, которыми в состоянии воспользоваться говорящий. Падает количество существительных, прилагательных, союзов, предлогов, сокращается длина слов и предложений. Дольше всего сохраняются глаголы, местоимения, частицы, стереотипные выражения, эмоциональные компоненты, однословные высказывания.

На основе этих данных моделируется ядро языковой системы – это те ее компоненты, которые дольше всего сохраняются. Компоненты, которые послойно уходят из языковой деятельности человека по мере изменения состояния его сознания, оказываются на периферии языковой системы. Выстраивается многослойная модель системы языка, в которой ядерные слои лежат на самой глубине, а периферийные оказываются менее глубоко заложенными в языковую память и потому легче утрачиваются.

Многослойная модель языка также требует ее объемного изображения.

6.6. Модель ассоциативно-вербальной сети Ю.Н. Караулова

Юрий Николаевич Караулов и его ученики провели серию экспериментов для выявления ассоциаций информантов на предъявляемые им разнообразные словесные стимулы. Среди полученных ассоциатов было немало словообразовательных и словоизменительных вариантов слов. Гипотеза Ю.Н. Караулова состоит в том, что вся грамматика языка лексикализована и привязана к отдельным лексемам. Лексика не существует вне грамматики. Она представлена в языковом сознании в виде словоформ, которые типически в образцах отражают всю грамматику.

Действительно, в словарных статьях, полученных в ассоциативных экспериментах, слово-стимул вызывало в качестве слова-реакции обычно те словоформы, которые сочетаются со словом-стимулом в речи. Так, к стимулу *бежать* получены ассоциаты *без оглядки, быстро, бегом, в кусты, в спортзал, вдогонку, вперед, впереди, далеко, из дома, кросс, куда глаза глядят, кругами, от*

возмездия, по дороге, по кругу, сломя голову и нек. др.

Анализ полученного материала позволил Ю.Н. Караулову предложить модель системы языка в виде ассоциативно-вербальной сети, в которой лексика и грамматика не разделены. Слова в этой модели понимаются как конкретные словоформы, хранящиеся в памяти в составе привычных последовательностей наборов словоформ, каждая из которых одновременно входит во множество таких последовательностей. Ассоциативно-вербальная сеть хранится и работает в пульсирующем режиме, в каждый момент времени изменяется набор актуализованных связей между ее узлами. Как будто бы мигает елочная гирлянда из десятков тысяч лампочек. АВС аналогична любой неравновесной неустойчивой (физической или социальной) системе. Симметрия в АВС – это «мертвая вода», которая ее собирает и скрепляет. Асимметрия – это «живая вода», придающая ей динамичность за счет неравномерности ее концентрации.

Эта модель снимает многие трудности уровневой модели и вполне совмещается с полевой и многослойной моделями, хотя сопоставление ассоциативно-вербальной сети с полями и слоями еще не продумывалось и не осуществлялось.

На основе изучения изложенных и ряда других индивидуально-авторских моделей системы языка мы разработали и принимаем за основу дальнейшего изложения динамическую модель системы языка.

6.7. Динамическая модель системы языка

Динамическая модель системы языка выстраивается с учетом последовательности восприятия языка ребенком или иностранцем, знакомящимся с языком баз помощи преподавателя в условиях иноязычной среды.

Иначе говоря, модель строится на предположениях о порядке закладывания элементов системы языка в мозг человека. Провести эти предположения строго и непротиворечиво не удастся, слишком многое еще не понято и не разъяснено как в учении о восприятии речи, так и в учении об усвоении системы языка.

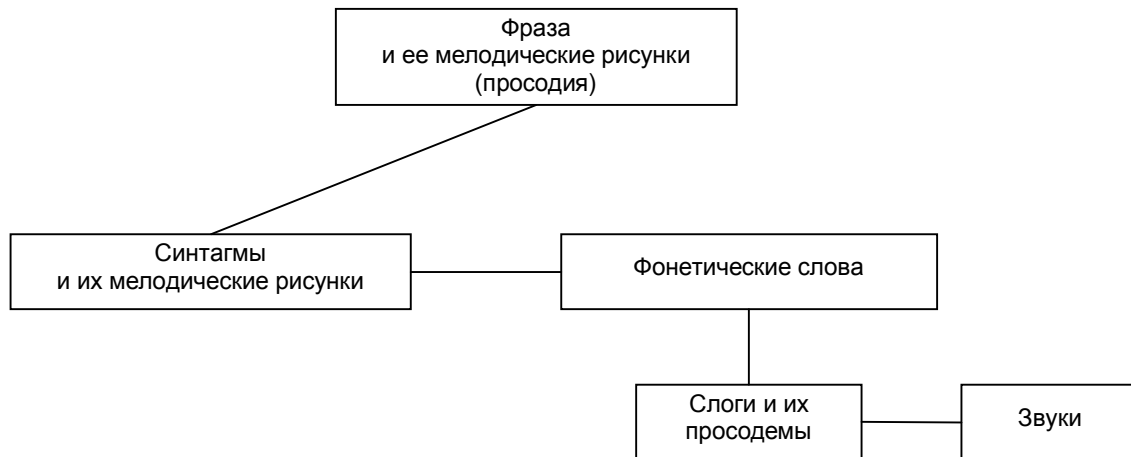
Следует также учитывать бесспорное для нас положение о том, что система языка неиерархична и имеет разрывы и пустые клетки. Тем не менее, контуры такой системы просматриваются.

Первоначальное знакомство с неизвестным языком начинается с восприятия звучащей речи, с восприятия фраз. Многократное восприятие звучащих фраз позволяет усвоить их мелодические рисунок, научиться расчленять фразы на интонационные единства от паузы до паузы. Именно по мелодическим рисункам угадываются коммуникативные намерения говорящего (утверждение, приказ, вопрос, урезонивание и т.п.). Наименьшие звуковые отрезки от паузы до паузы, объединенные одним ударением, так называемые фонетические слова, как правило, являются словоформами, лежащими в основе системы языка.

Научившись вычленять словоформы из потока звучащей речи, обучающийся и сам начинает их воспроизводить, пытаясь вступить в контакт с окружающими. Произнося отдельные словоформы, человек обнаруживает их членение на слоги – самые минимальные отрезки произношения. В рамках слога реализуются и наименьшие компоненты интонации – просодемы. Умение

распознавать слоги и их последовательности необходимо для того, чтобы различать и воспроизводить фонетические слова. Позднее, обычно уже в школьном возрасте и чаще всего при обучении письму говорящий, сопоставляя слоги друг с другом, приходит к пониманию отдельных звуков, по которым слоги отличаются друг от друга.

Описанную часть модели, которую мы называем **ФОНЕТИЧЕСКИЙ БЛОК** или фонетическая подсистема, можно изобразить в виде следующей схемы.



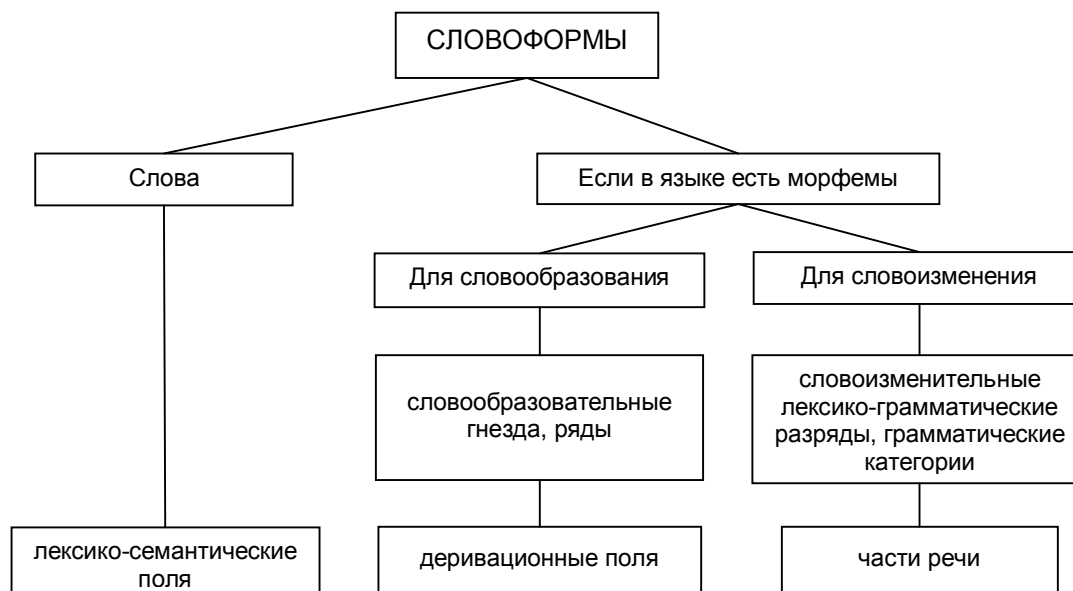
Все составляющие фонетического блока имеют звуковую, то есть материально выраженную физическую реализацию и находятся в плане выражения системы языка, хотя их звуковые образы (подобно музыкальным мотивам) хранятся в памяти носителя языка.

Выделение фонетических слов из фраз, несомненно, сопровождается их ассоциированием с некоторыми мыслительными образами (денотатами).

Те фонетические слова, которые оказываются знаками вещей, действий, признаков и других образов реальной действительности, выделяются наиболее активно и закрепляются в памяти носителя языка.

Словоформы по мере их накопления вступают друг с другом в разнообразные отношения по звучанию и по значению, в результате чего в мозгу происходит их группировка. Именно такими группировками являются **СЛОВА** (словоформы с одинаковым лексическим значением), **СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЕЗДА**, **РЯДЫ** и **ПОЛЯ** (по сходству морфем, составляющих словоформы) и **СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫЕ ПАРАДИГМЫ** (по сходству основ и при различных их окончаниях-флексиях). Слова группируются далее в лексико-семантические поля, а с учетом их грамматических особенностей – в **ЧАСТИ РЕЧИ**.

Переплетение словоформ по всем этим параметрам образует второй блок системы языка – **ЛЕКСИКОН**. Этот блок можно представить следующей схемой.



Каждая единица лексикона (лексема) одновременно входит в несколько объединений – в лексико-семантическое, в словообразовательное, в словоизменительное поля, которые переплетаются и пересекаются друг с другом.

Одновременно, как мы полагаем, с формированием лексикона у человека, изучающего естественный язык, происходит и формирование блока структурных схем. Это вытекает, в частности, из модели АВС Караулова, показавшей, что каждая словоформа в памяти человека существует в сочетании с другой или с другими, обычно встречающимися вместе с ней в речи, словоформами. Простейшие высказывания, с восприятия которых начинается и понимание, и воспроизведение речи, обычно оформляют суждение, минимальный акт человеческого мышления. Для его выражения должны быть известны как минимум две словоформы – одна для обозначения субъекта суждения (субъектив), а другая для обозначения предиката мысли (предикатив). В развитых языках существует несколько последовательностей словоформ субъективов и предикативов, различающих так называемые структурные схемы простого предложения. Распространение основных словоформ, составляющих структурную схему простого предложения, с помощью разного рода определителей способствует образованию структурных схем непредикативных словосочетаний.

Компоненты структурной схемы и их распространители в конкретных высказываниях обычно обозначают наиболее обобщенные компоненты человеческой мысли, такие как деятель, действие, орудие действия, объект действия, время и место действия, причина и цель действия и некоторые другие. Словоформы, которые регулярно используются для обслуживания одного и того же смысла, соотносятся друг с другом по их функции и образуют ряды так называемых членов предложения.

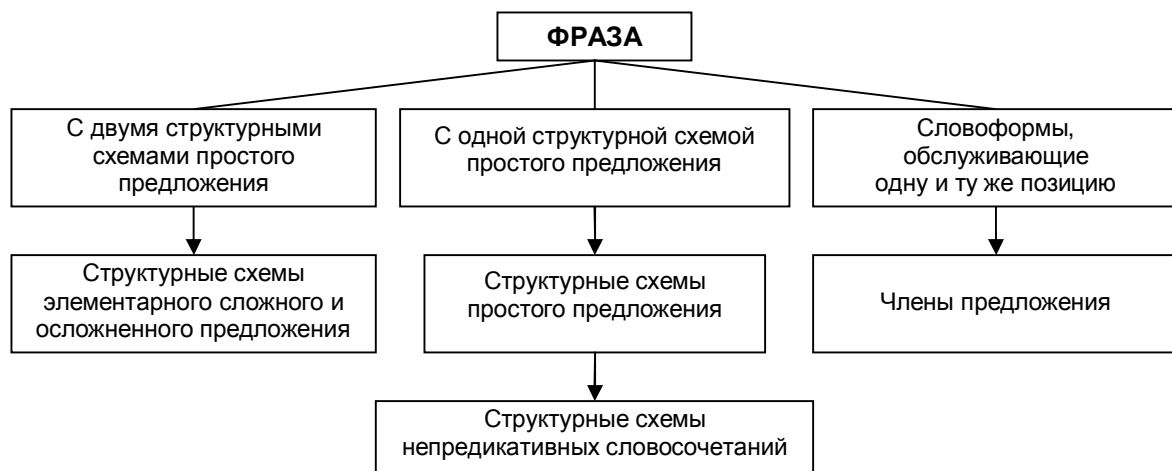
Умение вычленить структурную схему простого предложения, распознать обслуживающие ее в высказывании прочие члены предложения позволяет разграничить высказывания с одной и двумя структурными схемами простого предложения (так называемые элементарные сложные предложения).

Для обслуживания сложных предложений складываются специальные

служебные слова (союзы, союзные слова, частицы разного рода), которые способствуют формированию структурных схем сложных предложений. Это уже довольно поздние по времени формирования структуры. Известно, что схемы сложного предложения нарабатывались «на глазах истории», что прослеживается по письменным текстам, а в речи ребенка становление схем сложных предложений происходит в 12-14 лет.

Наиболее поздними являются схемы осложненных предложений, в которых, наряду с обычной структурной схемой простого предложения, имеются так называемые обороты (причастный, деепричастный и т.п.), которые представляют собой «свернутые» схемы простого предложения.

СТРУКТУРНЫЙ (СИНТАКСИЧЕСКИЙ) БЛОК системы языка мы представляем в следующей схеме.



Словоформы, обслуживающие одну и ту же позицию, образуют лексико-грамматические группы и поля, подобные лексико-семантическим группам лексем. Например, позицию «место действия» занимают словоформы: *в комнате, на площади, под Москвой, над рекой, за углом, перед вокзалом, возле леса, около дерева, между домами* и т.п. Все они объединены архисемой «пространственный объект». Порождённые синтаксической позицией, объединения словоформ входят в лексикон и осуществляют связь между блоком структурных схем и блоком лексикона.

Многие последовательности словоформ, организованные по структурной схеме простых, элементарных сложных и осложненных предложений, по структурным схемам словосочетаний, благодаря особенностям своего лексического наполнения способны превращаться в устойчивые словосочетания, фразеологизмы, пословицы и поговорки, крылатые слова и афоризмы. По своей знаковой природе они тяготеют к словам, а по своему устройству отражают особенности синтаксических структур данного языка. Через фразеологию языка осуществляется постоянная связь структурного блока и лексикона.

Добавим к этому, что позиции в структурных схемах предложений могут заполняться не только словоформами, но и сочетаниями словоформ. Та же позиция «место действия» может быть обозначена и так: *недалеко от центра города, на аллеях парка, заросших кустами сирени, за сто километров от моря* и т.п. В конечном счёте, благодаря глубоким внутренним связям между

структурами и их лексическим наполнением формируются лексико-фразеологические поля.

Представленные на схемах три основных блока (подсистемы) системы языка несомненно взаимосвязаны и взаимодействуют во всех процессах языковой деятельности человека (обучении языку, слушании, говорении и др.), но в то же время обладают известной автономией. Фонетический блок может быть воспринят и даже воспроизведен слушателем, не знающим, какие смыслы выражены говорящим.

Лексикон можно изучать как список слов, не зная структурных последовательностей, в которых участвуют изучаемые лексемы (что бывает при неумелом изучении или преподавании языка).

Известно, что можно освоить структурный блок языка и научиться осмысливать устройство высказываний, не зная в достаточной мере лексикона языка.

Динамическая модель показывает, что в каждом блоке системы языка есть свои подсистемы, которые имеют разную степень обязательности для устройства блока. В лексиконе многих языков нет словоизменительной ветви, некоторые языки мира (китайский, например) обходятся без словообразовательных морфем. В синтаксическом блоке не обязательны подсистемы структурных схем словосочетаний, поздно формируется блок структурных схем сложных и осложненных предложений. Обычно в бесписьменных языках этих подсистем нет.

Такой тип системы в современной системологии называется неиерархическим, то есть таким, у которого нет ни одной только управляющей или только подчиненной подсистемы. Но все подсистемы такой системы взаимосвязаны, так что любое изменение в одной подсистеме обязательно так или иначе (прямо или опосредованно) проявляется во всех других подсистемах.

Динамическая модель системы языка позволяет более четко проводить грань между явлениями, относящимися к системе языка, и явлениями речевой деятельности как процесса.

Многообразие моделей системы языка свидетельствует, на наш взгляд, об исключительной сложности системы языка, заключенной в мозгу человека. Модели дополняют друг друга, приоткрывая то один, то другой аспект изучаемого феномена.

В нашем учебном пособии рассматривается лексико-семантическая ветвь лексикона, расширенная за счёт фразеологических сочетаний, отражающих особенности синтаксических структур изучаемого языка.

Рекомендуемая литература

Адмони В.Г. Уровни языка или сферы языка? Порядок слов как результат взаимодействия различных уровней. – В кн.: Уровни языка и их взаимодействие. М., 1967.

Арутюнова Н.Д. Стратификационная модель языка. – Филол. науки, 1968,

№ 1.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Бехтерева Н.М. Новое в изучении мозга человека. – Коммунист, М., 1975, №

13.

Блауберг И.В., Юдин Б.Г. Понятие, целостности и его роль в научном познании. М., 1972.

Бондарко А.В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость. – Вопр. языкознания, 1972, № 3.

Бондарко А.В. О взаимодействии языковых уровней в рамках функционально-семантической категории. – В кн.: Уровни языка и их взаимодействие. М., 1967.

Будагов Р.А. Система и антисистема в науке о языке. – Вопр. языкознания, 1978, № 4.

Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М., 1990.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. – В кн.: Новое в лингвистике. М., 1960.

Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М., 1993.

Касымова О.П. Язык в свете основных понятий системологии. Уфа, 2002.

Клычков Г.С. К понятию иерархии единиц и определению уровня языка. – В кн.: Уровни языка и их взаимодействие. М., 1967.

Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М., 1973.

Мельников Г.П. Язык как система знаков и знаковые универсалии. – В кн.: Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.

Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М, 1972.

Попова З.Д. Модели системы языка в русском языкознании конца XX века // Вестник ВГУ. – Серия 1. Гуманитарные науки. 2/1999, с. 171-181.

Распопов И.П. Система языка и ее уровни. – В кн.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1976.

Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971.

Спивак Д.Л. Язык в условиях измененного состояния сознания. Вопросы языкознания. 1983, № 5, с. 43-49.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.

Свидерский В.И. О диалектике элементов и структуры. М., 1962

Шехтман Н.А. Системность и система. Единица системности. – В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1969, вып. 2.

Шур Г.С. Теории поля в лингвистике. М., 1974.

Глава II

ПРОБЛЕМА СЛОВА КАК ЕДИНИЦЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

§ 1. Слово как единица системы языка

Слово является объектом изучения в словообразовании. На основе одного и того же корня от одного слова образуются ряды других слов (рыба – рыбный – рыбак – рыбацкий – рыболов – рыболовецкий). Слова могут образовывать группировки и на основе общего аффикса, если они выражают одно и то же словообразовательное значение (рыбный, сырный, хлебный, сахарный, молочный, мучной и т.д. – все эти прилагательные имеют суффикс *-н-* и обозначают отношение к предмету, названному корнем). Такие группировки слов дают словообразовательные гнезда и типы, которые являются элементами словообразовательной системы языка. В сфере словообразования слово интересует исследователя только как звено в цепи однотипных слов.

Учение о частях речи также имеет дело со словом. Здесь слово выступает как минимальная составляющая части речи, как элемент, входящий в класс наименований предметов или признаков, действий или их признаков и т.д. По принадлежности к части речи слово входит во множество группировок, называемых грамматическими категориями.

Рыба, стена, плита, страна, рука – категория существительных женского рода. Рыба, ребенок, стрекоза, козел – категория одушевленных существительных ед. числа им. падежа.

Рыба, плыла, холодная, первая – категория женского рода.

Рыба, паровоз, бочка, танк, велосипед – категория имен существительных.

В учении о частях речи слово рассматривается не как единичная сущность, а как представитель той или иной грамматической категории. В лексикологии слово выступает как индивидуальная сущность, с особым значением, в конкретных связях с явлениями реальной действительности и другими словами.

Слово по значению может быть соотнесено с разными элементами реальности. Например:

- Рыба. 1. Живущее в воде и дышащее жабрами позвоночное животное с конечностями в виде плавников и с кожей, покрытой чешуей.
2. Вялый, бесстрастный человек (разг.).

На основе своего индивидуального значения слово включается в обширные ряды и большие группировки:

Рыба, лягушка, малек, головастик, кит – обитатели водоемов.

Рыба – карась, щука, ерш, пескарь, сельдь, треска, горбуша, осетр – род и

видовые наименования.

Рыба, птица, зверь – животные.

Рыба, птица, зверь, человек – одушевленные существа.

Рыба, рыбак, снасти, сети, сейнер, улов, промысел, рыболовецкая артель – тематическая группа «рыбный промысел».

Рыбы, раки, реки – сходство слов по тематической близости и по звучанию.

Рыба, плавать, жабы, плавники, вода, ручей, вильнуть, хвост – набор слов, наиболее часто встречающихся в речи по соседству, и многие другие.

В лексикологии слово рассматривается и со стороны его звучания: какова судьба этого звучания, как оно сложилось, с каких пор существует, для чего и как использовалось и используется.

Таким образом, одно и то же слово рассматривается несколькими отделами языкознания, и все-таки нет уверенности, что выяснены все его связи, учтены все ряды, в которые оно входит.

Слово – основная единица языковой системы и потому оно изучается с разных сторон. В нашем пособии слово будет рассматриваться только как объект лексикологии, как индивидуальная сущность, как имя некоторой объективной реалии.

§ 2. Критерии определения слова

Что такое слово, кажется, известно всем носителям языка. Каждый, кто учился писать, знает, что слово от слова отделяется пробелом, что слова пишутся раздельно. Но почему же многие останавливаются в недоумении перед тем, как написать *то же* и *тоже*, *также* и *так же*, *издалека* или *из далека*, *за границу* или *за границу*, *недруг* или *не друг*, *вышесказанный* или *выше сказанный*, *недовыполнение* или *не довыполнение* и др. Очевидно, далеко не всегда можно точно установить, имеем ли мы дело с одним или с двумя словами. А как оценить, например, *никем* – *ни с кем*, одно слово или три слова? Подобные неясные случаи всесторонне обсуждаются в лексикологии. Ученые пытались найти такие признаки, по которым каждый раз можно было бы совершенно точно сказать, слово это или нет. Предлагались морфологические и фонологические критерии определения слова: слово имеет известную последовательность морфем (приставка, корень, суффикс, флексия), допускает определенные сочетания фонем в начале слова, на стыке морфем, в конце слова; слово объединяется одним ударением, в речи слово от слова можно отделить паузой.

Однако попытки описать все эти последовательности и сочетания показали их большую пестроту, глубокие различия по языкам и историческим эпохам. Морфологические критерии не позволяют бесспорно выделить слово как единицу лексической системы.

Известный русский ученый конца XIX века А.И. Томсон полагал даже, что деление на слова принято условно, для практических потребностей письма. Л.В. Щерба и М.Н. Петерсон считали, что определение слову дать невозможно,

потому что в разных языках слова очень различаются по своему устройству. С этой точки зрения слова можно разграничить только на письме, как последовательности букв, отделяемые друг от друга пробелом, иногда обозначаемые прописной буквой и другими графическими средствами. Это графематические критерии выделения слова, ограниченность которых очевидна, ведь ими можно воспользоваться только при чтении готового текста. А если нужно самому написать что-либо, то как узнать, в каком месте разрывать последовательности букв пробелами?

Более популярны семантические критерии определения слова. По этим критериям у слова должен быть в реальной действительности соответствующий объект (референт). «Колесо» – это слово, потому что всем известен такой предмет, как колесо. «Солеко» – это не слово, потому что нет никакого реального предмета, к которому относилось бы такое звучание. По семантическим критериям слово также способно образовать высказывание: Дождь! Ах! Бегу! и т.п. Но как быть с такими частичками, как *бы*, *ли*, *не*, *же* и т.п.? По семантическим критериям они не отвечают статусу слова, а из практики каждый знает, что употребляются они наравне с другими словами как самостоятельные единицы.

Предлагались и второстепенные вспомогательные критерии: возможность расчленить последовательность на составляющие, переместить их по отношению друг к другу, пропустить одну из них и т.д. (никто – ни у кого, но нельзя: у кого ни, у ни кого; никто не пришел, но нельзя: ни не при кто шел). Наиболее последовательно и обстоятельно все трудности в определении слова рассмотрел проф. А.И. Смирницкий.

Не существует ни одного критерия, который последовательно выделял бы все слова данного языка. Трудности возрастают в тех языках, где слово не имеет развитой системы словоизменения или вообще не изменяется. Характерно, что китайское языкознание не использует понятия «слово». Большинство односложных слов китайского языка позволяет применять к ним понятие «цзы» (значащий однослог). «Цзы» представлен на письме иероглифом.

Представители американской дескриптивной лингвистики (Л. Блумфильд, Г. Глисон и др.) считали возможным ограничиться понятием «морфема», не решая вопроса о границах слова.

Но в языках с развитой системой словообразования и словоизменения обойтись без понятия слова нельзя, слишком отчетливо разграничиваются *нос* и *носить*, *даль* и *дальний*, *пять* и *пятерка*, *железно* и *железо*. На материале флективных языков проф. А.И. Смирницкий расчленил проблему слова на проблему отдельности и проблему тождества слова.

§ 3. Проблема отдельности слова

Проблема отдельности слова состоит в поисках критериев, которые позволят отличить целое слово от его части (морфемы) и целое слово от сочетания двух слов (фразеосочетания). А.И. Смирницкий предлагает критерии смысловой

законченности и грамматической оформленности. От морфемы слово отличается смысловой законченностью, от сочетания слов – грамматической оформленностью.

Эти критерии не являются универсальными. Единицы, обладающие смысловой законченностью, могут не иметь устойчивой грамматической оформленности. Ср.: нездоровится – не очень здоровится; негде сесть – есть где сесть; ничем – ни с чем. В немецком языке широко распространено отделение от глагола приставки и вынесение ее в конец предложения: *aufstehen* – *stehe auf*, включение служебных слов в середину сложных слов (*lautwandeln* – *lautzuwandeln*, *Mittel-und-Hochschulen* и др.).

И все-таки для подавляющей части словаря эти критерии удовлетворительны. Различие между морфемой и словом осознается каждым носителем языка. Это проявляется, в частности, в том, что значение слова отчетливо воспринимается и в речевой последовательности: *дождливый день*, *дождливый сезон*, *дождливый край*, и в языковой группировке: *дождливый*, *солнечный*, *пасмурный*, *туманный*, *знойный* и т.д.

Значение морфемы в речевой последовательности не воспринимается. Его можно осознать, притом не всегда отчетливо, только при специальном подборе языковой группировки: *дождливый*, *сонливый*, *смешливый*, *ребячливый*, *потливый* и т.п. Из этой группировки морфема *-лив-* выделяется как указание на склонность к чему-либо. На это психолингвистическое различие указал В.З. Панфилов.

Критерии отличия слова от фразеологического сочетания активно обсуждались российскими учеными в конце 1960-х годов. По семантическим критериям слово и фразеологическое сочетание часто оказываются неразличимыми (ср. участвовать и принимать участие, помогать и оказывать помощь, безразлично и как с гуся вода). Некоторые фразеологи (например, Н.М. Шанский) настаивали на том, что фразеологизм равен слову и в нем не выделяются составные части – слова. Однако критерий грамматической цельнооформленности, предложенный А.И. Смирницким, оказался сильным. Вхождение в состав фразеологизма цельнооформленных составляющих существенно отличает его от отдельного слова. Например, в составе фразеологизма возможны перестановки составляющих, чего не должно быть в слове (заправлять арапа – арапа заправлять), возможны замены составляющих (бог его знает, шут его знает), гораздо богаче семантические возможности, так как в выражении значения участвуют несколько слов («медвежья услуга» не имеет эквивалентного слова) и т.д.

Таким образом, слово удается выделить по критериям смысловой цельности и грамматической оформленности в их совокупности.

§ 4. Проблема тождества слова

После того как слово выделено, возникает проблема определения его границ: как узнать, что встретившиеся в конкретных высказываниях формы есть действительно формы одного и того же (того же самого) слова. Можно ли считать

одним словом *стол* и *столы*, *лиса* и *лисица*, *ветер* и *ветр*, *творог* и *творог*, *рельс* и *рельса*, или в немецком языке *Korn* и *Körne* (зерно), *Spitze* и *Spitzen* (кружево)? Можно ли относить к одному слову случаи употребления одного звучания в разных значениях (зуб человека и зуб пилы)? Известно, что А.А. Потебня каждое употребление слова считал разным словом. По мнению А.И. Смирницкого, различия в грамматических значениях не нарушают тождества слова. Слово как единица может иметь варианты.

Лексикологи различают несколько типов вариантов слова на основе определения А.И. Смирницкого: «Что касается лексических разновидностей слова, то для того, чтобы эти разновидности представляли собой варианты одного и того же слова, необходимо: во-первых, чтобы, различаясь, они имели общую корневую часть, а следовательно, материально, в звуковой оболочке выраженную лексико-семантическую общность; во-вторых, чтобы вместе с тем не было соответствия между материальными, звуковыми различиями и различиями лексико-семантическими, т.е. чтобы первые не выражали последних»⁴.

Для языка как системы характерны следующие типы вариантности слова.

1. Фонетические варианты: матрас – матрац, строгать– стругать, твОрог – творОг, издалека – издалёка, калоша – галоша; нем. *der Altar* – *der AltAr*, *fEuerrot* – *feuerrOt*, *der Geologe* – *der Geolog*, *gerne* – *gern*.

2. Словообразовательные варианты: синонимичный – синонимический, табурет – табуретка, подсолнух – подсолнечник, очищение – очистка; нем. *bohnen* – *bohnen*, *die Begier* – *die Begierde*, *die Demobilisation* – *die Demobilisierung*.

3. Формообразовательные варианты: прожекторы – прожектора, мной – мною, поезжай – езжай, в цехе – в цеху, выбрось – выброси; англ. *learned* – *learnt*, *hid* – *hidden*, *stank* – *stunk*.

4. Морфологические варианты: окно – окна – окну – окном и т.д. , читал – читаю – буду читать и т.д. ; англ. *speaks* – *spoke* – *is speaking* – *has spoken* etc.

5. Лексико-семантические варианты слова (ЛСВ):

Молодой

- 1 ЛСВ – юный, небольшой по возрасту,
- 2 ЛСВ – недавно начавший расти, существовать (дерево, картофель, сотрудник),
- 3 ЛСВ – недавно приготовленный, без достаточной крепости (сыр, квас, вино),
- 4 ЛСВ – свойственный, присущий молодости (задор, энтузиазм),
- 5 ЛСВ – только что вступивший в брак (поздравить молодых).

В английском языке:

- | | |
|-----|--|
| Tug | 1 ЛСВ – рывок, |
| | 2 ЛСВ – буксир, |
| | 3 ЛСВ – ляжка, постромка, |
| | 4 ЛСВ – дужка ведра, |
| | 5 ЛСВ (жарг.) – школьный стипендиат, отличник. |

⁴ Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956, с. 42.

Все эти значения связаны между собой отношениями семантической производности, что и позволяет говорить о лексико-семантической вариантности. Варианты не препятствуют тождеству слова, основой которого является материальная оболочка, звучание слова.

Одно из наиболее убедительных решений проблемы слова принадлежит, на наш взгляд, В.М. Жирмунскому, который определяет слово как кратчайшую единицу языка, самостоятельную по своему значению и форме. Семантическое единство лежит в основе выделения слова, но оно обязательно должно опираться на формальное. Сложным является вопрос о пограничных явлениях, лежащих между формами одного слова и разными словами. Таковы, например, в русском языке формы степеней сравнения прилагательных (белый, белее, белейший – одно слово или разные слова?). Спорным является отнесение к одному слову видовых пар русских глаголов (знать – узнать, ехать – приехать и т.п.). На границе между формами слова и отдельными словами лежат так называемые аналитические формы слова (буду писать, самый большой, всего дороже и т.п.). Привлекает внимание и вопрос о супплетивных формах слова (иду – ходить, человек – люди, дети – ребенок и др.). Убедительным представляется вывод В.М. Жирмунского о том, что формы одного слова представляют собой иерархию: есть бесспорные формы данного слова, образующие ядро слова, и пограничные формы, уводящие от слова к сочетаниям слов.

В целом, определяя слово как единицу системы языка, мы можем воспользоваться принципом поля. Категория слов образуется единицами, целостными по своему значению и грамматической форме. Но этими единицами она не исчерпывается, они образуют ядро системы слов. На ее периферии находятся членимые слова, слова служебные (предлоги, частицы, союзы, артикли) и т.п.

Таким образом, слово поддается определению на основе типичных признаков его бытования без учета периферийных, переходных случаев, стоящих на грани между словом и частью слова.

§ 5. Проблема значения слова

Слово существует в единстве звучания и значения. Звучание только тогда осознается как слово, когда можно указать предмет, явление в реальной действительности или в сфере человеческой мысли, который этим звучанием представляется. *Завод, снег, вокзал* – слова русского языка; *занет, негес, заклов* – не являются словами. Существует несколько разных взглядов на природу значения слова. Некоторые ученые сводят значение лишь к связи или отношению звучания к некоторому предмету действительности или мысленному образу этого предмета. Факт существования такой связи очевиден, но подобное понимание «значения слова» бессодержательно, так как связь у всех звучаний слов с обозначаемыми ими вещами одна и та же – ассоциативная. Практическая лингвистика интересуется содержательным наполнением значения слова, то есть

тем мыслительным содержанием, которое можно передать с помощью данного звучания. Именно такое толкование значения необходимо для словарей, учебных пособий, именно оно интересует говорящих людей, желающих точно и непротиворечиво изложить свои мысли. Отсюда вытекает, что значение слова – это некоторый мыслительный конструкт, набор смыслов, который можно передать с помощью конкретного звучания.

Лингвисты пришли к выводу, что в значении слова выделяется предметно-логическая или денотативная часть, и дополнительная, коннотативная часть, отражающая субъективные моменты человеческого восприятия данного понятия и его наименования.

Различаются две основные формы отражения действительности человеком – чувственная и рациональная. В денотативной части значения закрепляется результат рационального, логического познания, в коннотативной представлены те волевые и эмоциональные переживания, которые порождает явление объективной действительности и называющее его – слово.

И.В. Арнольд так характеризует денотативную и коннотативную части значения слова: «Лексическое значение каждого отдельного лексико-семантического варианта слова представляет сложное единство. Состав его компонентов удобнее рассматривать с помощью... принципа деления речевой информации на информацию, составляющую предмет сообщения, но не связанную с актом коммуникации, и информацию, связанную с условиями и участниками коммуникации. Тогда первой части информации соответствует денотативное значение слова, называющее понятие. Через понятие, которое, как известно из теории отражения, отражает действительность, денотативное значение соотносится с внеязыковой действительностью. Второй части сообщения, связанной с условиями и участниками общения, соответствует коннотация, куда входят эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистические компоненты значения»⁵.

В настоящее время в семной семасиологии коннотацией часто считают эмоциональный и оценочный компонент значения, остальные дополнительные компоненты значения получают иной статус.

Функциональная часть значения – информация об особенностях функционирования языковой единицы в речи. Она включает стилистические, социальные, темпоральные, территориальные и нек. др. типы сем (подробнее – в разделе о типологии сем в гл. 3).

Существование коннотативных и функциональных компонентов в значении слова делается очевидным в случаях разнообразных ошибок в употреблении слов. Ср.: Люба была горячая, безрассудно смелая девушка (о Любе Шевцовой, из сочинения). Слово *безрассудно* употреблено вместо *отчаянно смелая*, в коннотации слова *безрассудно* заключена отрицательная оценка, которая в данном случае неуместна. Ср. также: Мать и бабушка находились на страже (из сочинения о молодогвардейцах). *На страже* имеет функциональный оттенок

⁵ Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л... 1973, с. 105—106.

торжественности, неоправданный в данной ситуации. Выражение *находились на страже* употреблено вместо глагола *сторожили*.

Кроме того, в значениях слов, обозначающих конкретные предметы, помимо денотативного и коннотативного компонентов, рядом авторов выделяется еще чувственно-наглядный образ предмета. Этот образ является обобщенным чувственным представлением о предмете, существующим в сознании носителей языка. Образный компонент значения С.Д. Кацнельсон назвал эмпирическим. Он присутствует в значениях слов, обозначающих чувственно воспринимаемые предметы и явления.

§ 6. Типы значения слова

Наличие у слова прямого и переносного значений общеизвестно, и долгое время наука о языке и о художественной речи довольствовалась разграничением этих двух категорий.

В рамках «переносных» значений в свою очередь оказались разные образования. Типологию значений слова, пользующуюся всеобщей известностью, построил академик В. В. Виноградов. Он различает прямое номинативное, производно-номинативное, а также фразеологически связанное и конструктивно обусловленное значение слова.

Типами значения слова занимались и другие крупные семасиологи: Ш. Балли, Л.В. Щерба, Э. Бенвенист, С. Ульман, А. Вежбицка и др.

Классифицировать типы значений можно, исходя из разных оснований. С точки зрения связи с действительностью различаются значения прямые и производные (номинативные, характеризующие, экспрессивные). С точки зрения связи слова с контекстом могут быть значения свободные и связанные, не определяемые вне контекста. По грамматической организованности можно различать значения грамматически не обусловленные и грамматически обусловленные, по степени распространения среди говорящих на данном языке – индивидуальные (оказиональные) и общенародные (узуальные).

Возможна классификация типов значения слов по их синтаксической функции. Так, Н.Д. Арутюнова различает идентифицирующее значение у слов, которые, будучи названиями растений животных, предметов, в функции предиката получают значение одушевленного лица, обладающего некоторым признаком (дуб, карась, золото, крокодил). Функциональное значение способны иметь слова, которые обозначают лицо или предмет по его функции (сахарница, сеновал, регулировщик). Реляционное значение имеют наименования некоторых категорий пространства, времени, логики. Их число ограничено и исчислимо.

Специфический подход к выделению типов значения слов встречается у лексикографов, которые толкуют слова в словарях не только по правилам логики и грамматики, но и иногда с учетом структуры знания и структуры объекта описания с учетом индивидуальности слова.

Наблюдаются известные соответствия между лексикологической и психолингвистической классификациями типов значений слов. Так, А.Р. Лурия

выделяет номинативные, свободные и контекстные, связанные значения слов, опираясь на данные речевых афазий и зон поражения мозга.

В пособии излагается типология значений слов, основанная на отношении состава значения слова к предметам и явлениям реальной действительности и исходящая из учения В.В. Виноградова.

§ 7. Типология семем Д1, Д2, К1, К2, К3

Каждое значение многозначного слова мы называем термином *семема*. Звучание слова обозначаем термином *лексема*. Одна лексема может выражать много семем, но все они группируются в четыре типа: два денотативных и два коннотативных.

Денотативная первая семема (Д1) отражает экстралингвистическую реалию непосредственно, лексема является собственным первичным значением данной лексемы. *Поле* – открытое, широкое пространство, используемое для возделывания сельскохозяйственных культур. *Сеть* – изделие из переплетенных нитей с крупными ячейками, используемое для ловли рыбы или птиц. *Щетка* – изделие для чистки, мытья, обметания чего-либо в виде плоской колодки с часто насаженными на нее пучками жесткой короткой шерсти, волоса, волокон.

Денотативная вторая семема (Д2) отражает некоторую сущность через посредство сопоставления ее с семемой Д1, для которой имеется готовое наименование. Наименование семемы Д1 переносится на семему Д2. Между семемами Д1 и Д2 существует общая часть, иногда очень незначительная. Семема Д2 отражает некоторое явление действительности, которое не имеет другого названия, кроме перенесенного с семемы Д1. *Поле* – магнитное, электрическое, тяготения, лексико-семантическое – все это разные области пространства реального или мысленного, на которое распространяются магнитные, электрические волны, силы тяготения, физические или ассоциативные. Разные денотаты получили наименование с помощью одной лексемы *поле* по сходству с денотатом ее денотативной первой семемы.

Сеть – курортная, торговая, железнодорожная, электрическая – все это системы совершенно разных денотатов (курортов, торговых точек, железных дорог, электростанций), связанных общим подчинением единому управлению.

Щетка – приспособление в динамо-машине для проводки тока от вращающихся частей к неподвижным.

Коннотативная первая семема (К1) отражает некоторую сущность через образ денотативной семемы, которую обозначает их общая лексема. Семема К1 выражается только в словосочетаниях; лексема, употребленная вне определенного сочетания, выразить семему К1 не может. Смыслу К1 приписывается конкретно-чувственный образ семемы Д1.

Поле жизни представляет жизнь как поле, которое надо перейти;

сеть любви передает образ сети, опутывающей полюбившего человека;

щетка волос живописно изображает коротко остриженные и торчащие вверх волосы.

Между семемами Д1 и К1 существует живая, мотивированная связь.

Коннотативная вторая семема (К2) отличается от К1 отсутствием мотивированной связи с денотативной семемой той же лексемы. Такая связь когда-то была, но в результате разных исторических изменений в языке забылась.

У лексем «поле», «сеть» и «щетка» семем К2 не существует. Семеме К2 несут, например, лексемы «собака», «белуга», «клюква» в следующих фразеосочетаниях: вот где собака зарыта; реветь белугой; вот так клюква!

Помимо этих четырех типов семем существует еще один – коннотативная третья семема (К3). Она выражается лексемами, которые не имеют в языке никаких денотативных семем, и может быть воспринята только в конкретных фразеосочетаниях, вне которых нигде не встречается. Такие семемы несут, например, лексемы «баклуши», «лясы», «кулички» в идиомах: бить баклуши, точить лясы, у черта на куличках.

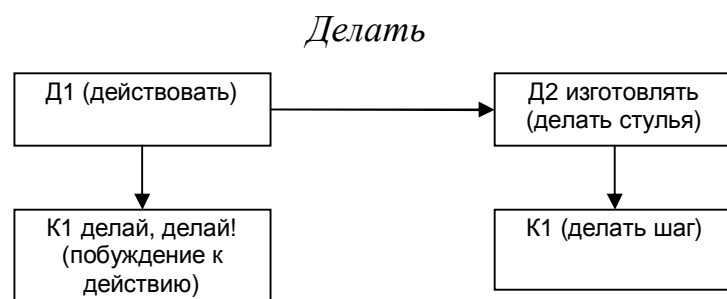
§ 8. Иерархия семем как семантическая структура слова

Совокупность семантически взаимосвязанных семем одной лексемы называют *семантемой*⁶. Опору семантемы составляет семема Д1. У конкретной лексемы может быть несколько таких семем. Например, «белок» – в яйце и в глазе параллельно получили наименования от слова *белый*.

Наименование Д1 путем переноса вторично используется для семемы Д2. Конкретная лексема также может иметь несколько семем Д2. Например, лексема «крыло» с первичной денотативной семемой (передняя конечность птицы) обладает Д2: крыло самолета, крыло дома, крылья носа.

Семема Д2 развивает свои Д2 и К1 так же, как это происходит у семемы Д1. Например, лексема «подъезд» имеет Д1 – действие по глаголу подъезжать. Эта семема ложится в основу семемы Д2 – «место, по которому можно подъехать», она в свою очередь используется для образования семемы Д2 – «один из входов в многоквартирный дом».

Лексема «делать» имеет семему Д1 (действовать) и Д2 (изготавливать). Каждая из них развивает коннотативные семемы.

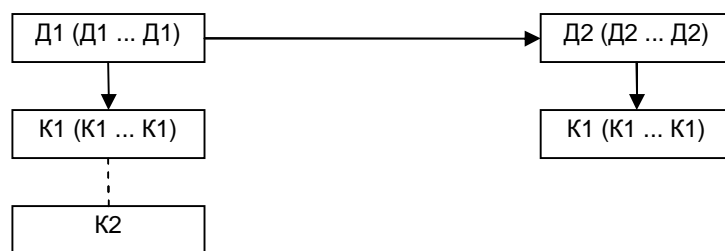


Семемы К2 имеются у ограниченного числа лексем и изолированы в смысловой структуре семантемы.

⁶ Васильев Л. М. Полисемия. — В кн.: Исследования по семантике. Уфа, 1975, с. 3.

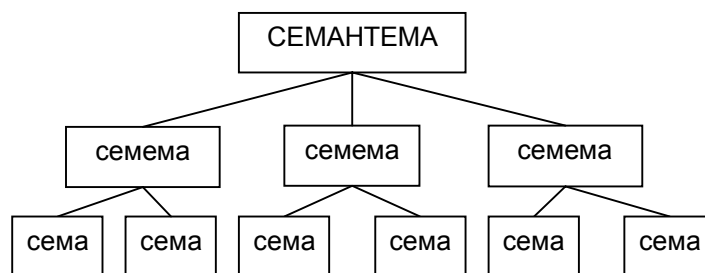
Семема КЗ не может входить ни в какую семантему, так как она представляет собой осколок исчезнувшей из языка семантемы.

Схематично устройство абстрактной семантемы выглядит так:



В конкретных семантемах можно наблюдать разнообразные варианты этой общей схемы.

Семантема является микроструктурой в лексико-семантической системе языка. Соотношение семантемы, семемы и следующего по уровню семантического элемента – компонента семемы (сема) можно представить следующим образом:



§ 9. Средства внутрилексемного разграничения семем

Поскольку семантема включает несколько семем, возникает вопрос, как носитель языка, слушая обращенную к нему речь, понимает, какую именно семему многозначного слова имеет в виду в данном случае говорящий? Это происходит благодаря наличию особых языковых средств, разграничивающих семемы в системе языка.

Данный вопрос был поставлен В.В. Виноградовым, который писал: «В сущности, сколько обособленных контекстов употребления данного слова, столько и его значений, столько и его лексических форм»⁷. Дальнейшая разработка вопроса о внутрилексемном разграничении значений осуществляется в трудах И.В. Арнольд, А.А. Уфимцевой, Д.Н. Шмелева, М.В. Никитина.

Система языка закрепляет за каждой семемой многозначного слова определенный набор формальных признаков, которые известны носителям языка в той же степени, что и сами семемы. Говорящий, в свою очередь, создает в своей речи такие формальные условия, чтобы произошла реализация именно той

⁷ Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972, с. 17-18.

семеме, которая ему необходима.

В обобщенном виде можно выделить три основных типовых способа разграничения семем многозначного слова: дистрибутивная разнооформленность соответствующих ЛСВ слова, морфологическая разнооформленность ЛСВ и тематическая закрепленность ЛСВ.

Под дистрибуцией понимается совокупность окружений слова; она подразделяется на синтаксическую и лексическую.

Синтаксическая дистрибуция – это модель синтаксического построения, в которой реализуется данная семема. Описывается синтаксическая дистрибуция в виде формул синтаксических конструкций.

К примеру, слово *шляпа* реализует семему «простофиля, растяпа» только в предикативной конструкции, будучи употреблено в качестве именного компонента сказуемого; ты (он) шляпа (то же самое со словами *ворона*, *орел*, *голова* при обозначении людей); в других конструкциях будут реализованы другие семемы этих слов.

Слово *град* реализует семему «много» только в конструкции град чего? (камней, вопросов и т.д.);

существительное *горсть* выступает в значении «мало» в конструкции горсть чего?; *гроза* реализует семему «наводящий страх» в конструкции гроза кого? чего?;

прилагательное *далекий* реализует семему «не думающий о чем-либо» в конструкции «далекий от чего-либо (далекий от науки человек);

слово *сторона* выступает в значении «вне главных событий» в конструкции «глагол + *в* + сторона (в вин. или предл. пад.)»;

глагол *отдать* выступает в значении «почувствовать боль» в безличной конструкции (отдает в спину);

слово *должен* выступает в значении «обязан уплатить» в конструкции должен кому?, а в конструкции с инфинитивом реализуется семема «обязан сделать» (должен купить, пойти) и т.д.

Лексическая дистрибуция – это слова определенного семантического разряда или разрядов, сочетающиеся с лексемой при реализации данной семемы.

Например, лексема *выбрать* реализует семему «найти» в сочетании со словами, принадлежащими к семантической группе обозначений единиц времени (выбрать время, час, момент);

глагол *сесть* реализует семему «перестать функционировать» (разг.) при сочетании со словами, обозначающими автономные источники электрического питания (сели батареи, аккумулятор, питание, элементы);

лексема *дать* выступает в значении «устроить, организовать» в сочетании со словами, обозначающими общественные развлекательные мероприятия (спектакль, концерт, обед, ужин);

вскочить реализуется в значении «внезапно появиться» (разг.) при сочетании со словами, обозначающими небольшие патологические изменения на коже человека (волдырь, шишка, фурункул, прыщ);

прилагательное *черствый* реализует семему «засохший» в сочетании с названиями хлебобулочных изделий и семему «бездушный» при сочетании с

названиями одушевленных лиц и т.д.

ЛСВ слова может обладать рядом морфологических особенностей, свойственных только ему и отличающих его семему от других семем данного слова.

Семема может определяться наличием только одной из форм числа, в то время как другие семемы данного слова этим признаком не характеризуются. Например, семема «средства передвижения» лексемы «транспорт» имеет лексемное обозначение только в единственном числе, в то время как эта же лексема для выражения семемы «военное транспортное судно для перевозки людей и грузов» имеет обе формы числа. Ср. еще: *песок* 1. «Масса сыпучих крупинок кварца» – только ед.; 2. «Пространства, покрытые песком» – только мн.; *граница* 1. «Предел, допустимая норма» – только мн.; 2. «Линия раздела между территориями» – ед. и мн.; *длиннота* 1. «Нечто длинное» – ед. и мн.; 2. «Излишне растянутые места какого-нибудь произведения, текста» – только мн. и т.д.

Разнооформляющую роль могут играть краткие формы прилагательных, например, у прилагательного *громкий* семема «получивший широкую огласку» выражается только полной формой и не выражается краткой; у прилагательного *длинный* семема «большой по длине, чем нужно», наоборот, реализуется только в краткой форме и не может реализоваться в полной.

Разные семемы могут определять разные производные. К примеру, семема «отдать деньги» лексемы «продать» обеспечивает создание производного существительного «продажа», а семема «предать кого-либо» (разг.) не дает оснований для возникновения производного слова; глагол *перестроить* имеет два производных существительных, каждое из которых специфично для «своей» семемы: *перестроение* – для семемы «изменить порядок расположения», *перестройка* – для семемы «по-новому настроить» (приемник, телевизор).

У ЛСВ данной семемы может оказаться дефектная парадигма спряжения, что тоже отграничивает данную семему от других. Ср. глагол *идти* с семемой «падать» (идет дождь, снег) не употребляется в 1-м и 2-м лице; аналогично и значение «пролегать» того же глагола (дорога идет) и т.д.

Значения могут дифференцироваться и по тематической сфере употребления: некоторые из них могут быть закреплены за определенной тематической областью, наличие в тексте единиц данной тематической сферы диагностирует и соответствующую семему. В словаре на эту особенность семем указывают пометы «спец.», «воен.», «авиац.», «мед.», «юрид.» и др.

Например: *судить* 1. Следить за соблюдением правил игры – спорт.; 2. Рассматривать судебное дело – юрид.;

бассейн 1. Искусственный водоем для плавания, купания или декоративных целей; 2. Совокупность притоков реки, озера – геогр. 3. область залегания горных пород – геол.;

бригада 1. Личный состав, обслуживающий поезд – ж.-д.; 2. Производственная группа – произв.; 3. Войсковое соединение из нескольких полков – воен.

деривация 1. Боковое отклонение снарядов и пуль – воен.; 2. Отвод воды от русла реки в сторону по каналу – гидрол.; 3. Образование новых слов при помощи

аффиксов – лингв.;

диафрагма 1. Сухожильно-мышечная перегородка, отделяющая грудную полость от брюшной – анат.; 2. Светонепроницаемая преграда в оптических приборах с отверстием, пропускающим свет – опт.;

дренаж 1. Осушение почвы посредством системы траншей или труб – мелиорат.; 2. Выведение из раны гноя, жидкости с пом. трубочки – мед. и т.д.

Тематическая закрепленность – это то, что обычно называют общим контекстом или общим смыслом контекста. Тематический контекст иногда может быть дополнен, а в некоторых случаях и заменен речевой ситуацией. Когда на футбольном поле человеку дают в руки свисток и говорят «Суди!», то «спортивная» семема актуализируется самой предметной обстановкой общения и по ней же диагностируется.

Как правило, разные способы разграничения семем выступают в сочетании друг с другом, а не изолированно. Так, у глагола *подвалить* семема «подплыть, пристать» выявляется морфологически (глагол употребляется только в 3-м лице), лексически (глагол сочетается только с названиями судов) и тематически (в области морской терминологии).

§ 10. Значение и концепт

Современная когнитивная лингвистика развивает и углубляет наши представления о фиксируемом словом знании, по-новому интерпретируя многие традиционные научные проблемы.

Одной из таких проблем является проблема соотношения значения и концепта с точки зрения лингвистики, психолингвистики и когнитивной лингвистики.

Проблема соотношения концепта и значения – важнейшая проблема когнитивной лингвистики, поскольку от ее теоретического решения зависит как само существование когнитивной лингвистики как отдельного лингвистического направления, так и методика исследования, которая, в свою очередь, предопределяет получаемые результаты.

Предложим свое понимание разграничения данных понятий, основанное на понимании отражательного характера человеческого знания.

Мы определяем концепт как *дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету.*

Значение есть *закрепленное лексемой отражение действительности.*

Общие черты значения и концепта

Сознание человека, локализуясь в мозге и являя собой функцию мозга, отражает объективную и субъективную действительность.

Концепт и значение в равной мере представляют собой отражение действительности (объективной и субъективной). Оба явления – значение и концепт – когнитивной природы, оба представляют собой результат отражения и познания действительности сознанием человека.

Когнитивные признаки, образующие содержание концепта, отражают определенные стороны явлений реальной действительности. Значение слова также имеет когнитивный характер – оно состоит из сем, репрезентирующих, представляющих в речи отдельные когнитивные признаки, образующие содержание концепта.

Различия между значением и концептом

Значение и концепт – продукты деятельности разных видов сознания.

Концепты и значения – ментальные единицы, вычленяемые, соответственно, в когнитивном и языковом сознании человека и образующих само содержание этих видов сознания. Концепт – продукт когнитивного сознания человека (представленного его сознанием в целом), значение – продукт языкового сознания (представленного в значениях языковых знаков).

Особенность семантики языковых единиц в том, что семантика не просто отражает действительность, как концепт, но и сообщает о ней, являясь стороной языкового знака.

Значение, таким образом, это общеизвестная и коммуникативно релевантная часть концепта, выступающая в виде стороны языкового знака в актах коммуникации.

Отношения между значением и концептом

Значение по отношению к концепту выступает как его часть, называемая регулярно используемым и воспроизводимым в данном сообществе языковым знаком и представляющая в общении коммуникативно релевантную для данной лингвокультурной общности часть концепта.

Значение своими семами передает определенные когнитивные признаки и компоненты, образующие концепт, но это всегда лишь часть смыслового содержания концепта. Для экспликации всего содержания концепта нужны обычно многочисленные лексические единицы, а значит – значения многих слов, а также необходимы экспериментальные исследования, которые дополняют результаты лингвистического анализа.

Таким образом, значение и концепт соотносятся как коммуникативно релевантная часть и ментальное целое.

Однако психолингвистический анализ семантики слова усложняет анализируемую проблему. Дело в том, что значение, выявляемое

психолингвистическими экспериментами, практически всегда оказывается объемнее и глубже, чем его представление в словарях, на которое обычно опираются лингвисты в анализе семантики единиц языка, что позволяет говорить о разных объемах представления значения в разных исследовательских парадигмах.

Как известно, еще А.А. Потебня разграничивал общеизвестное, «народное», «ближайшее» значение слова и «дальнейшее», личное, включающее эмоциональные, чувственные, научно-познавательные признаки. А.А. Потебня настаивал на том, что языковеды должны изучать только ближайшее значение, что отражает лингвистические представления того времени и в принципе является проявлением лингвистического антиментализма – изучается то, что вербализовано [Карасик 2004, с. 37], – который вместе с научным принципом редуционизма господствовал в языкознании вплоть до конца 70-ых гг. прошлого века. Эти принципы вполне соответствовали требованию А.А. Потебни сосредоточиться на изучении ближайших значений, и в языкознании это требование в основном соблюдалось на протяжении примерно столетия. Однако сформировавшиеся в конце XX века принцип глобализма и антропоцентрический подход к языку изменили и исследовательскую парадигму: распространение сферы интересов семасиологов и когнитивистов и на дальнейшее значение слова стало общераспространенным принципом анализа в языкознании и смежных науках. Дальнейшее значение неизмеримо ближе к концепту, чем ближайшее, и интерес к нему когнитологов и лингвокогнитологов понятен.

В связи с этим считаем необходимым терминологически разграничить два типа значений – значение, представленное в толковом словаре, и значение, представленное в сознании носителя языка.

Значение, фиксируемое в словарях и именуемое в лингвистике системным, создается лексикографами в соответствии с принципом редуционизма, то есть минимизации признаков, включаемых в значение. Редуционизм выступает в данном случае в двух ипостасях – как логический и как описательный редуционизм. Логический редуционизм связан с идеей о том, что значение – это небольшой набор логически вычлененных признаков называемого явления, отражающий его (явления) сущность. Описательный редуционизм диктуется практическими соображениями – объемом словарной статьи, которая не может быть слишком большой, так как тогда объем словаря увеличится до беспредельности.

Получаемое в результате применения принципа редуционизма при составлении словарной дефиниции значение мы называем лексикографическим, поскольку оно сформулировано (смоделировано) специально для представления слова в словарях. Особо подчеркнем, что лексикографическое значение – это в любом случае искусственный конструкт лексикографов, некоторый субъективно определенный ими минимум признаков, который предлагается пользователям словаря как словарная дефиниция. При этом лексикограф фактически априори исходит из того, что именно в определенном лексикографами семантическом объеме употребляет и понимает данное слово основная часть носителей языка. Однако, как уже упоминалось, любые психолингвистические эксперименты, как и

многочисленные наблюдения над текстовым употреблением слова, повседневная практика разговорного словоупотребления легко опровергают данное представление о значении.

Вызывает также многочисленные вопросы и идея о том, что включенные лексикографами в дефиницию слова признаки отражают существенные, дифференциальные признаки называемых предметов и явлений. Как правило, это можно с определенной долей надежности констатировать для дефиниций научных терминов; для большинства же общеупотребительных слов признаки, образующие лексикографическое описание значения, могут вообще не иметь отношения к категории существенности, поскольку для многих объектов (в особенности для натурфактов) это понятие просто неприменимо. Например, какие существенные признаки есть у зайца, собаки, яблока, березы, моркови, лужи, окурка, озера? Те признаки, которые можно выделить для этих предметов как существенные, в действительности сплошь и рядом оказываются существенными не для зайца, яблока и т.д., а для людей, использующих эти предметы, и в силу этого существенность данных признаков весьма относительна.

Лексикографическое значение в большинстве случаев оказывается недостаточным для описания реального функционирования слова в речи, оно всегда оказывается по объему меньше реального значения, существующего в сознании носителей языка. Многие признаки реально функционирующего значения в лексикографическом значении не отражены, и, наоборот – некоторые признаки, вошедшие в лексикографическое описание, могут быть очень и очень периферийными, а их яркость в сознании носителей языка оказывается исчезающе мала.

Сказанное нисколько не умаляет достижений лексикографов, не ставит под сомнение необходимость толковых словарей – они соответствуют своему назначению «натолкнуть» читателя на узнавание слова (как говорил С.И. Ожегов, никто не будет с толковым словарем в руках определять, какая птица пролетела), но свидетельствует о несводимости значения слова к его словарному толкованию.

Поскольку многие семантические признаки слова, не фиксируемые словарными дефинициями, регулярно проявляются в определенных контекстах употребления слова, (ср., к примеру, признаки «слабая», «капризная» и др. в значении слова «женщина», постоянно обнаруживаются в художественных текстах, в метафорических переносах), лексикографам и лексикологам, работающим над словарными дефинициями, приходится идти на определенные уловки – признавать возможность наличия у слова дополнительных «оттенков значения», периферийных, потенциальных и т.д. семантических компонентов, не фиксируемых словарными определениями слов.

В связи с этим представляется целесообразным говорить о существовании еще одного типа значения – психологически реального (или психолингвистического) значения слова.

Психолингвистическое значение слова – это *упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка*. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании

носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков – более и менее ярких, ядерных и периферийных. Психолингвистическое значение структурировано по полювому принципу, а образующие его компоненты образуют иерархию по яркости.

Психолингвистическое значение теоретически может быть выявлено и описано в своих основных чертах в результате исчерпывающего анализа всех зафиксированных контекстов употребления слова (что, правда, мало реально технически и все равно оставляет возможность, что некоторые семантические компоненты в проанализированном массиве контекстов не нашли актуализации), а также оно может быть с достаточной эффективностью выявлено экспериментальным путем – комплексом психолингвистических экспериментов со словом.

Психолингвистическое значение гораздо шире и объемней, нежели его лексикографический вариант (который обычно целиком входит в психолингвистическое значение).

Проблема описания лексикографического и психологически реального значения связана с проблемой разграничения значения и смысла, которое имеет давнюю психологическую и психолингвистическую традицию.

Значение представляет собой определенное отражение действительности, закрепленное языковым знаком. Значение, по А.Н. Леонтьеву, это то, что открывается в предмете или явлении объективно, в системе объективных связей, взаимодействия предмета с другими предметами. Значение благодаря тому, что оно обозначено знаком, приобретает устойчивость и входит в содержание общественного сознания [Леонтьев 1972, с. 288-289], в значениях «представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых общественной практикой» [Леонтьев 1975, с. 140-141]. «Значение есть та форма, в которой отдельный человек овладевает обобщенным и отраженным человеческим опытом» [Красных 2003, с. 34].

Конкретная личность, овладевшая значениями, включает эти значения в свою личную деятельность, в результате чего у данной личности возникает определенное отношение к данному значению, и это значение приобретает для данной личности смысл, который представляет собой факт индивидуального сознания. Смысл есть «отражение фрагмента действительности в сознании через призму того места, которое этот фрагмент действительности занимает в деятельности данного субъекта» [Леонтьев 1969, с. 216], «отношение субъекта к осознаваемым объективным явлениям» [Красных 2003, с. 35].

Смысл не содержится потенциально в значении и не может возникнуть в сознании из значения: он «порождается не значением, а жизнью» [Леонтьев 1947, с. 27].

Как подчеркивает В.В. Красных, «смысл зависит не только от индивидуального опыта и конкретной ситуации. В значительной мере он связан с профессиональной, социальной и вообще групповой принадлежностью данного человека» [Красных 2003, с. 35].

Мы согласны с точкой зрения В.В. Красных, которая, развивая концепцию

Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева, приходит к выводу, что «значение должно изучаться именно как обобщение», а «адекватная характеристика обобщения заключается в раскрытии его строения» [Красных 2003, с. 36].

Применительно к значению как компоненту реального языкового сознания носителя языка (психолингвистическому значению) можно говорить лишь о ядерных и периферийных семантических компонентах и семемах.

Содержание же концепта шире как лексикографического, так и психолингвистического значения. В содержание концепта входят не только актуально осознаваемые и используемые в общении смысловые компоненты, связанные со словом, но и информация, которая отражает общую информационную базу человека, его энциклопедические знания о предмете или явлении, которые могут и не обнаруживаться в его речи и не осознаваться немедленно при предъявлении соответствующего слова, но являющиеся достоянием личного или коллективного опыта. Для выявления многих концептуальных признаков нужна рефлексия носителя языка. Знания, образующие концепт, представлены и упорядочены в виде поля.

Отдельные компоненты концепта могут быть названы в языке различными средствами, совокупность которых мы обозначили термином *номинативное поле концепта*.

Графически соотношение концепта и значения может быть представлено следующим образом: рис. 1 и 2.

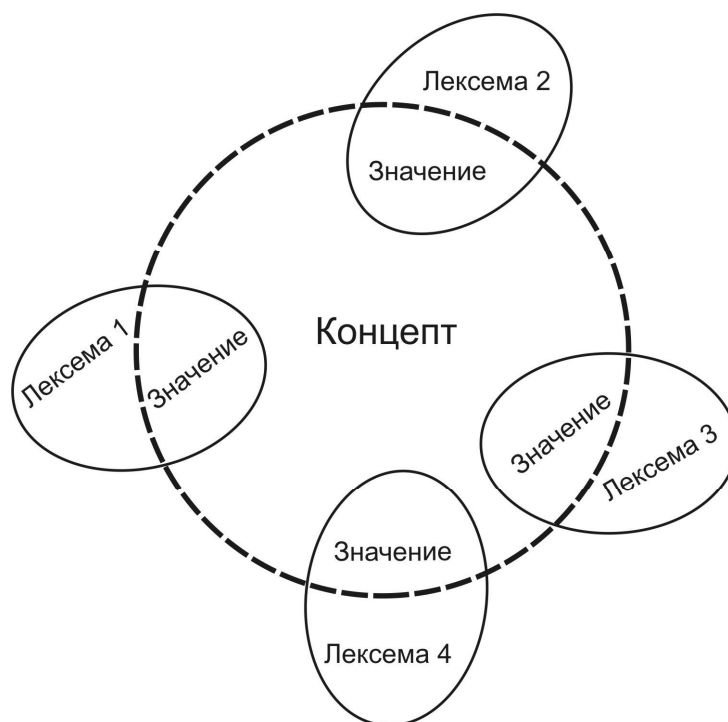


Рис. 1 – Значения слов – номинантов концепта как части содержания концепта

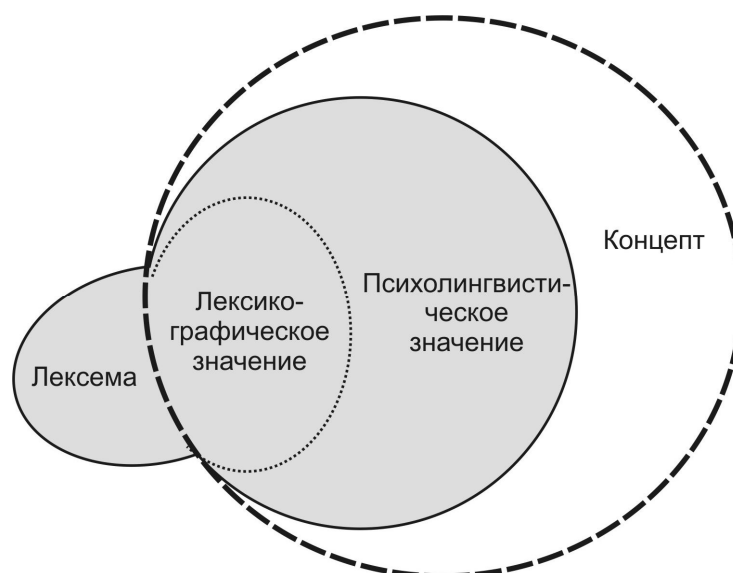


Рис. 2 – Типы значений в объеме концепта

Таким образом, значение слова как единицы языкового сознания может быть описано на двух уровнях – как лексикографическое (методами традиционной семасиологии) и как психолингвистическое (методами экспериментальной семасиологии и психолингвистики), а концепт описывается лингвистами как единица когнитивного сознания (концептосферы) народа (лингвокогнитивными методами).

Значение – единица семантического пространства языка, то есть элемент упорядоченной системы значений конкретного языка. Концепт – единица концептосферы, то есть упорядоченной совокупности единиц мышления народа. Концепт включает все ментальные признаки того или иного явления, которые отражены сознанием народа на данном этапе его развития. Концепт отражает осмысление действительности сознанием.

Лингвисты, изучающие языковые значения, изучают языковое сознание человека; когнитологи изучают когнитивное сознание; лингвокогнитологи изучают когнитивное сознание языковыми приемами и инструментами.

Описание значения как факта языкового сознания – задача семасиологии как отрасли языкознания; описание концепта через язык как единицы когнитивного сознания – задача лингвокогнитологии.

Рекомендуемая литература

- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
 Арнольд И.В. Полисемия существительного и лексико-грамматические разряды. – Иностр. языки в школе, 1969, № 5.
 Аспекты семантических исследований. М., 1980.
 Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.

- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.
- Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова.– *Вопр. языкознания*, 1953, № 5.
- Гак В.Г. Сопоставительная лингвистика. М., 1977.
- Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. Л., 1976.
- Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. Воронеж, 1990.
- Качаева А.А. Об основных типах лексических значений слова. – *Филол. науки*, 1976, № 6.
- Карасик В.И. Языковой круг. М., Гнозис, 2004. – 369 с.
- Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М, «Гнозис», 2003.
- Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
- Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1972, 1978.
- Кубрякова Е.С. О формообразовании, словоизменении и их соотношении. – *Изв. АН СССР, ОЛЯ*, 1976, № 6.
- Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивной лингвистики. М., 1996.
- Кунин А.В. О соотношении фразеологической единицы со словом.– В кн.: *Вопросы фразеологии*. Самарканд, 1970, вып. 3.
- Люй-Шу-Сян. Вопрос о слове в китайском языке. – *Вопр. языкознания*, 1959, № 5.
- Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974.
- Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира. // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. М., 1993, – С.16-21.
- Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. Изд.3. М., 1972
- Леонтьев А.А. Общение как объект психолингвистического исследования // *Методологические проблемы социальной психологии*. М., 1975.
- Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
- Леонтьев А.Н. Психолингвистические вопросы сознательности учения // *Изв. Акад. пед. наук РСФСР*. Вып. 7. М., 1947.
- Панфилов В.З. Грамматика и логика. М.–Л., 1963.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание. Учебное пособие для университетов. Воронеж, 2004.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Научное издание. Воронеж, 2006.
- Резников Л.О. Понятие и слово. Л., 1958.
- Славин А.В. Наглядный образ в структуре познания. М., 1971.
- Смирницкий А.И. К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова»). – В кн.: *Вопросы теории и истории языка*. М., 1952.
- Смирницкий А.И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова»). – В кн.: *Труды ин-та языкознания АН СССР*. М., 1954, вып. 4.
- Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1956.

Сороколетов Ф.П. Лексическое значение и словарная дефиниция. – В кн.: Исследования по исторической семантике. Калининград, 1980.

Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.

Теория речевой деятельности. М., 1968.

Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М, 1968.

Филиппов А.В. К проблеме лексической коннотации. – Вопр. языкознания, 1978, № 1.

Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова. – Рус. яз. в школе, 1976, № 3.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 1969.

Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

Глава III

СЕМЕМА КАК СТРУКТУРА КОМПОНЕНТОВ

§ 1. Из истории разработки теории семантических признаков (сем)

Современная семасиология рассматривает семему как сложную организацию, имеющую свою структуру. В теоретическом плане идея структурности значения слова была высказана Л. Ельмслевом. Согласно учению Л. Ельмслева, значения как единицы плана содержания могут быть разложены на фигуры – составляющие элементы, не имеющие коррелятов в плане выражения. Разработка этой идеи в практическом плане привела к созданию методики компонентного анализа, широко распространенного сейчас в исследованиях семантики слов, и к формированию семной семасиологии.

Под семной семасиологией понимается направление в семасиологии, которое исходит из структурной концепции значения и оперирует понятием *сема* для описания структуры значения слова, то есть описывает содержание значения как упорядоченную структуру отдельных сем.

Термин «сема» для обозначения мельчайшего компонента значения был впервые употреблен В. Скаличкой. Предлагались и другие термины: фигуры плана содержания (Л. Ельмслев), семантический множитель (А. Жолковский), дифференциальный признак (И.В. Арнольд), семантический маркер (Дж. Катц и Дж. Фодор), семантические примитивы (А. Вержбицка), семантический признак (А.А. Уфимцева) и др.

Однако термин «сема» получил в настоящее время наибольшее распространение. Сема понимается как семантическая единица, являющаяся компонентом семемы и отражающая определенный признак обозначаемого предмета или понятия. Несколько сем могут быть осмыслены как целостное образование, которое называют семантическим множителем или семантическим признаком. Членение семемы на семы теоретически бесконечно, его предел обусловлен мерой человеческого знания о денотате, обозначенном словом. Но в практических целях членение семемы на семы выполняется в ограниченных пределах в зависимости от поставленных задач. Неделимость и элементарность характеризуют сему только применительно к данному уровню компонентного анализа. На другом уровне в других связях эта часть значения может оказаться не менее сложной, чем та семема, в составе которой она первоначально выделялась.

Более мелкие семы будто упакованы в более крупные как в коробки: так «удобнее» их хранить в памяти и использовать. Часто в актах общения эти «коробки» требуются целиком, но в случае нужды «коробку» можно распаковать и пустить в ход ее содержимое «по частям».

Например, в определение каждого последующего из слов *вещество*,

жидкость, напиток, лимонад входит предыдущее слово со всем его содержанием.

Семема «женщина» включает семы «лицо», «женский пол», «взрослое». Эти семы независимы друг от друга, наиболее отчётливо представлены в семеме, отличают значение слова от других слов (например, мужчина, ребенок, девочка). Однако – сема «лицо» предполагает сему «одушевленность», сема «взрослая» с большой вероятностью предполагает семы «самостоятельная», «выдержанная», «опытная», «разумная» и др. Сема «женский пол» – сему «способная рожать детей», а также «слабая», «нежная» и др. Перечисленные семы скрыты в других более общих семмах, предполагаются ими. Они могут актуализироваться в речи. Ср.: Она не донесет этот чемодан, она же женщина (актуализируется сема «слабая»).

В практике семного анализа многие семы остаются «нераспакованными». Например, во всех словах, называющих людей, содержится сема *лицо*, а в ней семы *одушевленность, способность мыслить, способность к труду* и многое другое, но нет необходимости их специально обозначать, хотя эти семы могут потребоваться на каком-либо другом уровне анализа.

В большинстве сем, выделяемых в составе семемы, при более детальном подходе могут быть выделены еще мелкие семы, которые условно можно назвать «скрытыми». Действительно, неделимых «атомарных» сем в лексической семантике не так много. Это, главным образом, семы предельного уровня обобщения (понятия о вещи, о свойстве, о действии и др.).

Таким образом, предел разложения семемы на семы является относительным, он определяется практическими потребностями анализа слов и объективным пределом познания соответствующего слову денотата. В сознании носителей языка семантические признаки существуют в основном неосознанно, но в процедуре выбора слова они учитываются, осознаются, а в акте речи эти признаки актуализируются.

§ 2. Типология сем

Семная семасиология исходит из представления о значении слова (семеме) как упорядоченной совокупности семантических компонентов разного типа.

Значение в семной семасиологии описывается как определенная интегральная полевая структура, образуемая семантическими компонентами разного объема, в которой вычленяется ядро и периферия.

Самых крупных компонентов значения два. Один несет информацию о внешней по отношению к слову действительности и об отношении человеческого сознания к данному фрагменту действительности, второй – о собственно языковых признаках слова. Эти самые крупные компоненты семемы – мегакомпоненты. Первый из них представляет собой лексическое значение слова, второй – структурно-языковое значение. «Значениями» мегакомпоненты мы называем по традиции «до-семной семасиологии», хотя, строго говоря, лексическое, как и структурно-языковое значение являются лишь *компонентами значения* слова, хотя и самыми крупными – мегакомпонентами. Мы сохраняем эту

традицию.

Лексическое значение слова – закреплённое словом отражение внеязыковой действительности.

Структурно-языковое значение – информация о признаках слова как функциональной единицы языка, то есть отражение в значении языковой действительности.

Мегакомпоненты значения, в свою очередь, подразделяются на менее крупные компоненты – макрокомпоненты значения.

В лексическом значении выделяются два макрокомпонента: денотативный и коннотативный.

Денотативный макрокомпонент – основной компонент лексического значения слова, указывающий на конкретные свойства, признаки предмета номинации.

Коннотативный макрокомпонент значения выражает эмоционально-оценочное отношение говорящего к денотату слова.

Макрокомпоненты значения вычленяют в своём составе микрокомпоненты – *семы*.

Сема – компонент значения, отражающий отличительный признак денотата слова (предмета, явления, процесса). Семы могут также отражать отличительные коннотативные (эмоциональные и оценочные семы) и внутриязыковые признаки (структурно-языковые семы).

В структурном отношении сама сема членима: в ней вычленяется семантический признак и семный конкретизатор. Семантический признак представляет собой часть семы, общую у нее с другими семами. Например, семантический признак «форма» вычленяется в семах «круглый», «прямоугольный», «квадратный» т.д.; семантический признак «пол» в семах «мужской пол», «женский пол»; семантический признак «размер» в семах «большой», «маленький» и т.д.

Семный конкретизатор представляет собой часть семы, конкретизирующую семантический признак; это семантический «остаток», выделяющийся в семе за вычетом семантического признака. Семный конкретизатор отличает данную сему от другой, с тем же семантическим признаком. Например, в семе «громкий» вычленяется семантический признак «звучание» и семный конкретизатор «интенсивность».

В структуре значения может присутствовать и автономный семантический признак, без семного конкретизатора. Например, в значении слова «человек» присутствует автономный семантический признак «возраст»: человек обязательно имеет какой-либо возраст, и это – постоянный, неотъемлемый признак любого человека; однако какой-либо семный конкретизатор здесь отсутствует. Аналогично, автономным семантическим признаком является признак «пол» в значениях слов *сирота*, *дылда*, *ребенок* и др.

Подробно типология сем приводится в работе И.А. Стернина [Стернин 1985, с. 54-73], здесь ограничимся указанием на типы сем, чаще всего оказывающиеся релевантными при семном описании лексики.

Семы, образующие структуру семемы, могут классифицироваться по разным основаниям – по содержанию, по относительному статусу при оппозиции семем, по их отношению к системе и акту речи, по психологической яркости, по наличию или отсутствию формальной выраженности и др. Каждая сема может быть одновременно классифицирована по всем перечисленным основаниям, но для удобства описания мы рассмотрим классификацию сем последовательно по каждому основанию в отдельности.

2.1. Денотативные семы

Семы в составе денотативного компонента семемы могут быть более и менее обобщенными. Семы обобщенного характера являются обычно общими для группы сравниваемых слов, то есть интегральными. Их называют по-разному: архисемами (В.Г. Гак), частеречными семами (Р.С. Гинзбург), классемами (В.Г. Гак, И.В. Арнольд), маркерами (Дж. Катц, Дж. Фодор), групповыми дифференциальными признаками (О.Н. Селиверстова).

Более конкретные семы, которые отличают значение слова как его индивидуальную сущность от других противопоставленных ему значений, называют дифференциальными семами (В.Г. Гак), дистингвишерами (Дж. Катц, Дж. Фодор), индивидуализирующими, диагностирующими семами (И.В. Арнольд).

Для интегральных сем наиболее распространенным является термин «архисема», хотя вкладываемое в него содержание различается. И.В. Арнольд под архисемой понимает только частеречную сему. В.Г. Гак включает в понятие архисемы любые семантические признаки: «Архисемы отражают признаки, свойственные классам объектов. Например, в словах *приходить*, *уезжать*, *бежать* архисемой является значение движения. Для слов *автобус*, *самолет*, *поезд*, *мотоцикл* и т.п. архисема – «средство транспорта». В свою очередь архисема становится дифференциальной семой по отношению к семеме более высокого уровня. Например, *ехать* и *говорить* обладают архисемой «действовать»⁸.

Число примеров, когда архисема оказывается дифференциальной семой, можно продолжить: сема «сосуд для питья» является архисемой для семем «стакан», «кружка», «бокал» и т.п. Она же оказывается дифференциальной для семем «стакан» и «бутылка» (стакан – для питья, а бутылка – для хранения жидкости). Сема «для одного человека» объединяет слова *стул*, *кресло*, *табуретка*, но дифференцирует слова *кресло* – *диван* и т.д.

Терминологически предлагается разграничивать классемы как интегральные семы уровня частей речи и архисемы как интегральные семы лексических группировок и парадигм. Так, в значении слов *стул*, *стол*, *шкаф*, *куст*, *цветок*, *дерево*, *собака*, *медведь*, *кошка*, *человек* будет отмечена общая для всех них классема «предметность», характерная для имен существительных, но разные

⁸ Гак В.Г. Сопоставительная лексикология, с. 14.

архисемы – «мебель» (стул, стол, шкаф), «растения» (куст, цветок, дерево), «животные» (собака, кошка, медведь).

Таким образом, *архисема* – это наиболее общая, абстрактная сема в структуре лексического значения, которая относит называемый предмет к какому-либо классу. Дифференциальные семы различают значения сравниваемых слов, они называют отдельные признаки предмета, конкретизируют архисему и относят предмет номинации к какому-либо виду.

К примеру, архисемой значения существительного *мужчина* является сема «человек», существительного *самолёт* – «летательный аппарат», существительного *заяц* – «животное». Остальные семы в этих значениях являются дифференциальными.

Интегральными называют семы, общие в сравниваемых значениях.

Так, при сравнении значений слов *мужчина* и *женщина* выделяются интегральные семы «человек» и «взрослый» и дифференциальные семы – «мужской пол» и «женский пол»; при сравнении значений слов *мужчина* и *мальчик* интегральными семами являются «человек» и «мужской пол», а дифференциальными – «взрослый» и «юный».

Чем больше у сравниваемых слов интегральных сем, тем ближе они друг к другу по значению, и наоборот – чем больше у них дифференциальных сем, тем менее близкими по значению являются эти слова. Так, слова *мужчина* и *женщина* имеют две интегральные семы – «человек» и «взрослый», а слова *мужчина* и *девочка* – только одну – «человек», поэтому слово *мужчина* ближе по значению слову *женщина*, чем слову *девочка*.

По характеру конкретного содержания денотативные семы подразделяется на *постоянные* и *вероятностные*.

Постоянные семы отражают признаки, присущие объекту постоянно. Вероятностные семы отражают признаки, присущие объекту не всегда, а лишь с той или иной степенью вероятности. В словарях вероятностные семы отражаются такими единицами метаязыка как «большой частью», «как правило», «часто», «чаще», «иногда», «в основном», «большинство» и т.д., например:

флакон – небольшая бутылочка, *преимущественно* для духов, одеколона;

брус – балка, *обычно* круглого или прямоугольного сечения и т.д.

В.Г. Гак вслед за французскими семасиологами А. Греймасом и Б. Потье различает описательные и относительные семы. Описательные семы – это семы, которые отражают собственные свойства предмета (размеры, устройство, форму, внешний вид, способ совершения действия и т.п.), относительные семы – это семы, которые отражают связи объекта с другими в различных отношениях (пространственные, временные, функциональные и др.).

Так, для слова *автобус* выделяются следующие описательные семы: движение по земле (в отличие от самолета); безрельсовый (в отличие от трамвая); со своим мотором (в отличие от троллейбуса); четыре колеса (в отличие от мотоцикла).

Относительными семами для этого же слова будут: использование для внутригородских поездок (в отличие от франц. *autocar*); платность (в отличие от личной машины); большая вместимость (в отличие от такси).

Для глаголов перемещения описательными являются семы, отражающие способ действия (идти – с помощью ног, плыть – по воде, лететь – по воздуху, ехать – транспортом); относительными – семы, указывающие направление перемещения (удаляться, приближаться), так как направление определяется относительно какого-либо пространственного объекта.

Описательные семы отражают впечатления человека от реальной действительности, от именуемого словом денотата; относительные семы появляются в результате мыслительного сопоставления объектов, установления между ними тех или иных связей.

Среди описательных сем различают так называемые *диспозициональные* семы. Они отражают такие признаки денотата, какими он должен обладать в идеале с точки зрения говорящего коллектива. В противоположность диспозициональным семам те семы, которые отражают объективные признаки денотата, называют ассертивными.

В слове *мужчина* заключены ассертивные семы – лицо, взрослое, мужского пола. Однако эксперименты с информантами показывают, что значительная часть носителей русского языка отмечает наличие в данном значении таких сем, как «высокий», «сильный», «смелый». Эти семы диспозициональны, так как отражают признаки, которыми наделен идеальный мужчина; по мнению большинства людей, он *должен быть* высоким, сильным, смелым. Ср.: Ну какой же ты мужчина? Эх, ты, а еще мужчина! А еще мужчиной называешься! – актуализируются именно диспозициональные семы.

Диспозициональные семы могут занимать важное место в семемах многих слов. Так, в проведенном нами психолингвистическом эксперименте 43% опрошенных русских информантов приписывают значению слова *летчик* диспозициональную сему *высокий*, 30% – смелый, веселый.

Приведем еще примеры диспозициональных сем у других наименований лиц по профессии: *инженер* – худой (25%), ученый – старый (30%), в очках (28%), седой (25%), *артист* – красивый (45%), красиво одет (40%), веселый (30%), общительный (25%), *начальник* – толстый (30%), нервный, злой (43%), *доярка* – добрая (57%), *врач* – мужчина (73%), добрый (47%), внимательный (37%), спокойный (35%), *профессор* – в очках (55%), старый (25%), умный, строгий (25%), *студент* – веселый (50%), общительный (30%), *спортсмен* – стройный (55%), высокий (37%) смелый (27%). Диспозициональные семы, как правило, в словарях не отражаются.

Одна и та же семема может быть наполнена разным количеством сем в сознании специалиста и неспециалиста в той или иной области знания. С этой точки зрения можно различать семы *бытовые* и *профессиональные*.

Профессиональные семы известны только специалистам в данной области знания и отражают глубокие существенные признаки денотата, выявленные научным анализом предмета. Бытовые семы известны всем говорящим на данном языке и отражают внешние, легко познаваемые, очевидные признаки денотата.

Профессиональные семы заполняют основную часть семемы слова – термина.

Многие профессиональные семы вследствие роста уровня образования

людей, распространения научных и научно-популярных знаний становятся общеизвестными, утрачивают свой специальный характер (ср. сему «состоящий из двух атомов водорода и одного атома кислорода» в семеме вода). Этот процесс углубляет значение слова, приводя к постепенному вытеснению «бытовых» сем из значения, что особенно заметно в эпоху НТР.

В то же время в языке много слов, значение которых состоит только из бытовых сем. Это связано с тем, что не все объекты действительности становятся предметом научного познания, и слова, называющие такие объекты, не изучаются ни одной наукой, кроме языкознания (ср. палка, яма, лужа, грусть, грязь, капля, пень, осколок, пнуть, плюхнуться, кусок и др.). В семемах этих слов профессиональных сем нет.

Значения слов, обозначающих так называемые артефакты (то есть предметы, изготовленные руками человека), помимо бытовых сем содержат профессиональные семы в сознании людей, занимающихся их изготовлением (предметы быта – мебель, посуда, одежда и т.п.). Слова, обозначающие натурфакты, то есть объекты естественной природы, содержат профессиональные семы для тех, кто эти объекты изучает (биологи, геологи, географы и др.), и для тех, кто обеспечивает использование их человеком (строители, охотники, животноводы и др.).

Наличие у денотата некоторых признаков во многих случаях предопределяет обязательное отсутствие некоторых других признаков. Например, число «восемь» имеет положительный признак «делимость на два» и соответственно отрицательный признак «неделимость на три». М.В. Никитин пишет о «негемпликационале» значения – признаках, исключаемых данным понятием. Например, признаки «горит», «газообразна» исключаются понятием «река». В таком случае говорят о *негативных* семмах. Словари отмечают такие семы обычно при помощи слов «лишенный», «не имеющий», «без», «не включающий», «относящийся не к...», «отсутствие чего-л.», «вне» и т.п.

В словаре С.И. Ожегова содержится значительное число единиц с негативными семмами разной степени очевидности, большинство из которых относится к существительным и прилагательным. Реже негативные семмы входят в семемы глаголов и наречий.

Например, *прогалина* – место, не заполненное тем, что находится вокруг него; *лавировать* – двигаться не прямо, искусно обходя препятствия; *одиночка* – человек, который живет, работает один, без других, без помощи других; *застояться* – простоять без движения слишком долго; *ломаться* – 2. упрямо не соглашаться на что-н.; *гриб* – низшее растение, не образующее цветков и семян и размножающееся спорами; *пустоцвет* – 1. цветок, лишенный завязи, не дающий плодов; 2. человек, не сделавший в жизни ничего полезного, и т.д.

Перечислим наиболее частотные в словарях негативные семмы.

«Отсутствие определенного элемента конструкции объекта».

Эта сема обычно встречается в словах, обозначающих средства транспорта, предметы мебели, виды одежды.

Планер – безмоторный летательный аппарат, тяжелее воздуха; *повозка* – колесный безрессорный экипаж; *байдарка* – узкая и легкая спортивная лодка без

уключин; *тахта* – широкий низкий диван без спинки; *пыльник* – легкое летнее пальто без подкладки; блуза – простая верхняя рубашка, носимая без пояса; *майка* – летняя трикотажная, обычно нижняя рубашка без рукавов и воротника.

«Отсутствие внешней детали».

Палас – двусторонний ковер без ворса; *бревно* – очищенный от веток и без верхушки ствол срубленного большого дерева; *водоросль* – низшее водяное растение, у которого отсутствует расчленение на корень, стебель и листья.

«Отсутствие какого-либо органа, части тела» (как правило, в словах, обозначающих животных).

Лягушка – бесхвостое земноводное..; *иглокожие* – морские беспозвоночные животные с иглообразными выростами на известковом наружном скелете; *кабарга* – сибирское безрогое горное животное..; *муравьед* – беззубое млекопитающее тропической Америки, питающееся гл. образом муравьями; *моллюск* – беспозвоночное мягкотелое животное, обычно без внутреннего скелета, покрытое раковиной.

«Не образованное или не изготовленное каким-либо определенным образом».

Волокно – 2. тонкая, непряденая нить растительного, минерального или искусственного происхождения; *ядрица* – крупа из нераздробленных зерен гречихи.

«Не обладающий определенным цветом».

Азот – химический элемент, газ без цвета и запаха; *лейкоцит* – белое кровяное тельце, бесцветная и шарообразная клетка крови; *циан* – бесцветный ядовитый газ; *матовый* – не имеющий блеска, глянца.

«Лишенный определенной черты характера».

Барин – 1. человек, который не любит трудиться и предпочитает перекладывать работу на других; *легкомыслие* – отсутствие серьезности в поведении, поверхностность; *малодушие* – отсутствие твердости духа, решительности, мужества; *наигрыш* – 2. отсутствие естественности в актерской игре, а также вообще в поведении, манерах; *опустошенный* – лишенный нравственных сил, богатства внутреннего содержания; *пассивный* – не проявляющий деятельности, безучастный, безразличный к окружающей жизни.

Разновидностью негативных сем можно считать семы *экслюзивные*, которые исключают признаки, имеющиеся у других видовых разновидностей предметов называемого рода, но при этом не дают содержательной характеристики самому называемому предмету.

Такие семы обнаруживаются у слов, у которых одна и та же лексема используется одновременно и для родовой, и для видовой семемы. Например, *такси* – 1. всякое вообще такси; 2. обычное, легковое, не маршрутное, не грузовое; *поэт* – 1. поэт любого жанра; 2. просто поэт, не песенник, не переводчик и т.д.

Экслюзивная сема «обычный, простой, нормальный» лексически эксплицируется в некоторых контекстах.

Было просто невероятно, что это *настоящие*, а не приклеенные ресницы (К. Паустовский. Роза ветров); Сережа залез ночью в кабинет своей школы и заменил новый стереофонический магнитофон на *обычный*, старенький (Правда,

1977, 3 дек.).

Негативные семы противостоят *позитивным*, утверждающим наличие какого-либо признака у предмета.

Описательные семы в некоторых словах могут быть дизъюнктивными, т.е. вариантными. В словарной дефиниции они указываются путем перечисления, через запятую или союзы *или, а также*. Например:

Ария – партия для одного голоса или одного инструмента; *бедняга* – несчастный, жалкий или заслуживающий сожаления; *ваза* – сосуд изящной формы для фруктов, цветов и т.п., или декоративный; *виадук* – мост через овраг или дорогу; *ворона* – всеядная птица, серая с черным или черная, родственная ворону; *гроздь* – кисть цветов, ягод или других мелких плодов; *грязи* – озерный или лиманный ил как средство лечения; *диплом* – свидетельство об окончании учебного заведения или о присвоении какого-либо звания; *директор* – руководитель предприятия, учреждения или учебного заведения; *возок* – крытая зимняя повозка, а также сани со спинкой; *галерея* – узкое крытое помещение, соединяющее части здания, а также длинный балкон вдоль здания; *варежка* – вязаная или сшитая рукавица; *веревка* – изделие из крученых или витых прядей пеньки; *верблюд* – жвачное животное с одним или двумя жировыми горбами; *десерт* – фрукты или сладкое блюдо, подаваемое в конце обеда; *группа* – несколько предметов или людей, животных, расположенных близко друг от друга, вместе; *горелка* – приспособление, где происходит горение жидкости или газа.

В акте речи дизъюнктивная сема реализуется только в одном своем варианте.

Семы могут быть также подразделены на *постоянные* и *вероятностные*. Постоянные семы отражают признаки, присущие денотату постоянно, а вероятностные отражают признаки, присущие денотату с той или иной степенью вероятности.

Вероятностные семы частично отражаются словарными толкованиями. В словаре С.И. Ожегова содержится более 400 единиц, в словарных толкованиях которых содержатся вероятностные семы. Из них 368 существительных, 52 глагола, 19 слов других частей речи. Вероятностные семы у существительных встречаются практически во всех лексико-семантических группах. Они отмечены в словах, обозначающих животных, лиц, детали сооружений и механизмов, рабочие инструменты, заболевания, музыкальные инструменты, украшения, явления природы, здания, улицы, соревнования, науки, части тела, ткани и материалы, продукты питания, одежду, средства передвижения, производственные и хозяйственные подразделения, воинские соединения, художественные произведения, вместилища, растения и их части, абстрактные понятия и т.д.

Не случайно именно семемы существительных так богаты вероятностными семами. Существительные обозначают главным образом реальные предметы и явления объективного мира, наблюдая за которыми человек открывает все новые и новые их свойства. Для существительных наиболее типичны следующие семы:

«Сфера или место функционирования объекта номинации».

Лазутчик – разведчик, преимущественно в тылу противника; *лужайка* – небольшой луг, полянка, преимущественно на опушке или посреди леса; *бульвар*

– широкая аллея на городской улице, обычно посередине ее.

«Форма объекта номинации или его составной части».

Раковина – твердый защитный покров некоторых беспозвоночных животных, обычно в виде овальной створчатой коробки; *брус* – стержень, балка, обычно круглого или прямоугольного сечения; *линза* – род оптического стекла с криволинейными, чаще сферическими поверхностями; *крендель* – витая сдобная булка, обычно напоминающая по форме восьмерку.

«Функциональное назначение объекта номинации».

Флакон – небольшая плотно закрывающаяся бутылочка, преимущественно для духов, одеколona; *мрамор* – твердый камень известковой породы, употребляемый преимущественно для скульптурных и архитектурных работ; *янычары* – привилегированная пехота в султанской Турции, использовавшаяся обычно в качестве полицейских, карательных войск; *серенада* – в западноевропейской поэзии приветственная песня, преимущественно в честь возлюбленной; *больница* – лечебное учреждение, преимущественно для тяжелых больных.

«Характерный отличительный признак объекта номинации».

Судорога – резкое непроизвольное сокращение мышц, обычно сопровождающееся болью; *киста* – полая опухоль, обычно наполненная жидкостью; *площадь* – незастроенное большое и ровное место (в городе, селе), от которого обычно в разные стороны расходятся улицы; *курсовка* – документ на право лечения и питания на курорте, обычно без предоставления жилья.

«Характерный составной элемент объекта номинации».

Вельбот – легкая быстроходная шлюпка с острым носом и острой кормой, обычно снабженная небольшой мачтой; *водевиль* – короткая комическая пьеса, обычно с пением; *телогрейка* – короткая теплая кофта, обычно без рукавов; *шляпа* – головной убор с тульей и обычно с полями.

«Источник получения или материал изготовления объекта номинации».

Гвоздь – заостренный стержень, обычно железный, со шляпкой на тупом конце; *шатер* – большая палатка, крытая обычно тканью; *холст* – льняная ткань, обычно кустарной выделки; *лимонад* – сладкий прохладительный напиток, обычно на лимонном соке.

«Окраска объекта номинации».

Чиж – небольшая лесная птица из отряда воробьиных, обычно с серым оперением; *огневка* – небольшая бабочка, обычно пестрой окраски, вредитель растений; *мак* – травянистое растение с длинным стеблем и крупными, чаще красными, цветками; *сыроежка* – съедобный гриб с хрупкой пластинчатой шляпкой, обычно яркой окраски и т.д.

Среди вероятностных сем существительных отмечены указания на время существования или возникновения объекта номинации, способ возникновения или создания объекта номинации, размер, характерное действие, условия существования объекта номинации и ряд других характеристик.

У глаголов отмечены следующие типы вероятностных сем.

Указание объекта действия, обозначенного глаголом: *барахлить* – работать плохо, с перебоями, обычно о машине, моторе; *ссечь* – отсечь, обычно верх чего-

либо.

Характерный признак, сопровождающий действие, явление: *плакать* – проливать слезы, обычно издавая при этом нечленораздельные голосовые звуки; *форсировать* – перейти реку, обычно с боем.

Способ осуществления действия: *сушиться* – сушить, обычно на себе мокрую одежду; *дрыгать* – делать резкие отрывистые движения, преимущественно ногами.

Отмечены также семы, указывающие на функциональное назначение объекта действия, результат действия, условия существования объекта номинации, обстоятельство, сопутствующее совершению действия, направление действия, повторяемость действия и ряд других.

Разумеется, словари отмечают только сильновероятностные семы. Их показателями являются такие слова в словарной статье, как *большой частью, как правило, часто, чаще, иногда, реже, в основном, большинство, обычно, время от времени*.

При оппозиции семем по семам выделяются *антонимичные, градуальные и симметричные/несимметричные* семы.

Антонимичные семы способствуют противопоставлению семем по одному признаку. Таковы, например, семы «мужской пол – женский пол» (мужчина – женщина), «юный – взрослый» (мальчик – мужчина, девочка – женщина), «внутри – наружу» (войти – выйти, прилететь – улететь) и т.п.

Градуальные семы различают семемы нескольких лексем по степени выраженного ими признака. Например, семы «негромко», «громко», «очень громко» градуируют ряд *говорить, кричать, орать*. Семы различной интенсивности признака градуируют ряды: прохладный – холодный – ледяной и быстро – срочно – экстренно.

Градуальные семы, выражающие различную степень одного признака, являются симметричными.

Между антонимичными и градуальными семами нет четкой границы. Так, семы «юный» – «взрослый», являются антонимичными, но в ряду слов *мальчик – мужчина – старик* выступают как градуальные: юный – взрослый – старый.

В рамках относительной классификации сем выделяются также семы *парадигматические* (предопределяющие парадигматическую противопоставленность лексем) и *синтагматические* (предопределяющие их формальную лексическую и синтаксическую сочетаемость).

Так, дружить – «находиться с кем-нибудь в близких отношениях, основанных на взаимном доверии, привязанности, общности интересов». Семы «близкие отношения», «находиться», «общность интересов» и другие – *парадигматические*, они определяют место глагола в парадигматических рядах, отграничивают его от глаголов *любить, общаться, доверять* и др. Семы же «субъект-1» и «субъект-2» (кто? дружит с кем?) – *синтагматические*, они определяют сочетаемость глагола. Аналогично в значении глагола *уравнять* четыре синтагматические семы: «каузатор», «субъект-1», «субъект-2», «аспект»; в глаголе *соответствовать* – три: «субъект-1», «субъект-2» и «аспект» и т.д. .

Синтагматические семы предопределяют синтаксическую сочетаемость

слова, а также субкатегориальную семантику слов, замещающих синтаксические позиции – «лицо», «событие», «любая реалья» и др.

Семы могут быть также классифицированы по отношению к системе и акту речи. В конкретном речевом контексте одни семы из состава семемы актуализируются, образуют *актуальный смысл слова* (совокупность актуализованных в акте речи сем), другие семы могут оставаться неактуализованными. Таким образом, различают *актуализованные* и *неактуализованные* семы.

Например, в системе языка семема «диван» раскрывается как «мягкая мебель для сидения и лежания, со спинкой и ручками или валиками». Все эти семы актуализованы во фразе «Мебельная фабрика освоила производство нового вида дивана». В следующих же контекстах актуализируется лишь часть сем:

1. На табуретке сидеть жестко.

– Сядь на диван (мебель, для сидения, мягкая).

2. У вас найдется на чем переночевать?

– Конечно. В той комнате стоит свободный диван (мебель, для лежания).

В системе языка слово *спортсмен* имеет значение «человек, занимающийся спортом». Эти семы актуализированы во фразе: В нашей стране много отличных спортсменов.

В следующем контексте: «Как у него со здоровьем?» – Отлично, он же спортсмен! – актуализированы семы «лицо» и «крепкое здоровье».

В диалоге: «Он справится с таким грузом?» – Конечно, он же спортсмен! – актуализированы семы «лицо», «сильный физически».

В системе языка слово *приезжий* означает «приехавший откуда-либо». В контексте: «Как пройти к площади Ленина?» – Простите, я *приезжий* актуализована сема «не знаком с данной местностью».

В условиях необычных речевых ситуаций возникают так называемые окказиональные, то есть случайные семы, не входящие в системное общезыковое значение слова, а вносимые конкретным контекстом или ситуацией. Они противостоят узуальным или общезыковым. Приведем примеры внесения в значение слова окказиональных контекстуальных сем.

– Концентрических втулок нету?

– Нету...

– Как нету?!

– Втулка – это штука... *концентрическая*... (М. Жванецкий. Ставь птицу).

В слово *концентрическая* контекст наводит сему «дефицитная, особая, необыкновенная».

Чего он приволокся, этот чужеземный генерал (о мертвом немецком генерале. – *З.П., И.С.*) в заснеженную Россию?.. Почему не принял капитуляцию? *Стратег!* (А. Астафьев. Где-то гремит война). Наводятся семы «плохой», «негодный».

«– Ружье отымешь?» – деловито спросил Дедок.. Но Макарыч стал заворачивать нос челнока. «Куда же ты, Макарыч? – испуганно сказал Дедок. – Я же понимаю, закон для всех одинаков... Ведь ты на службе, твое дело закон блюсти? Нешто можно браконьерам потакать?» «Да уж сиди себе...» – проговорил

Макарыч и с насмешкой добавил: «*Браконьер!*» (Ю. Нагибин. Последняя охота).
Окказиональная сема – «не настоящий».

«Пока пишут, кому-то надо строить, кому-то уголь возить. Уваров – *работник*. Таких мало. На таких хозяйство наше держится» (Д. Гранин. Картина).
Окказиональная сема – «настоящий, полностью соответствующий требованиям».

Семы могут быть порождены индивидуальными знаниями, вкусами, пристрастиями отдельных людей. Это связано с различиями профессии, пола, возраста, образования, жизненного опыта людей. В. И. Ленин, конспектируя Гегеля, отметил фразой «хорошее сравнение (материалистическое)» следующую цитату из «Науки логики»: «...одно и то же нравственное изречение в устах юноши, хотя бы он понимал его совершенно правильно, лишено того значения и объема, которое оно имеет для ума умудренного жизнью зрелого мужа, выражающего в нем всю силу присущего ему содержания»⁹.

Приведем еще примеры проявления индивидуально-личностных сем.

«Ешь, негодяй! – в отчаянии крикнула Варвара, тыча «бутербродами. – *Интеллигент!*» (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок). Интеллигент – ругательное слово с неодобрительным компонентом.

[Неожиданно ворвавшись в номер к девушке послушать радио] Потапов. Что? (Вдруг очень вежливо) Извините меня! Я это самое, сам не знаю, как... *Футбол*, сами понимаете... (А. Вампилов. Провинциальные анекдоты). Футбол – «важное, волнующее событие».

(Оправдывая Потапова) Виктория... Он только что *болельщик*, а так человек воспитанный, из Москвы приехал... (Там же). Болельщик – «не совсем нормальный».

«Физик, а умный, – с уважением говорит Веня. – Все понимает» (В. Санин. За тех, кто в дрейфе). Физик – «глупый».

«Боцман, а остроумный», – с уважением откликнулся Перышкин. (В. Санин. Одержимый). Боцман – «угрюмый, лишенный юмора».

– И вообще не испытываю удовольствия от *контакта* с вами. Женщина (негодующе). *Контакта!* Такое слово женщине! Что вы имеете в виду? (А. Кургатников. Ракурсы). Контакт – «оскорбление».

Тихо стрекотал киноаппарат. – Зачем такой хлам у нас пропускают?., А чему тебя вот такая картина учит?

«Брось, – ответил он, – она же *заграничная*, что ж с нее «спрашивать» (С. Колбасьев. Арсен Люпен). Заграничная – то есть «плохая, негодная».

Часто личностными оказываются диспозициональные семы: Какой же вы. Извозчики, а не пьете (А. Чехов. Кухарка женится) (извозчик должен пить).

Петя спросил, умею ли я курить. «Нет», – сказал я. «А часы у тебя есть?» Я снова ответил отрицательно. «А еще цыган!» – презрительно усмехнулся Петя (Ю. Нагибин. Трубка) (цыган должен иметь часы и уметь курить).

Тебе и грешить хочется, и в холодке, в тени хочешь остаться, чтобы никто про твои блудни не знал... А так, миленочек, не бывает, чтобы всю жизнь в холодке спастись. Эх, ты, а еще матрос! (М. Шолохов. Поднятая целина) (матрос

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 90.

должен ничего не бояться). У меня двое и обе девки. Но отчаянные... (Е. Катасонова. Кому нужна синяя птица) (девочки должны быть спокойные).

Отец был ростом небольшой, но ужасно сильный (М. Шолохов. Поднятая целина) (небольшой должен быть слабым).

Но из письма все же понятно: она тоже бабушка. Вдова. Пенсионерка, но работает. (С. Сартаков. Лист мебелиуса) (пенсионеры не работают).

«Ой, боюсь я... К тому же – плохой сон видела». «Ну и чудачка! – развеселился Антон. – Все равно как бабка какая. А еще студентка, в техникуме училась» (В. Быков. Пойти и не вернуться) (бабка – сема «несознательная»; студентка – сема «сознательная»).

Понятно, что семы окказиональные, личностные проявляются очень редко, это нечастотные семы. Обычно в речи актуализируются основные, общеязыковые (узуальные) семы.

Семы могут быть также классифицированы по психологической яркости. По степени яркости различают *яркие* и *слабые* семы.

Яркие семы осознаются носителями языка как центральные для данного значения, они как бы лежат на поверхности языкового сознания. Такие семы в первую очередь приходят на память, они легко формулируются на метаязыке семантического описания. Именно яркие семы в первую очередь перечисляет носитель языка, когда его просят объяснить значение слова.

Слабые семы уступают по яркости ярким семам. Так, в слове «красавица» яркой семой является сема «красивая», семы «лицо», «женский пол» выступают как менее яркие, слабые; в слове «золото» сема «ценное» выступает как яркая сема, а «полезное ископаемое» – как слабая и т.д.

При помощи специальных экспериментов можно разграничить семы по яркости и вычислить индекс яркости сем. Эксперимент, проведенный С.В. Анисимовым, показал, что в значении слова *студент* сема «учится» имеет относительный индекс яркости 0,83, в то время как, скажем, семы «слушает лекции» и «молодой» оказываются гораздо менее яркими (индекс яркости – 0,39 и 0,19 соответственно), хотя, как показал, эксперимент, эти семы так же твердо входят в структуру семемы, как и сема «учится».

Яркими могут быть не только основные, но и второстепенные, диспозициональные описательные семы, например *гора* – «высокая», *небо* – «голубое», *огонь, солнце* – «яркое», *женщина* – «красивая», *пустыня* – «песок», *берег* – «крутой», *земля* – «черная». Это хорошо заметно при проведении свободного ассоциативного эксперимента – яркие семы эксплицируются в реакциях испытуемых в первую очередь.

Именно яркие семы отрицаются при постановке слова в отрицательную конструкцию: Он не учитель – то есть не *преподаватель средней школы*; Он не певец – то есть не *занимается пением как профессией*.

Как указывал И.С. Улуханов, «членение слова на значимые части есть выделение в его лексическом значении семантических компонентов, выражаемых этими частями»¹⁰. Выделенные таким образом семантические компоненты могут

¹⁰ Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977, с. 83.

оказаться отдельными самостоятельными семами или совокупностями сем. Это позволяет подразделить семы на формально выраженные (имеющие самостоятельную материальную форму выражения каким-либо морфологическим элементом) и формально невыраженные (не имеющие такой формы). Л.М. Васильев называет такие семы эксплицитными и имплицитными соответственно.

Сема формально может быть выражена отдельным словообразовательным аффиксом: *приехать* – «приближение», *уехать* – «удаление», *баночка* – «маленький размер», *учитель* – «агенса» (действующий), *запеть* – «начинательность» и т.д.

С другой стороны, семы типа «перемещение» в глаголе *ехать*, «сосуд» в значении слова *баночка*, «преподаватель», «средняя школа» в значении слова *учитель* не имеют индивидуальных формальных средств выражения в лексеме.

2.2. Коннотативные семы

Коннотативные семы подразделяются на эмоциональные и оценочные.

Эмоция и оценка в составе коннотативного макрокомпонента тесно связаны, но соответствующие семы при этом являются разными семантическими компонентами. Неэмоциональность и неоценочность слова также рассматриваются как отражение эмоции и оценки. Возможна оценочность слова при отсутствии эмоциональности и наоборот:

Благоверный «муж, супруг» – неоц., шутл.,

Отпрыск «потомок» – неоц., ирон.-пренебр.,

Безденежный «лишенный средств к существованию» – неоц., сочувств.,

Доброкачественный «хорошего качества» – одобр., неэм.,

Непогода «плохая погода» – неод., неэм.,

Деликатес «изысканное кушанье» – одобр., неэм.

В таких случаях говорят о «несогласованной коннотации».

В большинстве случаев, однако, оценка функционирует в составе коннотации в согласовании с эмоцией (явление т.н. «согласованной коннотации»):

Восхитительный «очень хороший, красивый» – одобр., восх.;

Ломиться «с силой пытаться войти» – неод., отриц.-эмоц.;

Продаться «перейти на сторону противника за материальные выгоды» – неоц., през.;

Нахал «грубый, бесцеремонный человек» – неод., возм. и т.д.

Оценочная сема в семемах многих слов отсутствует (ср. *окно*, *говорить*, *математика*, *скорость*, *человек* и др.), в таком случае говорят о нулевой оценке.

Оценка может быть не коннотативной, а денотативной, если называется само неодобрительное отношение к предмету, а не предмет + его оценка, например: *красивый*, *великолепный*, *подлец*, *негодяй* и др.

Разграничивается денотативная и коннотативная оценка следующим образом:

если можно сформулировать значение слова без оценочных слов и добавить тестовую фразу «и это хорошо (плохо)», то оценка коннотативна, ср.: *голословный* – «не основанный на фактах», и это плохо; *паника* – крайний,

неудержимый страх, сразу охватывающий человека... и это плохо; *анонимщик* – лицо, пишущее анонимные письма... и это плохо и т.д.;

если такая процедура оказывается невозможной, то оценка денотативна: мелкотемье – «мелкая, незначительная тематика», расточитель – «человек, безрассудно расходующий деньги, средства», негодяй – «плохой человек», верхогляд – «человек, отличающийся неглубоким поверхностным взглядом на что-либо» и т.д.

Если оценка в слове денотативна, то говорят об оценочном слове, если коннотативна – о слове с *оценочным компонентом* значения.

Оценочные компоненты значения описываются пометами «одобрительное», «неодобрительное», а также «неоценочное».

Отметим, что в словарях обычно указывается только помета «неодобр.», хотя тоже не совсем последовательно; другие же оценочные пометы обычно не приводятся, так что определить эмоциональный оттенок слова по словарям очень трудно, приходится полагаться на чувство языка, интуицию исследователя.

Эмоциональные компоненты значения слова более разнообразны.

В ряде случаев эмоция выступает в значении в самом общем виде – как *отрицательная* или *положительная* эмоция:

Полож. – эмоц. – *добряк, молодчина, компанейский, дотошный, благодать*;

Отриц. – эмоц. – *разбитной, гадкий, мерзкий, умудриться, толстуха, пряткий*.

Неэмоц. – высокий, стол, зеленый, листок, быстро и др.

В других случаях эмоция в значении конкретизируется. Можно выделить следующие эмоциональные компоненты значений:

Пренебрежительное – *старикашка, развалюха, работничек, задрипанный, дягяга, закоулок*;

Презрительное – *голодранец, бредни, фискал, доносчик, угодливый, делец, проныра*;

Уничижительное (предельно, крайне презрительное) – *ничтожество, сопляк, быдло, ворюга, выкормыш, бандюга*;

Фамильярное – *тряпки, шмотки, барахло, пузо, дружбан, подружка*;

Ироническое – *отпрыск, зазноба*;

Ласкательное – *дружочек, бабуся, солнышко, миленький, бережок, ручонка*;

Сочувственное – *беденький, скончаться, бедняга, горемыка, бедолага, заморыш*;

Шутливое – *благоверная, новоиспеченный, бутуз, полуночник, любезничать, егоза*;

Восхищенное – *пленительный, обворожительный, потрясающий, поразительный*;

Возмущенное – *безобразный, похабный, возмутительный*;

и др.

Так как эмоции тоже распадаются на положительные и отрицательные, как и оценки, то эмоциональная и оценочная семы очень тесно связаны, и не всегда их можно различить. Обе коннотативные семы в словарях часто помечаются

практически одинаково: неодобр., презр., пренебр., уничиж., бран., шутил., ирон., фамильярн., что создает дополнительную трудность для их дифференциации

Особенность коннотативных оценок состоит также и в том, что они не одинаково воспринимаются разными группами людей. Интересно пишет В. Астафьев о восприятии слова *браконьер* на его родине:

«От Сурнихи до Опарихи и ниже их по течению держится красная рыба, и поэтому в устье этих речек постоянно выются чушанские браконьеры, которые это слово хулительным не считают, даже наоборот, охотно им пользуются, заменив привычное – «рыбак». Должно быть, в чужом, инородном слове чудится людям какая-то таинственность, и разжигает она в душе позыв на дела тоже таинственные и фартовые, и вообще развивает сметку, углубляет умственность и характер» (В. Астафьев. Царь-рыба).

2.3. Функциональные семы

Функциональный макрокомпонент структурно-языкового значения – информация об особенностях функционирования единицы в речи. Данный макрокомпонент включает следующие типы микрокомпонентов (сем): функционально-стилистический, функционально-социальный, функционально-темпоральный, функционально-территориальный и функционально-частотный.

Для семантического описания функционально-стилистического компонента значения используется следующий семантический метаязык.

Межстилевое – лексика, которая может быть использована как в письменной, так и в устной речи;

Книжное – лексика, используемая преимущественно в письменной речи и официальных ситуациях.

Книжная лексика включает:

собственно-книжную – не закрепленную конкретно за каким-либо видом письменной речи; различают умеренно-книжную (*вследствие, обитать, вопреки, коллега, характеризовать, градация*) и сугубо книжную (*аутентичный, иллюзорный, ригоризм*);

высокую – характеризующуюся приподнятостью, торжественностью, возвышенностью (*претворение, трибун, кончина, зодчий, избранник, непоколебим, обрести*);

официально-деловую – лексику, характерную для официальных документов и канцелярско-административной речи (*вышеизложенный, начислить, местожительство, надлежит, домовладение, удостоверить*);

поэтическую – лексику, которая используется преимущественно в поэзии и носит торжественный, возвышенный характер (*багрянец, безбрежный, лазурь, чужбина, лучезарный, година*), а также различного рода терминологическую лексику – матем., техн., спец., юрид., филоофск. и т.д.

Разговорная лексика – лексика, используемая преимущественно в устной речи, в непринужденном разговоре, оживленной беседе (*работяга, непоседа, читалка, зубрила, электричка, остряк, долговязый, прыткий, сплетничать, чуточку, втихомолку*).

Сниженная – лексика, выходящая за рамки литературной нормы.

В разряд сниженной лексики входят:

сленг – экспрессивная сниженная лексика общенационального употребления (*алкаш, наехать, тачка, баксы, мент* и др.);

жаргонная лексика – экспрессивные сниженные единицы, характерные для речи ограниченных социальных, возрастных, гендерных групп людей – молодежный, музыкантский, уголовный, компьютерный, студенческий и т.д. жаргоны;

просторечная лексика – слова, не принятые в литературном языке, отклоняющиеся от литературной нормы, но не закреплённые за какой-либо социальной группой, употребляемые повсеместно недостаточно культурными людьми, (*харчи, взаправду, вскорости, ихний, небось, умяться, справить, заиметь, задаром*);

Ненормативная лексика – лексика, не допускаемая в публичном употреблении.

Сюда входит:

грубая лексика – нелитературная лексика с усиленным неодобрительным и/или эмоциональным компонентом (*нажраться, паскудный, харя, хамло, жопа, морда*);

бранная лексика – различного рода ругательства, инвективы – *сволочь, мерзавец, подлец, стерва, сволочь, падло, козел, негодяй*;

нецензурная лексика.

Соответствующие компоненты значения называются функционально-стилистическими семами, семами функционально-стилистической отнесенности слова.

Для семного описания *функционально-стилистического* микрокомпонента значения могут быть использованы следующие единицы метаязыка:

межстил., книжн. (в т.ч. высок. оф.-делов., поэт. нар.-поэт.), разгов., сниж. (в т.ч. сленг, жарг., простор.), ненормативное (в т.ч. груб., бран. неценз.).

Другие функциональные семы описываются следующими единицами метаязыка:

функционально-социальные семы – общенар. огран. употр. (в т.ч. молод., детское, в раб. среде, артистическое, юрид., философск., техн. проф., спец. и др.);

функционально-территориальные семы – общераспростран., диал., областн., регион. (в т.ч. южн., северн. поволжск. и др.), ареальное (англ., амер., шотл., канадск. и др.);

функционально-темпоральные семы – соврем., новое, устар., историч. (в т.ч. – в 17-18 вв., в советский пер. и т.д.);

функционально-частотные семы – употр., малоупотр., редкое.

Все перечисленные типы сем – денотативные, коннотативные, функциональные должны быть выявлены и описаны при семном описании значения любого исследуемого слова.

§ 3. Отношения семантических компонентов в структуре семемы

Разные компоненты значения слова неравноправны в структуре семемы в силу самой своей природы. Одни из них более яркие, чем другие, одни – существенные, другие – второстепенные, одни – постоянные, другие – вероятностные и т.д. В силу этого в структуре семемы разные семы имеют разный удельный вес и находятся в разных отношениях друг с другом.

Можно выделить несколько типов отношений сем: 1) детерминантные; 2) синтагматические; 3) доминантные; 4) иерархические.

3.1. Детерминантные отношения сем

Отношения детерминации наблюдаются как между макрокомпонентами, так и между микрокомпонентами семемы и заключаются в том, что наличие в значении слова одного какого-либо семантического компонента предполагает наличие другого компонента или группы компонентов.

Так, если в семеме денотативный компонент конкретен по содержанию, то в данной семеме обязательно будет и эмпирический компонент – чувственное представление об объекте номинации. Лексический компонент значения предполагает и грамматический компонент. Оценочная коннотативная сема предполагает и эмоциональную коннотативную сему. «Сема оценка имеет непосредственное отношение к стилистической характеристике словаря..., она накладывает ограничения на функционирование слов в разных стилях и подстилях речи: функциональные стили науки и официально-делового общения избегают слов с семой «оценка»¹¹. Стилистическая сема «специальное» предполагает денотативный компонент значения, содержащий терминологические семы.

Некоторые семы могут исключать наличие каких-либо других сем в семеме. В связи с этим М.В. Никитин предлагает различать семы совместимые и несовместимые. Первые могут сочетаться в одном значении, вторые логически не сочетаются. Так, в слове *отец* сочетаются семы «родитель» и «мужской пол», в слове *дочь* – «потомок» и «женский пол», но «потомок» и «родитель» не сочетаются ни в одном значении.

Вопрос о детерминантных отношениях сем еще недостаточно изучен.

3.2. Синтагматические отношения сем

В структуре значения слова семы выстраиваются в некоторый упорядоченный ряд, вступая друг с другом в отношения, напоминающие синтаксические отношения между членами предложения, и складываясь в своеобразную предикацию. Так, в значении слова *учитель* – «человек, преподающий в средней школе» – семы «лицо», «преподаватель», «средняя школа» находятся в следующих отношениях друг с другом: кто? лицо, которое что

¹¹ Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. О компонентном анализе значимых единиц языка.— В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 298.

делает? преподает где? в средней школе. Таким образом, сема «лицо» как бы управляет семьей «преподаватель», а та, в свою очередь, семьей «средняя школа». Данные семы являются основными. Во всех них есть скрытые семы, которые не участвуют в основной «синтаксической цепочке»: кроме основной предикации, существуют и другие, отражающие отношения между семьей «лицо» и неосновными, вероятностными и т.д. семами – «лицо, которое проверяет тетради», «человек, который ставит отметки» и т.д. Эти предикации тоже имеют определенную синтагматическую структуру, аналогичную вышеприведенной.

Синтагматические отношения между семами, рассматриваемые от начала синтагматического ряда к его концу, отражают постепенный переход от более абстрактных к менее абстрактным семам, от архисемы, или интегральной семы, к дифференциальным семам разного уровня абстракции. Л.М. Васильев указывал на существование доминирующих и зависимых сем: так, компонент «каузировать» у глаголов *играть*, *стыдиться*, *показывать* является доминирующим, а остальные семы – зависимыми. Синтагматические отношения между семами в структуре значения часто оформляются особыми элементами – связками или «нулевыми компонентами» (по терминологии Ю.Н. Караулова): являющийся, характеризующий, определяющий, относящийся, чей-либо, какой-нибудь, обусловленный, проявляющийся и т.д. Такие элементы обозначают наиболее общие абстрактные отношения между семами.

3.3. Доминантные отношения сем

В связи с тем, что семы в структуре значения подразделяются на яркие и слабые, отдельные компоненты значения могут в структуре семемы доминировать над другими, подавлять их. Наглядный пример доминирования компонентов в структуре значения дает экспрессивно-оценочная лексика – слова типа *дрянь*, *негодяй*, *мымра*, *подлец*, *молодец* и др., где явно доминируют оценочные, эмоциональные и экспрессивно-усилительные семы. В оценочных словах типа *умница*, *шляпа*, *медведь*, *орел* доминирует эмоционально-оценочный компонент значения в совокупности с одной из денотативных сем.

Из денотативных сем в значении обычно доминируют дифференциальные семы, а интегральные остаются в тени; ср. известный пример со словом *холостяк* – из денотативных сем «лицо», «мужской», «взрослый», «не состоявший в браке» доминирует последняя сема. Именно она отрицается в отрицательной конструкции (он не холостяк), именно она является в данном значении наиболее яркой.

Доминирующая сема определяет реальную отнесенность единицы к той или иной тематической группе, что подчеркивает Ю.Н. Караулов, приводя следующий пример: в словах *плод*, *урожай* перевешивает не компонент «пища», а отнесенность этих слов к растительному миру, природе, к области сельского хозяйства.

3.4. Иерархические отношения сем

Иерархические отношения сем легко обнаруживаются и хорошо изучены. Они очень важны для организации лексических единиц в парадигмы и группировки; как подчеркивает Ю.Н. Караулов, иерархия на уровне компонентов

есть необходимая предпосылка иерархии значений, а в конечном счете – системной организации языка.

Вершину семной иерархии единицы в составе лексико-семантической группы занимает родовая интегральная сема (архисема), к примеру, сема «мебель», «прямое родство», «цвет спектра» и др., затем последовательно идут все более и более конкретные семы. Как указывает М.В. Никитин, компонентная структура понятия отражает в себе иерархию обобщений в которую входит понятие. Иерархия спроецирована на структуру понятия. Понятие содержит число компонентов, равное числу уровней обобщения. Оно включает в качестве сем все понятия высших уровней обобщения плюс собственный различительный признак.

Для значений слов разных лексико-семантических разрядов иерархия сем будет различна. Для существительного А.А. Уфимцева выделяет следующую иерархию семантических признаков: 1) признак части речи, 2) признак семантической категории (одушевленность – неодушевленность), 3) признак семантической субкатегории (лицо – нелицо, исчисляемое – неисчисляемое), 4) признак лексической группировки, 5) индивидуальный дифференцирующий признак. Так, в слове *отец* будут выделены следующие семы: 1) предметность, 2) одушевленность, 3) лицо, исчисляемое, 4) родитель 1-го поколения, 5) мужской пол, стилистически и экспрессивно нейтральное. А.А. Уфимцева отмечает, что выделенные пять уровней семантической абстракции, которым соответствуют пять типов семантических признаков, характерны для английских существительных, в других языках может быть иная картина.

Анализируя глаголы в английском языке, А.С. Хуршдянц выделяет в значении глагола: признак части речи, общий семантический признак лексико-семантической группы, классифицирующий признак и дифференцирующий признак. Все эти семы последовательно подчинены друг другу. Так, глагол *answer* «отвечать» содержит семы «процесс», «говорение», «речевое взаимодействие», «сообщение информации в ответ на вопрос».

Существуют и другие классификации компонентов, находящихся в иерархических отношениях. Известна классификация Дж. Катца и Дж. Фодора: грамматический маркер (сема части речи) – семантический маркер (объединяющий семантический компонент; семантических маркеров может быть несколько) – дистингвишер (дифференциальный признак слова, его индивидуальный различитель). Так, значение слова *bachelor* «холостяк» по Катцу и Фодору, будет содержать следующую иерархию компонентов: «существительное» (грамматический маркер) – «человек» (семантический маркер) – «мужской» (семантический маркер), «который никогда не был женат» (дистингвишер, различительный признак).

В.Г. Гак рассматривает иерархию компонентов как отношение семы родового значения (архисемы) к дифференциальным семам видового значения, И.В. Арнольд – как отношение: архисема части речи – классема – дифференциальная сема.

Несмотря на некоторое различие в терминологии, все авторы исходят из единого понимания принципа иерархии сем в семеме – последовательного подчинения семантических компонентов разного уровня абстракции. Является

также общепризнанным, что структура лексико-семантической группы зависит от иерархии семантических компонентов входящих в нее слов.

§ 4. Парадигматические отношения семем по семам

Семемы одной лексемы соотнесены между собой как имеющие общие и различающиеся семы. Точкой отсчета при варьировании семем одной лексемы является денотативная первая семема (Д1). Она всегда является системной единицей, хранится в памяти носителей языка в полном составе со всеми основными и неосновными семами. Семема Д1 соотнесена с денотатом реальной действительности непосредственно, что обеспечивает ее устойчивость.

Семемы могут варьировать как в системе языка (лексико-семантические варианты слова), так и в речи (актуализации одной и той же семемы в разных наборах семантических компонентов).

Рассмотрим следующие контексты. Например, лексема «танк» называет бронированную самоходную машину на гусеничном ходу с мощным вооружением.

В войну этот завод выпускал танки. Это – обычное традиционное употребление слова *танк*.

Идет разговор между двумя командирами о том, как обеспечить безопасность корреспондента во время рейда по вражеским тылам.

– На что его посадить? – Можно на бронетранспортер, как в тот раз.

– Ну, а если что... – А если что – в танк засунем (К. Симонов. Мы не увидимся с тобой). Актуальный смысл слова *танк* – «безопасное место».

Где танк гремел – там ныне мирный трактор (А. Ахматова). Здесь *танк* имеет актуальный смысл «военная машина». В противоположность этому слово *трактор* имеет здесь актуальный смысл «машина для мирного труда». Это примеры нетрадиционного употребления слова *танк*, т.е. такого, которое отклоняется от обычного, традиционного.

Семему Д1 слова *трактор* можно представить как набор сем: самоходная машина для тяги сельскохозяйственных орудий. Ср.: Завод выпустил сверх плана 300 тракторов (традиционное употребление).

В следующих контекстах представлены разные актуальные смыслы слова *трактор*.

Надо больше сеять. А как ты с сохой или однолемешным плугом больше посеешь? Только трактор может выручить, факт! (М. Шолохов. Поднятая целина). Актуальный смысл – «высокопроизводительная сельскохозяйственная машина».

(Вошел Петро). За ним его дружки-трактористы. Хлопцы все как один плечистые, сильные: эти не то что человека, трактор играючи поднимут на плечи (А. Димаров. Мажориха). Актуальный смысл – «тяжелый предмет».

В приведенных примерах варьирование осуществляется в рамках прямого номинативного значения слова Д1 без переноса наименования. Это – нетрадиционные употребления слова *трактор*.

Широко распространено использование одних и тех же лексем для семем Д1

и К1, то есть таких, которые представляют собой результат развития семемы Д1.

Развитие семемы состоит в том, что в ней семы исходной семемы Д1 так или иначе изменяются. Некоторые семы погашаются, другие из конкретных становятся абстрактными, меняются ранги сем, порядок их следования и др.

«Форма сохраняет полностью свое значение, если та различительная черта, которая была положена в основу при ее создании, присуща тому объекту, к которому прилагается данная форма. Если же она используется для обозначения объекта, лишённого данной черты, то сема, соответствующая этой черте, погашается и устраняется из семантической структуры слова, которое подвергается переосмыслению»¹².

Приведем примеры.

Внизу он услышал, как ругались рабочие, грузившие в машину рояль: «Купили бы скрипку какую-нибудь, а то ворочай танк этот» (И. Велембовская. Вид с балкона).

Но что такое тамошняя косьба? Гимнастика на вольном воздухе, упражнение с палкой среди благоухающих цветов. А тут не человек – бык, танк прет впереди тебя. Без передышки, без роздыху (Ф. Абрамов. Дом).

Здесь рояль и человек, несомненно, имеют признаки громоздкости, большого размера, а человек – еще и силы, способности преодолевать препятствия, эффективно выполнять задачу. Соответствующие семы есть и в семеме Д1 слова *танк*, хотя там они занимали место потенциальных. Но именно они стали основой окказиональной семемы К1, обозначающей громоздкий предмет и могучего человека. Семы «военная машина, на гусеничном ходу» погашены.

Соотношение семем по семам может быть представлено наглядно.

В.Г. Гак, например, так показал движение сем в семемах слова *прийти*. Мальчик пришел из школы: $a_1Д(б, в)$, где a_1 – самостоятельность действия, Д – движение (архисема), б – приближение, в – движение пешком (дифференциальные семы). Семема включает также потенциальную сему п – появление.

Поезд пришел на станцию: $a_1Д(б)$ – погашена сема в – передвижение пешком. Пришло письмо: $a_2Д(б)$. Сема «самостоятельное движение» изменена в. сему «несамостоятельное движение».

Пришла беда: $a_1П$. Погашены семы Д(б) Актуализирована бывшая потенциальная сема «появление», ставшая архисемой (П).

Парадигма семем у лексемы «пришел» получает, таким образом, вид:

$a_1Д(б, в) п$

$a_1Д(б) п$

$a_2Д(б)$

$a_1П$

Итак, изменение состава сем в семемах служит механизмом развития значения и механизмом переноса наименования. Развитие значения и переносы наименования приводят к созданию парадигмы семем, соотносенных с одной лексемой.

¹² Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 89.

§ 5. Синтагматические отношения семем по семам

В речевой последовательности слова входят в сочетания друг с другом, при этом возникают разнообразные отношения между их семемами. Именно от семного состава семем зависит возможность или невозможность осмысленного сочетания слов друг с другом.

В.Г. Гак различает три вида отношений семем по семам в синтагматическом ряду.

1. Семантическое согласование, когда в семемах сочетающихся слов имеются общие, совпадающие семы.

Змея ползет к норе (змея – перемещается на животе, без ног; ползать – перемещаться на животе, без помощи ног).

2. Семантическое несогласование, когда в семемах сочетающихся слов нет общих сем, однако нет и противоречащих друг другу сем.

Змея приближается к норе (приближаться – не содержит конкретных сем, которые были бы общими с семемой «змея»).

3. Семантическое рассогласование.

Время ползет (абстрактное понятие «время» не сочетается с конкретным понятием «перемещаться без помощи ног, на животе»). При семантическом рассогласовании сочетание слов либо становится бессмысленным (дом ползет), либо в нем происходит перестройка семного состава одной из семем. Так, в примере *время ползет* в глаголе *ползти* происходит погашение сем «без ног» и «на животе», но сохраняется и становится основной неосновная сема семемы «ползти», а именно: медленно.

Нормативная, обычная сочетаемость строится на семантическом согласовании. Глаголы, которые сочетаются с существительными, как правило, содержат их семы. Ср. кусать – зубы, лизать – язык, моргать – глаза, выходить замуж – о женщине, жениться – о мужчине и др.

§ 6. Семема как полевая структура

Подводя итог рассмотрению проблемы типологии сем, отметим, что к структуре семемы может быть применен полевой подход, получивший в настоящее время широкое распространение в различных разделах науки о языке.

При анализе семемы с точки зрения содержания образующих ее сем вычленяются основные, ядерные семы, определяющие значение данного слова, и менее важные, неосновные, периферийные, отражающие второстепенные признаки денотата, актуализация которых обычно не является необходимой в типичных актах общения, лишь иногда эти признаки могут оказаться релевантными в какой-либо конкретной речевой ситуации.

Основные семы можно перечислить; что же касается неосновных, то, как отмечает Ю.С. Степанов, список таких сем «...может быть ограничен только

практическими соображениями описания»¹³.

Основные семы, как правило, включаются в толкования значений слов в словарях. Они отражают наиболее существенные признаки денотата, без которых названный предмет не существует как таковой. Неосновные семы отражают второстепенные признаки предмета и в словарях в большинстве случаев не отражаются.

Так, в значение слова *учитель* входят следующие основные семы: «лицо», «преподаватель», «средняя школа». Эти семы отражают наиболее существенные признаки учителя, без которых учитель не будет учителем. Такие же признаки, как: *имеет специальное образование, взрослый, занимается умственным трудом, воспитатель, строгий, культурный, любит детей*, для семемы «учитель» будут периферийными, менее существенными.

Основные семы играют важнейшую роль при разграничении значений слов, при сопоставлении синонимов или слов в рамках лексико-семантической группы. Периферийные семы в этих случаях несущественны. Однако в коммуникативных актах и периферийные семы могут оказаться релевантными. Например:

- Он, по-моему, еще совсем молодой.
- Что ты, он уже учитель! (т.е. взрослый).
- Как ты можешь кричать на детей? А еще учитель! (т.е. должен быть чутким, добрым).

Дети не справились с заданием и позвали учителя (т.е. знающего, опытного человека).

- Хочу, чтобы дочь вышла замуж за интеллигентного человека.
- А чем не устраивает тебя Володя? Он учитель (т.е. интеллигент) и т.д.

Во всех приведенных примерах актуализированы неосновные семы семемы «учитель», и именно они в данных актах речи выступают как коммуникативно релевантные.

В значение слова *женщина* входят три основные семы – «лицо», «взрослое», «женский пол». Именно они актуализированы в первой фразе романа А. Толстого «Хмурое утро»: У костра сидели двое – мужчина и *женщина*. Но значение слова *женщина* часто оказывается реализованным и в наборе неосновных сем. Например: Ездили в Черемхово. Выступали на шахтах и заводах. За станками много подростков и *женщин*. Производит все это тяжелое впечатление. (Г. Марков. Моя военная пора). Здесь актуализированы семы «физически слабая», «не приспособленная к тяжелой работе».

Даша сказала, что завидует Ивану Ильичу – есть свое дело, уверенность в жизни, а вот ей еще полтора года корпеть над книгами, и притом такое несчастье, что она – *женщина*. (А. Толстой. Сестры). Актуализируется сема «зависимая, не-самостоятельная».

- Может быть, не здесь... Рад буду видеть вас у себя, – проговорил министр.
- Лучше здесь, – настойчиво произнесла Куницина, и Андрею Демидовичу показалось, что министр недовольно вздохнул, но тут же примирился. Что поделаешь – *женщина!* (И. Герасимов. Эффект положения). Актуализируется

¹³ Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977, с. 296.

сема «капризная».

– Ну, а что представляет собой ваша Кременецкая? Что она за человек?

– Она прежде всего *женщина*, потом уже человек. Проходя мимо нее, мужчины оглядываются.

– Так хороша? (В. Каверин. Двухчасовая прогулка). Актуализируются семы «привлекательная», «красивая».

(Комендант) вынул ключи и пошел впереди в бывшую гардеробную, где сейчас находились кладовые Дома Анархии. Жиров широким размахом указал на вешалки.

– ...Дарья Дмитриевна, берите все, что понравится, я захвачу, пройдем наверх, там переоденетесь.

Что ни говори о Дашиных переживаниях – прежде всего она была *женщиной*. У нее порозовели щеки. (А. Толстой. Восемнадцатый год). Актуализированы семы «любит наряды, одеваться».

В структуре семемы может быть выделено ядро и периферия значения. К ядру, как правило, будут относиться основные, постоянные, эксплицитные, яркие семы, к периферии – неосновные, вероятностные, диспозициональные, скрытые, слабые (неяркие) семы. Ядерными могут быть как денотативные, так и коннотативные семы. Функциональные семы обычно периферийны.

Ядерные семы являются основой различных лексических группировок в системе языка, именно по ядерным семам слова прежде всего выстраиваются в парадигмы, синонимические ряды, антонимические пары, лексико-семантические и тематические группы.

Периферийные семы обозначают менее существенные, непостоянные, вероятностные признаки предмета, не являющиеся для предмета основными. Например, в значении слова *мужчина* периферийными семами будут такие как «сильный», «мужественный», «решительный», «высокий», «смелый» и др.

Периферийные семы очень важны для значения - они часто актуализируются в речи, создают образность и экспрессивность словоупотребления, выступают основой образования переносных значений, расширяют номинативные возможности слова.

Ядерные семы обычно ярче периферийных, но не всегда. Например, в глаголе «бежать» яркой является сема «быстрота», хотя она не ядерная, а периферийная (бежать можно медленно, и вообще не перемещаясь — на месте). Периферийные семы могут быть очень яркими, ср. «молодой» в значении слова «студент» и др.

Выделяется ближняя, дальняя и крайняя периферия значения. Ближняя периферия включает менее яркие семы, чем вошедшие в ядро, включая возможно, и некоторые периферийные семы, имеющие большую яркость, а также сильновероятностные семы.

Дальняя периферия включает неяркие, слабовероятностные семы.

Всегда относятся к ядру значения архисемы; вероятностные семы всегда периферийны.

Крайняя периферия включает окказионально актуализирующиеся, слабые семы, наиболее удаленные от семантического ядра слова, часто присущие слову в

групповом языковом сознании - возрастном, гендерном, профессиональном и под.

Ядерные семы в большинстве случаев выделены традиционным компонентным анализом, они отражаются в дефинициях толковых словарей. Периферийные семы таким анализом обычно не выделяются, в словаре не фиксируются, так как дифференциальных функций в системе языка как правило не выполняют. Однако, как и ядерные, они представляют собой психологически и лингвистически реальные компоненты значения, могут служить основой образования переносных значений, могут, как и ядерные, актуализироваться в речи и составлять актуальный смысл знака, оказываясь коммуникативно релевантными для говорящих, реализуясь в различных контекстах употребления слова.

Основу ядра составляет денотативный компонент значения. Однако очень яркими могут оказаться в значении и коннотативные семы – эмоция и оценка, а также некоторые стилистические и другие функциональные семы. В таком случае они могут войти в ядро значения или в его ближнюю периферию, поскольку значимость, яркость семантического признака для языкового сознания является важнейшим признаком, позволяющим отнести тот или иной семантический компонент к ядру значения.

К примеру, семема *женщина* по результатам исследования Л.В. Адониной (3000 испытуемых) имеет следующую полевую структуру.

Ядро

красивая 487; противопоставлена мужскому полу 435; выступает в роли матери 285; относится к женскому полу 167; является человеком 166; имеет детей 104; выступает женой 81; любимая 80; молодая 61;

Ближняя периферия

производит очень хорошее внешнее впечатление 50; русская 46; добрая 41; привлекает цветом одежды 38; заботливая 35; сохраняет домашний очаг 31; деловая 29; продолжательница жизни 26; верная 24; готовит пищу 22; грешная 20; женственная 20; умная 20; является врачом 18; является эстрадной певицей 18; является домохозяйкой 17; глупая 17; загадочная 16; страстная 16; хозяйка 16; одинокая 15; говорит лишнее 13; любит 12; трудолюбивая 12; очаровательная 12; божественная 11; занимается стиркой 11; беззащитная 10; гордая 10; занимается уборкой 10; ласковая 10; плаксивая 10;

Дальняя периферия

зрелая 9; отвратительная 9; милая 8; привлекает одеждой 8; является коллегой 8; душевная 7; легкомысленная 7; надежная 7; нелогичная 7; слабая 7; является основой семьи 7; является учителем 7; безнравственная 6; носит сумки 6; стремится заинтересовать собой, понравиться 6; тактичная 6; является предметом сексуального интереса для мужчины 6; расточительная 5; склочная 5; счастливая 5; хитрая 5; является любовницей 5; замужняя 4; злая 4; изящная 4; легко обидеть 4; полная 4; пользуется косметикой 4; понимает людей 4; работает с большим напряжением, долго и много 4; распутная 4; сильная 4;

умеет дружить 4; хозяйственная 4; элегантная 4; активная 3; много зарабатывает 3; независимая 3; привлекает наготой 3; привлекает ногами 3; нуждается в причёске 3; ревнует 3; стройная 3; терпеливая 3; утомленная 3; хищная 3; хорошая 3; хрупкая 3; является родной 3; является снохой 3; бесстрашная 2; бойкая 2; везение 2; делает карьеру 2; доставляет блаженство 2; идеальная 2; коварная 2; любит читать 2; мастерица 2; объект желания 2; понимает красивое, прекрасное 2; порочная 2; привлекает глазами 2; привлекает запахом 2; приносит счастье 2; рождает детей 2; рукодельница 2; создает уют 2; соперничает за мужчин с другими женщинами 2; странная 2; уверенная в себе 2; является актрисой 2; является воспитателем 2; является литературным персонажем 2; является поваром 2; является свекровью 2; является сестрой 2; является символом мира 2; является символом отечества 2;

Крайняя периферия

авантюристка 1; актриса 1; англичанка 1; ассоциируется с развлечением 1; блондинка 1; веселая 1; влюбленная 1; вселяет надежду 1; выражение любви 1; высокая 1; гибкая 1; говорит быстро, громко 1; грустная 1; ее носят на руках 1; ее поздравляют в женский праздник 1; завистливая 1; занимается политикой 1; имеет волевой характер 1; капризная 1; коммуникабельная 1; копуша 1; крикливая 1; любит сладкое 1; любит украшения 1; мечтательная 1; многочисленны 1; модница 1; может обладать мужской логикой 1; мягкая 1; начальник 1; непостоянная 1; несчастная 1; обладает своеобразной живостью, остротой в характере 1; обманщица 1; покорная 1; привлекает бедрами 1; привлекает грудью 1; привлекает лицом 1; привлекает фигурой 1; приличная 1; приносит удачу 1; проворная 1; простая 1; пунктуальная 1; работает 1; решительная 1; робкая 1; с ней легко общаться 1; самостоятельная 1; сдержанная в обнаружении своих достоинств, заслуг 1; смешливая 1; спокойная 1; страдает 1; улыбочивая 1; француженка 1; ходит за покупками 1; честная 1; является бабушкой 1; является библейским персонажем 1; является директором 1; является дочерью 1; является золовкой 1; является медсестрой 1; является объектом любви 1; является психологом 1; является сожительницей 1; является спортсменкой 1; является тещей 1; является юристом 1.

Принцип разграничения ядра и периферии может быть применен и на уровне мега – и макрокомпонентов семемы в целом. Из мегакомпонентов ядро образует лексический, периферию – структурно-языковой компонент; среди макрокомпонентов лексического значения ядерным является денотативный. Таким образом, денотативный макрокомпонент – ядро всей семемы.

Граница между ядром и периферией значения не абсолютна: постоянные, основные семы могут уступать по яркости неосновным, второстепенным; вероятностные семы могут быть существенными для значения; диспозициональные и скрытые – быть яркими и выдвинуться на передний план значения и т.д.

Описание ядра и периферии значения часто требуют различных методов и приемов.

Ядерные компоненты значения, кроме того, что они в основном отражены в толковых словарях и могут быть выделены семным анализом словарных дефиниций, могут быть также выделены приемами традиционного компонентного анализа [Стернин 2003, с. 11-14], а также другими методами и приемами (см. главу VI).

Особую трудность приобретает выявление периферийных компонентов значения.

Периферийные семы традиционным компонентным анализом обычно не выделяются. Основными приемами выявления периферийных сем являются: 1) логический анализ значения, 2) контекстуальный анализ употреблений слов в текста; 3) экспериментальные приемы исследования значения.

Полевой подход к структуре значения позволяет объяснить семантические потенции слова и разнообразие его возможных семантических вариаций как при прямом, так и при переносном употреблении.

Рекомендуемая литература

Арнольд И.В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте. – *Иностр. языки в школе*, 1979, № 5.

Арутюнова Н.Д. Логические теории значения. – В кн.: *Принципы и методы семантических исследований*. М., 1976.

Ахманова О.С. и др. *Основы компонентного анализа*. М., 1969.

Васильев Л.М. О природе значения и типах языковой информации. – В кн.: *Исследования по семантике*. Уфа, 1979.

Васильев Л.М. *Семантика русского глагола*. М., 1981.

Войшвилло Е.К. *Понятие*. М., 1967.

Гайсина Р.М. *Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке*. Саратов, 1981.

Гак В.Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова. – В кн.: *Вопросы описания лексико-семантической системы языка*. М., 1971, ч. 1.

Гак В.Г. *Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания*. – В кн.: *Психолингвистические исследования*. М., 1971.

Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики. – В кн.: *Проблемы структурной лингвистики*. 1971. М., 1972.

Гак В.Г. *Сопоставительная лексикология*. М, 1977.

Гинзбург Р.С. Значение слова и методика компонентного анализа. – *Иностр. язык в школе*, 1978, № 5.

Гинзбург Р.С. *Основы лексикологического исследования*. М., 1978.

Гулыга Е.А., Шендельс Е.И. О компонентном анализе значимых единиц языка. – В кн.: *Принципы и методы семантических исследований*. М., 1976.

Долгих Н.Г. О трех направлениях в разработке метода компонентного анализа применительно к лексическому материалу. – *Филол. науки*, 1974, № 4.

Ельмслев Л. *Пролегомены к теории языка*. – В кн.: *Новое в лингвистике*. М., 1960, вып. 1.

Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? – В кн.: Новое в лингвистике. М., 1962, вып. 2.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1974.

Копыленко М.М., Попова З.Д., Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1978.

Кузнецов А.М. Структурно-семантические параметры в лексике. М., 1980.

Кузнецова Э.В. Русская лексика как система. Свердловск, 1980.

Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М., 1982.

Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания. М., 1974.

Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974.

Никитин М.В. Лексическое значение слова. М., 1983.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб, 1997.

Посох А.В. Компонентный анализ семантики. – В кн.: Методы изучения лексики. Минск, 1975.

Селиверстова О.Н. Обзор семантических работ по компонентному анализу. – Филол. науки, 1967, № 5

Степанова М.Д. Вопросы компонентного анализа в лексике.– Иностр. языки в школе, 1966, № 5.

Стернин И.А. Значение слова и его компоненты. Воронеж. 2003.

Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Воронеж, 2004.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж. 1985.

Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977.

Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.

Хидекель С.С, Кошель Г.Г. Оценочный компонент лексического значения слова. – Иностр. языки в школе, 1981, № 4.

Шрамм А.Н. Структурные типы лексических значений слова. – Филол. науки, 1981, № 2.

Глава IV

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СЕМАНТИКИ СЛОВА

§ 1. Вопрос об эквивалентности семем, выраженных лексемами разных языков

Теория и практика перевода накопили множество примеров расхождений в значениях таких слов, которые, казалось бы, обозначают одни и те же предметы реальной действительности, одни и те же понятия, созданные умом человека.

Начнем с тех случаев, когда эквивалентные лексемы обозначают разные вещи. Например, выражение *первый этаж* в русском языке и *erster Stock* (нем.), *premier étage* (франц.), *first floor* (англ.) обозначают разные этажи. В европейских языках первым называют второй этаж, с которого начинают счет этажей. Этаж, лежащий на земле, называют *rez-de-chaussée* «уровень шоссе» (франц.), *ground floor* «земельный этаж» (англ.). Это так называемые «ложные друзья» переводчика, но таких крайних случаев немного.

Широко распространенными являются соотношения, когда эквивалентные лексемы, то есть обозначающие одни и те же денотаты, несут разный набор сем в семемах. Различия могут касаться денотативной, коннотативной и функциональной части значения.

В денотативной части эквивалентных лексем сравниваемых языков различается объем выражаемого понятия. Франц. *cuire* можно перевести на русский язык глаголами *варить*, *жарить*, *печь* и все будет правильно, так как объем понятия французского глагола обобщенно обозначает все эти способы приготовления пищи.

Венгерские лексемы *batya* (старший брат) и *öccs* (младший брат), *péne* (старшая сестра) и *hug* (младшая сестра) на русский язык могут быть переведены только словосочетаниями, так как в русских лексемах *брат* и *сестра* признаки возраста не заложены. Русские слова *девочка* и *девушка* переводятся на английский язык словом *girl*, в котором дифференциальные признаки возраста не присутствуют.

Французские *civilite* (гражданская вежливость), *politesse* (деловая вежливость), *galanterie* (вежливость мужчины по отношению к женщине), *courtoisie* (придворная вежливость) не имеют однословных соответствий в русском языке. Они могут быть переведены только словом *вежливость* общего родового значения. Видовые понятия могут быть переданы только описательно.

Английские *ability* (практические способности), *aptitude* (способности к конкретному делу), *faculty* (умственные способности), *sapacity* (обладание возможностями что-либо делать) переводятся на русский язык словом *способность*, которое при необходимости распространяется определителями.

Англичане различают *finger* (палец руки) и *toe* (палец ноги), в русском и тот и другой одинаково называются *палец*.

И наоборот, англичане не различают словами *землянику* и *клубнику*, которые именуется одинаково *strawberry*, не различают отдельными лексемами действия *ставить* и *класть* (англ. *put*), *мыть* и *стирать* (англ. *wash*), французы именуют и *стакан* и *рюмку* лексемой *verre*, немцы *миску* и *таз* – лексемой *Schüssel*, *пробку* и *крышку* – лексемой *Deckel*. Английским словом *student* можно назвать и *ученика*, и *студента*, и *аспиранта*. Русскому *берег* в английском языке соответствует *shore* «берег моря» и *bank* «берег реки», русскому *часы* – *watch* «наручные часы» и *clock* – «настенные или настольные часы», русскому *город* – английское *town* «маленький город» и *city* «большой город», русскому *жить* в немецком языке соответствует *wohnen* «проживать в доме» и *leben* «жить, существовать».

В арабском языке хвосты осла, льва и лошади обозначаются разными лексемами. В языке хауса существует 16 названий для отрезков суток (утренняя

полутьма, рассвет, время до восхода, канун восхода, восход солнца и т.д.).

В казахском языке есть особые слова для обозначения ягненка до 6 месяцев (лак), ягненка старше 6 месяцев (токты), годовалого жеребенка (тай), норовистого, неприрученного коня (асау), особо крупного породистого волка (бори). В нилотском языке (Судан) 8 слов обозначают разные способы обмолота зерна, в ненецком много особых слов для названия разновидностей снега, 20 названий нарт, много названий окраски и мастей животных.

В языке эве (Африка) разработаны наименования способов и видов походки, которым нет эквивалентов среди слов европейских языков.

Зо бохобохо – идти походкой неуклюжего, медлительного, крупного и дородного человека.

Зо дадидади – идти тяжелой походкой утомленного или прихрамывающего человека.

Зо биабиа – идти походкой длинноногого человека с широким шагом.

Зо бехебехе – идти походкой слабого кривоногого человека.

Зо дзедзе – идти живой проворной безостановочной походкой.

Зо хлойхлой – идти походкой человека, одетого в длинные развевающиеся одежды или несущего длинные покачивающиеся предметы.

Зо влавла – уходить прочь быстро и без остановки.

Зо такатака – идти не разбирая дороги.

Зо люмолуомо – бежать поспешно, как маленькое животное, наподобие мыши или крысы.

Описывая подобные примеры, говорят о векторных соответствиях или векторных эквивалентах: единица одного языка имеет более одного переводного эквивалента в другом языке. Это соответствие изображено на рис. 3.

В этих случаях в лексеме языка-оригинала отсутствуют дифференциальные семы, которые характерны для лексем языка перевода, и семема соответствующей лексемы языка оригинала выступает в силу этого как более абстрактная по сравнению с семемами языка перевода.



Рис. 3 – Схема векторного соответствия

В результате неполной эквивалентности денотативных семем разных языков создается такое явление, как лакуна: отсутствие в одном из языков, сопоставляемых между собой, наименования того или иного понятия, имеющегося в другом языке.

Условия жизни и быта народа порождают возникновение понятий, принципиально отсутствующих у носителей других языков. Соответственно в других языках не будет и однословных словарных эквивалентов для их передачи.

Так, не имеют эквивалентов во французском языке русские слова *кефир, пирожки, квас, оладьи, валенки, лапти, компостировать, хват, фельетон, вьюга* и др.; нет соответствия широкому кругу фольклорной лексики – *тужить, сизый голубочек, чудо-юдо, лапушка* и др., в английском языке нет эквивалентов русским словам *форточка, путевка, больничный лист, профтехучилище, закуска, галдеть, гостинец, дача, брочка* и др.

В русском языке отсутствуют слова, эквивалентные немецкому *Handwerke* «маляры, слесари и жестянщики», *Besteck* «ложки, вилки и ножи», *Geschwister* «совокупность детей одних родителей», нет в русском языке соответствий английскому *cousin* «двоюродный брат или сестра», *fetch* «сходить и принести», *rest* «находиться на одном месте в состоянии покоя», *flap* «всякий нависающий предмет», *braindrain* «утечка мозгов», *coroner* «следователь по насильственной или скоропостижной смерти», *primaries* «первичные выборы», *exposure* «подверженность воздействию сил природы – ветра, солнца, дождя».

В русском языке отсутствует слово, эквивалентное болгарскому *гурел*, которое обозначает сухое вещество, образующееся у человека в уголке глаза около переносицы, и т.д.

Лакуны, выявляемые при сопоставлении лексем разных языков, могут быть подразделены на мотивированные и немотивированные. Мотивированные лакуны связаны с отсутствием самой реалии у того или иного народа (ср. квас, лапти, щи и др. у англичан, французов, японцев и т.д.). Мотивированные лакуны выявляются в сфере так называемой безэквивалентной лексики. Немотивированные лакуны не поддаются объяснению через отсутствие реалии: соответствующие реалии есть, но народ в силу культурно-исторических причин их как бы не заметил, не сформулировал понятий об этих реалиях, оставил их незазванными. Ср.: «совокупность детей одних родителей», «всякий нависающий предмет» для русского языка, такие слова как *кипяток, однолюб, сутки* – для французского.

Подытоживая рассмотрение проблемы межъязыковой лексической эквивалентности, можно, таким образом, выделить три основных типа лексических соответствий:

1) линейные соответствия, когда одной лексеме одного языка соответствует в денотативном плане одна лексема языка перевода, например: голова – англ. *head*, дерево – англ. *tree*, кошка – англ. *cat* и др.;

2) векторные соответствия, когда одному более общему по значению слову языка оригинала соответствуют несколько более конкретных слов языка перевода – «палец» в русском, *finger* и *toe* в английском, или наоборот – «клубника» и «земляника» в русском, *strawberry* – в английском;

3) отсутствие эквивалента лексемы языка оригинала в языке перевода.

Понятие лакуны будет применяться в таком случае, во-первых, к полному отсутствию эквивалента (безэквивалентная лексика), а во-вторых, к случаям векторных соответствий, когда возможен перевод только лексемой родового значения, без дифференциальных сем, или только лексемой с более конкретным значением, с дополнительными дифференциальными семами. Так как в случае векторных соответствий перевод все же возможен, хотя и требует дополнительных, конкретизирующих лексических единиц, такие лакуны можно

назвать частичными.

Необходимо отметить, что и при наличии линейных соответствий возможно проявление национально-культурной специфики семантики слова: совпадение эквивалентных семем по ядерным, основным семам, но различие по периферийным, неосновным семам.

К примеру, единица *academic year* в английском языке обозначает в Великобритании «академический год», но начинается он, в отличие от русского, не в сентябре, а в октябре, и делится не на два семестра, как у нас, а на три «триместра»; единица *social worker* в Англии обозначает не просто общественного служащего, а такого, в обязанность которого входит посещение больных и неблагополучных семей; английское *tea* не просто чай, а обязательно чай с молоком; *corner shop* у англичан не просто угловой магазин, а небольшой и преимущественно продовольственный и т.д. В этих случаях речь идет не о лакунах, а о словах с ярко выраженной национальной спецификой семантики.

Нами было проведено экспериментальное исследование значений слов – наименований лиц по профессии в русском и немецком языках с целью выявления национально-культурной специфики семантики слов данного семантического разряда. Исследовались слова *учитель, летчик, инженер, ученый, солдат, продавец, артист, начальник, моряк, доярка, официант, врач, студент, профессор, спортсмен*. Информантам предлагалось письменно ответить на вопросы по каждому слову: типичный... – внешне какой? по характеру – какой? что делает? Полученные в результате эксперимента признаки обобщались, ранжировались и производилось сопоставление русских и немецких значений. Полученные в эксперименте семантические признаки относились, как и предполагалось, в основном к разряду периферийных, включали эмпирические признаки и признаки денотативного характера. При обработке результатов для каждого полученного семантического признака вычислялся индекс яркости как отношение числа информантов, выделивших данную сему, к общему числу информантов, участвовавших в эксперименте. При сопоставлении русских и немецких значений принимались во внимание семы с индексом яркости 0,20 и выше¹⁴.

Национально-культурная специфика исследуемых слов выявилась в трех аспектах.

1. В ряде случаев у слова наблюдается существенно различающийся набор сем в русском и немецком языках.

Так, в значении слова *инженер* в немецком языке выявлено 12 сем с индексом яркости более 0,20, а в русском таких сем всего 3, причем совпадает в обоих языках лишь одна сема – «чертит»; в значении слова *врач* выявлено 13 сем в немецком языке и 7 – в русском, а совпадают лишь две – «в белом халате» и «лечит людей». В значении слова *студент* немецкие информанты выделяют признаки «в куртке», «в джинсах», «любопытный», отсутствующие в ответах русских информантов, и т.д.

Семы, характерные только для значения слова в одном из сравниваемых языков, можно назвать национально-специфическими. Количество национально-

¹⁴ Эксперимент был проведен в начале 80-ых гг.

специфических сем в значениях рассматриваемых слов весьма велико, хотя многие из них носят вероятностный характер, выделяются не всеми, а лишь некоторой группой информантов, то есть характеризуются сравнительно невысоким индексом яркости.

2. При совпадении ряда сем в словах сравниваемых языков может наблюдаться существенное различие в яркости этих сем, то есть фактически – в месте, занимаемом этими семами в структуре значения в конкретном языке.

Приведем примеры несовпадения яркости сем у отдельных слов (цифра означает индекс яркости семы):

Слово	Сема	Индекс яркости	
		рус. яз.	нем. яз.
учитель	«модно одетый»	0,02	0,53
	«добрый»	0,41	0,14
	«строгий»	0,39	0,54
ученый	«в очках»	0,43	0,77
солдат	«в форме»	0,63	0,97
	«веселый»	0,40	0,20
продавец	«обслуживает покупателя»	0,30	0,73
начальник	«толстый»	0,30	0,17
студент	«учится»	0,30	0,83
профессор	«умный»	0,35	0,71
летчик	«высокий»	0,43	0,25
	«летает»	0,60	0,31
инженер	«чертит»	0,60	0,27
артист	«красиво одет»	0,40	0,23
моряк	«в форме»	0,25	0,88
доярка	«добрая»	0,58	0,24
врач	«добрый»	0,48	0,20

Наблюдаются и совпадения сем по яркости, преимущественно в сфере ядерных сем, но встречаются и случаи совпадения яркости у сем периферийных:

Слово	Сема	Индекс яркости	
		рус. яз.	нем. яз.
доярка	«доит коров»	0,60	0,63
официант:	«обслуживает посетителей»	0,40	0,48
	«бегает по залу»	0,40	0,48
врач	«в белом халате»	0,70	0,68
студент	«веселый»	0,50	0,58
спортсмен	«стройный»	0,55	0,51
летчик	«смелый»	0,30	0,22
солдат	«коротко острижен»	0,30	0,35
артист	«красивый»	0,50	0,50
	«веселый»	0,30	0,33
начальник:	«руководит»	0,45	0,31
	«сидит в кабинете»	0,28	0,17
	«строгий»	0,33	0,28

3. В некоторых случаях при совпадении ряда семантических признаков в значениях сравниваемых слов существенно различается объем периферийной части значений этих слов.

Так, в словах *моряк, артист, доярка, врач* в немецком языке обнаруживается гораздо большее число периферийных сем, чем в русском языке; при этом семы в немецком языке более конкретны, особенно в графе «характер». Другими словами, немецкий язык как бы добавляет свои дополнительные семы к тем, которые оказались у него общими с русским языком.

Подводя итог, можно отметить, что наибольшее совпадение семантических компонентов в русском и немецком языках отмечается в значениях слов *спортсмен, профессор, солдат, летчик*. У этих слов наблюдается наибольшее количество совпадающих сем, и эти семы ближе друг к другу по яркости. Наибольшей национально-культурной спецификой обладают значения слов *начальник, продавец, официант*. Материалы эксперимента показали, что в целом в значениях исследованных слов у носителей немецкого языка выявляется большее количество ярких сем и выделяемые ими семы более конкретны. Для русских значений количество ярких сем меньше, особенно это заметно в графе «характер»; наблюдается также некоторая тенденция давать более абстрактные ответы.

Выявленная в эксперименте национально-культурная специфика рассмотренных слов должна интерпретироваться с осторожностью. Не следует преувеличивать выявленные расхождения, так как они относятся обычно к семантической периферии слова и в силу этого далеко не в каждом акте общения эти компоненты могут быть актуализованы. Не следует проводить прямых параллелей между внеязыковой действительностью и семантикой тех или иных языковых единиц. Хотя семантика слова и представляет собой результат отражения действительности сознанием человека, она преломлена мышлением, а также испытала на себе давление языковой системы.

Несомненно, природа семантических расхождений имеет национально-культурную основу, но конкретный ответ на причину конкретного расхождения во многих случаях дать весьма затруднительно. Так, трудно, например, объяснить почему признак «умный» в значении слова *ученый*, имеющий индекс яркости 0,58 в немецком языке, в русском языке информантами практически не выделяется. Подчеркнем еще раз, что выявленные национально-культурные особенности семантики слов должны рассматриваться только как особенности семантики, а не непосредственно как особенности обозначаемых словами предметов.

Кроме того, выделенные семантические компоненты в большей мере, чем ядерные, подвержены изменениям во времени, зависят от социальной, возрастной, профессиональной стратификации аудитории, что также необходимо учитывать при интерпретации полученных результатов. Вместе с тем нельзя и игнорировать выделенные компоненты как чисто второстепенные, так как они представляют собой психолингвистическую реальность, многие из них обладают большой яркостью в структуре значения и оказывают существенное воздействие на интерпретацию слова в конкретных текстах и актах речи.

Таким образом, экспериментальные приемы исследования значения позволяют при сопоставительном межъязыковом анализе выявить национальную специфику семантики слова.

Еще один аспект проявления национальной спецификации семантики – различие внутренней формы эквивалентных единиц в разных языках. Одна и та же тарелка называется у русских «мелкая», а у немцев – *der flache Teller* «плоская», глубокая тарелка по-немецки называется *der Suppenteller* «суповая»; безымянный палец у англичан называется *ring finger* «кольцовый палец», то есть для кольца; «горлышку» бутылки соответствует английское *neck of the bottle* «шейка бутылки»; «снежная баба» у англичан – *snowman*, то есть «снежный мужчина»; зимних купальщиков мы называем «моржи», а американцы – *polar bears* «белые медведи» и т.д.

Семные различия могут затрагивать коннотативную и функциональную часть семантику слова. Широко известно несовпадение стилистических парадигм (синонимических рядов) в разных языках; различия касаются и эмоционально-оценочных компонентов слов. Так, в английском языке прилагательное *old* «старый» во многих сочетаниях типа «старый дом» имеет положительно-оценочную коннотацию; прилагательное же *continental* «континентальный» – отрицательную («континентальный завтрак» у англичан – это плохой, несытный, невкусный и т.д.).

Лексемы в конкретных языках обрастают смысловыми ассоциациями, обусловленными обычаями, традициями, мифами, культурой, литературой данного народа. Некоторые слова приобретают в культуре народа своеобразный символический смысл, который также глубоко национален. Символические значения основываются на ассоциациях и никак не эксплицированы в лексеме. Так, русская лексема «береза» содержит для носителя русского языка коннотации «родина», «нежная», «женственная». В норвежском же языке, к примеру, береза ассоциируется со стойкостью и выносливостью. Волк у русских – символ жестокости, агрессивности, а у киргизов – символ смелости и благородства, мужества (близко к коннотации русского слова «орел»). По данным психолингвистических экспериментов А.А. Залевской и В.В. Левицкого, слова *лиса*, *хорек* у казахов и киргизов ассоциируются с понятием голода, а у русских это характерно для слов *волк*, *собака*. Слово *ножницы* в Азии ассоциируется с пастухом, а в европейских странах – с портным или парикмахером. Слово *муравей* у украинцев оценивается неодобрительно, в то время как у русских «муравей» противопоставляется «стрекозе» как символ трудолюбия и оценивается положительно.

Любопытны наблюдения в данной области узбекского писателя Т. Пулатова: «Солнце по-русски – это совсем не то что куёш по-узбекски, и уж совсем не то, что офтоб по-таджикски. В какие отношения – дружелюбные или тягостные – человек вступил с небесным светилом, так их и выразил язык и произнес. Ведь узбек, живущий большую часть года под его палящими лучами, никогда не скажет ласково-уменьшительное «солнышко», так же, как и у русского нет ощущения того, что солнце может быть не только плодонесущим и землеобновляющим, но и враждебным. Зато к луне, этому ночному светилу,

несущему прохладу и умиротворение у узбека совсем иное отношение – все красивое и желанное он называет «луноликим», «луноподобным», да с такой интонацией, что для русского слуха это может показаться по меньшей мере вычурным»¹⁵.

Слово может обозначать национально-специфическую реалию, важную или даже центральную для жизни того или иного народа, и тогда оно может проявлять свою семантическую специфику во всех компонентах значения одновременно – и в денотативном, и в коннотативном, и в эмпирическом, а также в сфере вызываемых им ассоциаций.

К примеру, грузинский журналист Теймураз Мамаладзе так описывает значение грузинского слова «ртвели»:

«Затрудняюсь объяснить русскому читателю, что такое «ртвели». Если очень коротко, то это несколько недель в сентябре – октябре, когда в виноградарских деревнях Грузии собирают и перерабатывают урожай. Одни называют «ртвели» работой, другие – праздником, но, наверно, это и то, и другое. Короче и проще объяснить не могу, боюсь так разольюсь в описаниях, что и о главном, пожалуй, не скажу.

... Как объяснить, что такое грузинская деревня без «ртвели»? Но прежде – как объяснить «ртвели»? Сказать, что это пора сбора винограда, работа от зари до зари, а ночью – костер, отблеск пламени на человеческих лицах, искры в кромешной темени вина, уставшая за день долина выдыхает жар, посеребренные ранним октябрьским снегом горы струят неземной свет на виноградники.

Зачем тебе «ртвели»?.. Тебе нужна прозрачность этой поры, та ее неизбежная ясность, в которой всегда зрим итог пути. Тебе нужен самый воздух этого времени, растворенное в нем чувство... блага жизни, осознание ее смысла и цели. И сильнее, чем когда-либо, ощущаешь, что и сам принадлежишь этой земле.

В эту пору грузинской жизни, когда даль прояснена до конца, когда открыты связи между земным и возвышенным, зримым и потаенным, личным и общинным, скоротечным и вечным, лишь тот несчастлив, кто отстранен от праздника неистовой работы»¹⁶.

§ 2. Своеобразия в лексических соотношениях родственных языков

Особенностью соотношения лексем родственных языков друг с другом является большое число тождественных лексем, которые, однако, наделены в разных языках разными семемами или разными наборами сем в сходных семемах.

Рассматривая соотношение лексем в русском и чешском языках, Й. Влчек выделил следующие возможные соотношения.

1. Тождество лексем при потенциальном тождестве семем: писать – psat совпадают по значению писать письмо, но не совпадают по значению писать картину, что невозможно для чешского.

¹⁵ Пулатов Т. Язык, автор, жизнь. – Лит. обозрение, 1976, № 8, с. 109.

¹⁶ Мамаладзе Т. Несокрушимый Давид? – Лит. газ., 1982, 24 марта.

2. Тождество лексем при различии семем: жизнь – *život*, но живот – *bricho*; биограф – *životopisec*, но *biograf* – кинотеатр; красный – *červený*, но *krasný* – красивый; позор – *hanba*, но *rozor* – внимание.

3. Потенциальное тождество семем при постепенном расхождении лексем.

Толочь – *tlouci*, полоть – *plít*, переворот – *převrat*, пророческий – *prorocký*.

Наличие тождественных лексем, которые несут разные значения, занимают разное место в лексической системе языка, делает соотношения слов в родственных языках еще более причудливыми и запутанными, чем в неродственных.

§ 3. Межъязыковые расхождения в парадигматике эквивалентных семем

Эквивалентность лексем в двуязычных словарях устанавливается по семеме Д1, отражающей один и тот же или очень похожие денотаты реальной действительности. *Молоко* – по-немецки *Milch*; *сахар* – по-английски *sugar*; *вода* – по-французски *eau* и т.д.

Запомнив лексему, соответствующую родному слову в статусе Д1, немецкий учащийся может сказать *рожь стоит в молоке* (на основе нем. *das Korn steht in der Milch*) вместо *рожь колосится*; француз вправе сказать *он весь в воде* (*il est tout en eau*), вместо *он весь в поту* и т.д.

Подобные нарушения сочетаемости неродного языка объясняются тем, что лексемы разных языков, эквивалентные по семеме Д1, оказываются существенно различными по семемам Д2, К1, К2.

Так, немецкие, английские, французские эквиваленты русской лексеме «вода» по Д1 имеют такие семемы Д2, как «пот», «слюна», «слезы», «моча», что несвойственно русской лексеме «вода».

В английском выражении *the milk of human kindness* (букв, молоко человеческой доброты) лексема *milk*, не теряя связи с денотативной семемой «молоко», в то же время обозначает проявление поддержки, питающей душу человека. Это коннотативная семема лексемы *milk*.

Русская лексема «вода» в выражении *в лекции было много воды*, не теряя полностью связи с обозначением текущей и уходящей без следа жидкости, в то же время обозначает поток утомительного многословия, не несущего слушателям информации. Это также коннотативная мотивированная семема К1.

Значит, лексемы, эквивалентные по семеме Д1, как правило, неэквивалентны по семемам Д2 и К1. Частичные совпадения по семемам К1 более распространены, чем по семемам Д2. Это объясняется тем, что семемы К.1 логически мотивированы и могут развиваться по общечеловеческой логике.

Образование семемы Д2 происходит часто по случайным основаниям, которые не имеют общечеловеческого характера, обусловлены узко местной ситуацией, поэтому лексемы чаще оказываются неэквивалентными по семемам Д2.

Для иллюстрации рассмотрим соотношения лексем, обозначающих хлеб,

масло и соль в русском, английском, немецком и французском языках по материалам двуязычных словарей.

Хлеб (продукт питания, выпеченный из муки – Д1) – англ. bread, нем. Brot, франц. pain. Эти лексемы имеют несколько тождественных семем Д2: питание, средства существования, заработок, что проявляется во многих устойчивых выражениях. Рус. насущный хлеб, зарабатывать на хлеб, чужой хлеб горек; англ. daily bread (дневное пропитание), to make one's bread (букв. делать свой хлеб); нем. sein Brot verdienen (заслужить свой хлеб). Рус. отбивать хлеб у кого-нибудь, верный хлеб, легкий хлеб; нем. nach Brot gehen (на хлеб идти, т.е. на заработки), das ist mein Brot (это мой хлеб); франц. avoir du pain cuit sur la planche (иметь печеный хлеб на доске, что значит быть обеспеченным до старости) и др.

Но есть и такие Д2, которые свойственны не всем сопоставляемым языкам. Рус. хлеб имеет Д2 – зерно и Д2 – растущие хлебные злаки (ср.: ссыпают хлеб в элеватор; хлеб полег на корню). Сопоставляемые европейские языки для этой цели пользуются другими лексемами (англ. corn, grain; нем. Korn, Getreide; франц. blé, céréales).

Франц. pain имеет Д2 – кусок, отсутствующую в других сопоставляемых языках (ср.: pain de savon – кусок мыла; pain de sucre – голова сахара).

Мотивированные коннотативные семемы лексем, обозначающих хлеб, примерно одинаковы во всех сопоставляемых языках и могут быть сгруппированы следующим образом.

Компонент скудного питания: рус. перебиваться с хлеба на квас, сидеть на хлебе и воде; нем. bei Wasser und Brot sitzen; англ. bread and cheese (хлеб и сыр).

Элемент жизненных благ: англ. take the bread out of one's month (взять хлеб у кого-нибудь изо рта), to break bread with. smb. (ломать хлеб с кем-либо, т.е. пользоваться гостеприимством кого-либо).

Масло в русском языке имеет широкое значение всякого жирового вещества растительного, животного и минерального происхождения. В европейских языках русской лексеме масло соответствуют по меньшей мере две лексемы, разграничивающие масло коровье и масло растительное или минеральное (жидкое). В англ. butter, oil; в нем. Butter, Öl, во франц. beurre, huile.

Рус. *масло* (сливочное) это семема Д2: в данном случае наиболее распространенный продукт обозначается без уточнений и определений, происходит специализация лексемы.

Другие Д2 этой лексемы: масло – масляные краски (писать маслом), картина, написанная масляными красками, возможны только в русском языке. В языках сопоставления они передаются с помощью лексем oil, Öl, huile.

В свою очередь европейские языки имеют своеобразные Д2 для обозначений сливочного масла. Эти лексемы могут выражать смысл средства обеспеченного, зажиточного, сытого существования, лакомый кусочек, благополучие.

Англ. bread and butter (хлеб и масло) – средства обеспеченного существования; bread buttered on both sides (хлеб, намазанный маслом с обеих сторон) – благополучие, обеспеченность; to know on which side one's bread is buttered (знать, какая сторона хлеба намазана маслом) – не упустить своей выгоды; to have one's bread buttered for life (иметь хлеб с маслом на жизнь) – быть

обеспеченным всю жизнь.

Здесь лексема *butter* имеет семему Д2 – лесть.

Нем. *j-m die Butter vom Brote nehmen* (взять у кого-нибудь масло с хлеба) – лишить кого-либо лакомого кусочка.

Франц. *faire son beurre* (делать свое масло) – извлекать материальные выгоды; *avoir l'assiette au beurre* (иметь тарелку с маслом) – иметь доходную должность.

Коннотативные семемы шире представлены у русской лексемы, поскольку в сопоставляемых языках они распределены между двумя лексемами, называющими разные виды масел, и поэтому К1 в выражениях *подлить масла в огонь* (горючее), *дело идет как по маслу* (смазочное), частично передаются с помощью лексем, обозначающих технические, растительные масла, а в ряде случаев не имеют эквивалентов.

Европейские языки и в семемах К1 развивают идею благополучия, достатка.

Нем. *es ist alles in Butter* (все в масле) – все в порядке; франц. *mettre du beurre dans les epinards* (класть масло в шпинаты) – разбогатеть, разжиться.

В англ. *butter* есть семема К1 – нечто нежное, быстро таящее (*looks as it butter would not melt in his mouth* – выглядит так, что и масло у него во рту не растает, то есть кажется тихоней).

Во франц. *oeil au beurre noir* (глаз наподобие черного масла, то есть подбитый глаз, с синяком под ним) лексема *beurre* несет, на наш взгляд семему К2.

Без осознания таких значительных различий в парадигматике русской лексемы «масло» и соответствующих лексем европейских языков невозможно их правильное использование при переходе с языка на язык.

Соль – англ. *salt*, нем. *Salz*, франц. *sel*. Эти лексем обозначают химические вещества, получающиеся в результате взаимодействия кислот с металлами. В обиходной речи эти лексем обозначают преимущественно поваренную соль, которая является неременной составной частью пищи.

Семемы Д2 в сопоставляемых языках значительно различаются, хотя все они соприкасаются по теме (причастность к питанию).

Англ. семема Д2 – питание. То *earn one's salt* (заслужить свою соль) – не даром есть свой хлеб; *not worth one's salt* (не стоит своей соли) – не стоящий человек; *to eat smb's salt* (есть чью-л. соль) – быть чьим-либо гостем.

В русском языке хлеб-соль – угощение и пожелание хорошего аппетита гостю.

В английском *salt* имеет также семему Д2 – место, где стоит соль на столе, середина стола. Выражение *above (below) the salt* (выше или ниже соли, то есть в начале или на конце стола) обозначает место, где сидит гость, и соответственно социальное положение, которое занимает человек.

Еще одна семема Д2 английской лексемы *salt* – хозяин. *True to one's salt* – верен своему хозяину.

Коннотативные семемы лексем, обозначающих соль, в сопоставляемых языках имеют много общего. Полностью совпадает семема «основная суть, главный интерес»: рус. соль рассказа, соль земли; англ. *the salt of the earth*. Совпадает семема «остроумие»: аттическая соль, нем. *das attische Salz*, франц. *sel attique*.

В коннотативных семемах обозначений соли находим смысл неудобства, неприятности. Рус: насыпать соли кому-либо на хвост и то же в англ. to put salt on smb's tail. В нем.: er liegt tüchtig im Salz (он основательно увяз в соли) – попал в неудобное положение. Интересна английская коннотация: old salt (букв, старая соль) – бывалый моряк. Англ. семема К1 – тающее в воде: I'm not made of salt (я сделан не из соли) – не размокну (ср. рус: не сахарный). Во франц. sel имеет семему К1 по признаку цвета (седина): poivre et sel (букв, перец и соль) – цвет седины.

Как видно из сопоставления, обозначения соли при некоторых различиях имеют сравнительно близкие семантические парадигмы в сопоставляемых языках.

Итак, лексем, эквивалентные по обозначению семем Д1, часто не эквивалентны по семемам Д2. Возможно, хотя и совсем не обязательно, что К1, развивавшаяся в одном языке, появится и в другом. По семемам К2 лексем, эквивалентные по Д1, принципиально не эквивалентны. Состав и устройство семантемы у каждой лексемы свое собственное. Сопоставление семантем эквивалентных по Д1 лексем служит эффективным приемом расчленения семантемы по семемам.

§ 4. Межъязыковые различия в синтагматике семем, эквивалентных по Д1

Различия в парадигматике семем, эквивалентных по Д1, логично приводят к различиям в синтагматике, в линейной сочетаемости лексем, в организации свободных, устойчивых и фразеологических сочетаний с этими лексемами.

Расхождения в сочетаемости начинаются с выражения семемы Д2. Покажем это на примере русских и английских прилагательных, обозначающих размер.

Прилагательное *высокий* по семеме Д1 эквивалентно английскому прилагательному *high*. Эквивалентны и сочетания высокая гора – *high hill*, высокое дерево – *high tree*. Есть отдельные совпадения и в выражении семемы Д2: *высокий полет* – *high flight*, высокая звезда *high star* (образованных метонимически). Гораздо больше несовпадений. Например: *high sea* – открытое море; *high shoulder-blades* – острые лопатки; *high Tory* – крайний тори; *high living* – богатая жизнь; *high noon* – самый полдень; *high words* – гневные слова и др.

И. Влчек приводит пример прилагательного *глухой* и его чешских эквивалентов.

Глухой человек – *hluchý člověk*; глухой переулок – *slepá ulička*, глухое окно – *slepé okno*, глухая стена – *kompaktní zed*, глухой забор – *sounvisle oplocení*, глухой голос – *zastřený hlas*, глухой звук – *tlumený zvuk*, глухой ропот – *skryté reptění*, глухая деревня – *zapadlá vesnice*, глухая ночь – *hluboká noc*, глубокая осень – *pozdní podzim*.

Hluchý klas – пустой колос; *hluchá slova* – пустые слова; *hluchý prostor* – мертвое пространство; *hluchá ulice* – тихая улица, *hluchá noc* – тихая ночь.

Несовпадения сочетаемости лексем, эквивалентных по Д1, в коннотативных семемах проявляются в расхождениях фразеологизмов разных языков. При

наличии некоторых параллелей употребление той или иной из эквивалентных лексем в коннотативном словосочетании всегда национально обусловлено. Приведем некоторые параллели из русского и чешского языков. *Třeba jako soli* (букв, требуется как соль) – очень нужно, русской параллели с лексемой *соль* нет; *Vyt komu jako solí v očích* (быть как соль в глазах) – рус. параллель с другой лексемой: быть как бельмо на глазу; *Dostait se do kaše* (букв, оказаться в каше) – рус. параллель влипнуть в историю; *Vytahat koho z kase* (букв, вытащить из каши) – выручить из неприятного положения, параллели нет.

В чешском не имеют коннотативных семем названия *калач, крендель, квас, кисель, чай* (ср. рус. кренделя выписывать, за семь верст киселя хлебать и т.п.), зато имеются коннотативные семемы названия лапши (*je tenká jako nudle* – тонкая как лапша), кнедлика (*ma knedlik v krku* – букв, у него кнедлик в горле, то есть он плохо говорит), сардельки (*to mi je vuřt* букв, это для меня сарделька, то есть безразлично), окорок (*válet si šunku* – валяться окороком, то есть бездельничать).

Примеры с расхождением в коннотативных семемах эквивалентных лексем могут быть приведены сотнями из двух любых языков.

Изучение синтагматических последовательностей в разных языках выявляет и такие случаи, когда в языках имеются эквивалентные по Д1 лексем, но используются они не параллельно.

Это явление глубоко раскрыл В.Г. Гак, сопоставляя тексты на русском и французском языках. С точки зрения использования эквивалентных/ неэквивалентных по Д1 лексем В.Г. Гак различает три типа объективных предметных отношений.

1. Устойчивые предметные отношения, когда детали ситуации обязательны, общеизвестны и потому могут подразумеваться. Например, ситуация *сесть на стул* является привычной для человека, наличие сидения в этой ситуации обязательно, способ изменения положения тела в этой ситуации также одинаков.

В англ. и франц. языках, изображая такую ситуацию, нередко обходятся без обозначения действия «сесть». Ср. англ. *He took a chair* (букв. он взял стул); так же во франц. – *il a pris une chaise*.

2. Неустойчивые предметные отношения. Например, ситуация «сесть на пол» для европейца необычна и вызвана какими-то случайными причинами. Указание на изменение положения тела в этой ситуации может быть точным только с использованием конкретного глагола. Здесь франц. язык дает эквивалентную лексему: *je m'assois sur le plancher*.

3. Нейтральные предметные отношения. В ситуации «сесть на поезд» реальное действие может не включать компонент «сидения», поэтому обозначение такой черты становится условным и может отсутствовать. Именно так и получается в английском и французском переводах этой фразы: *he took a train; il a pris le train*.

Сопоставляя русский и французский тексты, В.Г. Гак показал, что при обозначении устойчивых предметных отношений французский язык предпочитает более абстрактные, родовые обозначения, а русский пользуется лексемами, несущими конкретные черты ситуации.

Прямо за ними горел костер – франц. *le feu de camp étalt juste derrière eux*

(букв, костер был за ними).

Я вышел, мы поехали, воробей вылетел, ручей вытекал, мы вылезли из палатки – во франц. текстах всюду употреблен один и тот же глагол *sortir* с родовым значением «переместился наружу».

Картина висит, дом стоит, книга лежит – во франц. передаются с помощью абстрактных глаголов пребывания (*находиться*).

В случае неустойчивых предметных отношений и во французском языке появляются конкретные глаголы, эквивалентные русским. В ситуациях «дом горел», «платье горело» и т.п. уже нельзя обойтись глаголом *находиться*.

Таким образом, даже слова, несущие семемы Д1, не всегда эквивалентны в синтагматических последовательностях. Для выяснения всех семантических соотношений между лексемами разных языков необходимы детальные сопоставительно-семантические исследования.

Рекомендуемая литература

Быкова Г.В. Лакуарность как лингвистическое явление. Благовещенск, 1998

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1976.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.

Контрастивная лексикология и лексикография. Воронеж. 2006.

Махонина А.А., Стернина А.А. Англо-русская безэквивалентная лексика. Воронеж, 2006.

Муравьев В.Л. О языковых лакунах. – Иностр. языки в школе, 1971, № 1.

Муравьев В.Л. Лексические лакуны. Владимир, 1975.

Семантическая общность национальных языковых систем. Воронеж, 1986.

Семантическая специфика национальных языковых систем. Коллективная монография. Воронеж, 1985.

Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Научное издание. Воронеж, 2002.

Глава V

СТРУКТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СЛОВАМИ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

§ 1. Из истории изучения структурных отношений в лексике

Группировка слов по частям речи – первое структурное объединение, известное еще в античной грамматике. До возникновения структурной лингвистики в практических описаниях языка были выделены такие группировки слов, как словообразовательные гнезда, синонимические ряды, антонимические пары и некоторые другие мелкие объединения слов. Уделялось внимание и тематическим группировкам.

Во второй половине XIX века профессор Московского университета М.М. Покровский одним из первых семасиологов заметил существование общих закономерностей развития значений у слов, связанных друг с другом по смыслу.

Больших успехов достигло изучение словообразования, которое показало разнообразные и разнонаправленные связи слов по общности корня. Но попыток представить весь словарный состав языка как единую систему до 20-х годов XX века не делалось.

Одна из первых и широко известных работ такого рода принадлежит немецкому лингвисту И. Триру, который выступил с теорией семантических полей. Семантическое поле определяется как тесно связанный по смыслу раздел словаря, элементы которого покрывают все это поле подобно мозаике и как бы делят между собой его участки. Примеры семантических полей: поле обозначений цвета, поле обозначений интеллектуальной деятельности, чувственных восприятий, красоты, разума и т.д.

Каждое поле обладает собственной структурой. На разных исторических этапах развития одного и того же языка, тем более в разных языках, одноименные поля устроены по-разному.

Изменение структуры поля обозначений цвета в разные периоды развития немецкого языка показано на рис. 4.

Концепция И. Трира послужила сильным стимулом для поисков структурных отношений между словами языка. В ходе разработки теории лексико-семантического поля были выдвинуты аргументы критического характера. В частности, многих ученых не удовлетворяли субъективные принципы выделения поля. Было установлено, что не все области словаря имеют четкую организацию, а следовательно, не образуют полей. Однако, полемизируя с теорией поля, ученые искали и находили все новые типы группировок слов.

Слова, входящие в поле, объединяются по архисеме и ряду дифференциальных сем. Внутри поля оказываются синонимы, антонимы, некоторые ассоциативные объединения типа *весна – май, свет, зелень...* Все эти единицы находятся между собой в парадигматических связях.

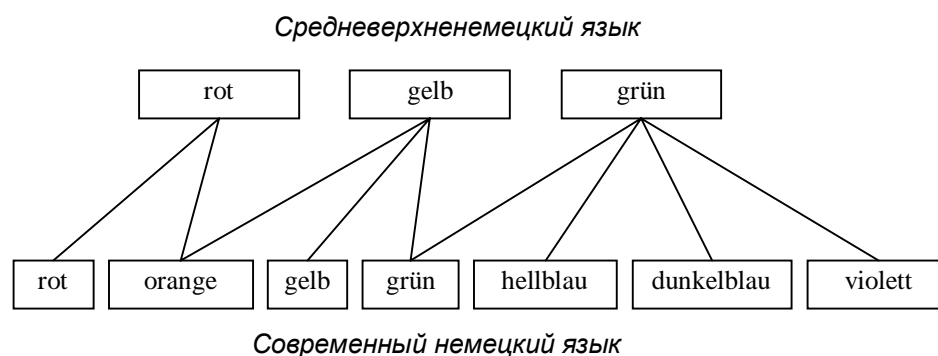


Рис. 4 – Изменение структуры поля обозначений цвета в разные периоды развития немецкого языка

Другой тип связи слов обнаружен в линейной цепи. Немецкий ученый В. Порциг показал, что благодаря постоянной совместной встречаемости в потоке речи образуются ассоциативные ряды типа *уши – слышать, глаза – видеть, вагон – ехать, блондин – волосы* и др.

Современное языкознание изучает уже найденные словообразовательные, парадигматические и синтагматические группировки слов и ищет новые возможные связи между словами в системе языка.

Множественность лексических группировок, их сложное переплетение друг с другом, «размытость» границ порождают у ряда ученых известный скептицизм при обсуждении вопроса о возможности представления всей лексики языка как единой системы. Обычно говорят о произвольности выделения тех или иных тематических групп, полей, объединений слов, о нечеткости их состава и границ, о расхождениях при описании, казалось бы, одной и той же группы слов разными исследователями. Однако фактически все эти особенности описания лексики вытекают не из произвола исследователей, а из устройства самой лексической системы языка и ее подсистем.

Во-первых, многие лексические подсистемы носят открытый характер: одни единицы уходят из данной подсистемы, а другие входят в нее. Этот процесс идет постоянно, и потому границы подсистемы диффузны, неустойчивы.

Во-вторых, помимо основных, ядерных лексем подсистемы в ней всегда есть обширная периферия, в которой находятся лексемы из других лексико-семантических групп (ЛСГ), лишь по отдельным семам включающиеся в исходную. Периферия создает неустойчивость каждой подсистемы, но она же является и основой для связи подсистем в единую систему. Например, для ЛСГ глаголов говорения периферийными будут лексемы «прокряхтеть», «прошипеть», «просопеть», «улыбнуться», «скривиться», «поморщиться» и т.п., но через них ЛСГ говорения связывается с ЛСГ звучания и мимики.

Часто отмечают, что лексика системна только на некоторых участках. Например, Е.М. Верещагин отмечает, что, во-первых, количество слов неисчислимо, а это противоречит понятию системы; во-вторых значения всех слов в языке не выводятся из отношений, существующих в пределах их совокупностей. По мнению Е.М. Верещагина, все высказывания в пользу системности лексики фактически относятся только к терминологическим группам¹⁷.

Близкую точку зрения находим в работе М.Г. Булахова: «Словарный состав, насчитывающий сотни тысяч лексем, менее организован в систему, чем значимые единицы других уровней языка»¹⁸.

Однако специфика лексики как системы, в отличие от искусственных и механических систем, заключается как раз в ее открытости, и это никак не нарушает сам принцип системности, так как всякое слово, раз возникнув, сразу входит в систему лексики, приобретая все системные признаки.

Другая особенность лексической системы состоит в ее сложности, что не позволяет имеющимися у нас сейчас техническими средствами представить модель этой системы, а дает возможность рассмотреть только ее отдельные фрагменты, которые пересекаются, переплетаются, переходят друг в друга. Трудность моделирования системы ни в коем случае не свидетельствует об отсутствии системы. Ведь нет еще и полной картины системной работы мозга, однако это не означает ее отсутствия.

Сложность лексической системы языка объясняет возможность существования разных моделей, различного членения и выделения разных группировок в одном и том же материале.

Направленность ассоциативных связей в лексике может быть самой различной, поэтому модель системы будет зависеть от того, какая плоскость сечения моделируется. Серия моделей может дополнять друг друга (ср. известный принцип дополнительности, выдвинутый Н. Бором применительно к научным исследованиям).

§ 2. Оппозиции слов по семемам и лексемам как основные звенья структурных отношении

Наличие у слова двух сторон – лексемы и семемы при большом разнообразии типов семем и их количества, закрепленных за одной лексемой, обеспечивает значительное число возможных оппозиций, в которые одно слово может вступить с другими. О.М. Соколов систематизировал эти отношения, выделив девять типов.

1. У двух единиц тождественны лексема и семема. Это одно и то же слово

¹⁷ Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1968, с. 59.

¹⁸ Булахов М.Г. Особенности интерференции белорусского и русского языков. – В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972, с. 219; см. также: Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. М, 1965, с. 187.

(снег – снег).

2. У двух слов тождественны лексемы, но есть небольшие различия в семемах, хотя общность части семемы сохраняется. Это – явление многозначности слова (снег – атмосферные осадки и снег – седи́на).

3. У двух единиц тождественны лексемы, но не имеют ничего общего семемы. Это – явление омонимии (ключ – приспособление для открывания замков; ключ – родник, бьющий из-под земли).

4. Лексемы имеют общую часть (пересекаются), семемы тождественны. В этом случае слова представляют собой фонетические или морфологические варианты (ноль и нуль, зал и зала).

5. Лексемы имеют общую и различающуюся части и семемы имеют общие и различающиеся семы. Такой случай трактуется как однокорневая синонимия (верить – веровать, заходить – захаживать).

6. Лексемы имеют общую часть, семемы совершенно различны. Такие слова называются паронимами (аспират – аспирант).

7. Две разные лексемы имеют тождественные семемы (языкознание – лингвистика, флексия-окончание). Данное явление называется омосемией.

8. Две разные лексемы несут семемы, имеющие общую часть (заключить – запереть). Явление называется разнокорневой синонимией.

9. Две разные лексемы выражают две разные семемы. Это любые разные слова: трактор, рассвет, шуруп, сказка и т.п.

*Группировки, получаемые на основе оппозиций
(AI, AII, AIII, BI, BII, BIII, CI, CII, CIII)*

	А	В	С
I	Лексемы одинаковы Семемы одинаковы	Лексемы имеют общую часть Семемы одинаковы	Лексемы различны Семемы одинаковы
II	Лексемы одинаковы Семемы имеют общую часть	Лексемы имеют общую часть Семемы имеют общую часть	Лексемы, различны Семемы имеют общую часть
III	Лексемы одинаковы Семемы различны	Лексемы имеют общую часть Семемы различны	Лексемы различны Семемы различны

§ 3. Структурные группировки слов в современной лексикологии

Рассмотренные виды оппозиций объединяют слова в структурные группировки разного типа. К ним относятся лексико-семантические варианты (ЛСВ) одного слова, синонимические ряды, антонимические пары, родо-видовые группировки слов, лексико-семантические группы, тематические серии, части речи, наконец лексикон языка в целом.

Трудность моделирования лексической парадигматики языка состоит в том,

что все выделяемые в ней группировки не складываются в целое как кирпичики, а проникают друг в друга и перекрещиваются. Это объясняется тем, что одна и та же лексема по разным семемам часто входит в разные парадигматические группировки, а в случаях энантиосемии даже противопоставляется сама себе (ср.: славить – создавать славу и позорить; честить – воздавать честь и бранить).

По разным семемам слово *мост* входит в четыре разные тематические группы.

Мост – сооружение для перехода, переезда через реку, овраг, железнодорожный путь и другие препятствия. Тематическая группа «сооружения».

Мост – положение тела грудью вверх, вытянувшись и изогнувшись, при опоре на руки и на ноги. Тематическая группа «акробатика».

Мост – часть шасси автомобиля. Тематическая группа «детали автомобиля».

Мост – планка с искусственными зубами, укрепленная на коронках других зубов. Тематическая группа «протезы».

Одна и та же лексема с одной и той же семемой в зависимости от того, какая сема принимается за основание сопоставления, может выступать как элемент разных по уровню обобщения ЛСГ.

Например, по разным семам слово *рубанок* может быть отнесено к следующим лексическим группировкам:

Столярные инструменты: рубанок, фуганок, стамеска, пила, топор и т.д.

Инструменты: рубанок, напильник, плоскогубцы, сверло, зубило и т.п.

Артефакты: рубанок, велосипед, зонтик, шляпа, спички и т.п. (предметы, созданные руками человека).

Неодушевленные предметы: рубанок, стол, дом, дерево, цветок, яблоко и т.д.

Материальные тела: рубанок, автомобиль, гора, лошадь, ящерица и т.д.

Группировки, образуемые по самым абстрактным семам, являются наиболее обширными по количеству слов и обладают наименее слабыми межгрупповыми связями.

Одно и то же слово входит в парадигматические, синтагматические и деривационные отношения. Следует принять во внимание и грамматические структурные отношения слова, по которым оно входит в разные грамматические категории слов и лексико-грамматические группировки. Лексический состав языка пронизан разнонаправленными и многомерными связями.

Д.Н. Шмелев считает основными измерениями лексической системы синтагматическое, парадигматическое и деривационное. Примерно такие же измерения выделяет и В.М. Солнцев (синтагматические, парадигматические, иерархические).

В концепции Г.С. Щура лексика организуется по трем принципам: инвариантному, функциональному, ассоциативному. Инвариантные группировки понимаются как синонимические ряды, слова с общим дифференциальным признаком, слова с общим аффиксом. На основе общей функции выделяются грамматические, лексико-грамматические, функционально-семантические, трансформационные и реляционные поля.

Чисто функциональные группы (названия рыб, мебели и т.п.), по мнению

Г.С. Щура, не поля и не системы, они определяются только экстралингвистическими факторами.

А.А. Уфимцева разграничивает в лексической системе номинативно-классификационную парадигматику (синонимические, антонимические отношения) и лексическую сочетаемость как синтагматику.

Перечисление разнообразных моделей многомерной лексической системы языка можно продолжить. Но мы хотели только показать, что несмотря на различие терминов и аспектов рассмотрения все исследователи признают многомерность изучаемого объекта.

Получающиеся в результате вычленения по тем или иным основаниям лексико-семантические группировки неоднородны и по количеству входящих в них слов и по характеру отношений между ними,

Ю.Н. Караулов различает семантические поля (поле «радость»), тематические группы («наименования птиц»), синонимические ряды («храбрый»), ономаσιологические группы (обозначения понятия «время»).

В лексико-семантических группах слова могут находиться в связях по роду и виду (дерево – дуб, ель, осина...), функциональных (жилища – изба, юрта, хата, сакля и т.п.), целого и части (платье – рукав, воротник, пуговица...), ситуативных (магазин – продавец, товар, прилавок...; спорт – команда, стадион...), ассоциативных (корова – молоко, трава, доярка, ферма...).

Насколько неожиданны и своеобразны могут быть группировки слов, показывает анализ индивидуально-авторских построений на основе личных ассоциаций. В произведениях А. Вознесенского обнаружен, например, такой ряд слов и выражений с общим понятием «поэт»: поэт – человек (духовный), искра людская, рояль, раб ремесла, мастер, трибун, гусар, шофер, акушер нового, бабка повивальная, Гойя, партиец, Колумб, негр, антимир, ахиллесово сердце, болотоход, лебедь, пес России, доктор Осень и др.

В.Г. Гак общую модель соотношений лексических группировок представляет следующим образом.

Семантическая структура языка включает совокупность структур четырех уровней: словаря в целом, лексико-семантической группы, отдельного слова и отдельно взятого значения слова.

Структура словаря образуется совокупностью ЛСГ, в основе выделения которых лежат категориальные семы. Структура ЛСГ есть совокупность слов в тех значениях, которые содержат соответствующую категориальную сему. Элементы ЛСГ связаны отношениями включения и соподчиненности, ЛСГ включает гиперонимы и гипонимы, синонимы и антонимы. Семантическая структура слова – это иерархия его значений. Структура отдельного значения – это совокупность формирующих его сем.

Возможны и другие модели лексической парадигматики, например: синонимический ряд – тематический ряд – ЛСГ – часть речи; синонимический ряд – ЛСГ – часть речи – словарный состав; синонимический ряд – ЛСГ – часть речи – тематическая группа и др.

Одной из наиболее наглядных и разработанных моделей лексико-семантического поля является модель Ю.Н. Караулова. Автор разграничивает

четыре основных типа оппозиций между словами по одной из семем.

1. Нулевая оппозиция (лоб – чело, покой – спокойствие).
2. Привативная оппозиция, когда семема одного слова полностью включается в семему другого слова (птица – ворона).
3. Эквиполентная оппозиция, когда в каждой семеме имеются одинаковые семы, но может быть сколько угодно разных (мысль – думать).
4. Дизъюнктивная оппозиция, при которой сопоставляемые семемы не имеют общих сем (слон – гвоздь).

Поле формируется словами, находящимися в оппозициях первых трех типов.

Лексико-семантическое поле имеет ядро, в котором находится имя поля, тесно связанное с ним видовое имя, синонимы и родовое имя, а также антонимы. На периферии поля находятся слова, семемы которых пересекаются с ядерными словами по отдельным семам.

Как выбрать лексему или группу лексем для роли имени поля? Можно в качестве ядерной брать любую лексему, которая интересует исследователя, но результаты анализа, могут быть бедными, если лексема выбрана неудачно, если она не обладает свойствами притяжения большого числа лексем.

Какие же лексеммы обладают такими свойствами, способностью притягивать большое число других лексем? А.М. Кузнецов указывает основные приемы отыскания лексем, перспективных для выявления большого лексико-семантического поля. Эти лексеммы характеризуются следующими признаками:

1. В центре поля они достаточно просты по морфологическому составу.
2. Обладают достаточно широкой сочетаемостью.
3. Обладают психологической важностью.
4. Не являются недавними заимствованиями.
5. Семема такой лексеммы обладает большим числом признаков, она не уже любого другого слова в поле, кроме имени темы поля.

Разные лексико-семантические поля отличаются и по числу своих компонентов и по степени их связанности. Как объясняет Ю.Н. Караулов, это вытекает из процесса формирования словарного состава. За многие тысячи лет семантика слов запечатлела суеверия и заблуждения, отразила дологический этап мышления. Все эти семантические компоненты существуют наряду с современными логическими научными понятиями и образуют с ними причудливое сплетение. Пытаться расчленять лексический состав языка соответственно логической структуре знания бесполезно, так как семантика языка такого расчленения не знает. Если посмотреть, как заполнены лексикой те или иные смысловые области и как лексика в этих областях структурирована, то оказывается, что один ряд областей широк и основательно заполнен, а другой почти пуст.

Выявить все системные связи в лексике какого-либо языка - чрезвычайно трудоемкая задача. По подсчетам Петра Никитича Денисова, индивидуальный запас личности в среднем составляет примерно 30000 слов, общеупотребительная лексика в рамках литературного языка достигает 300 000 единиц. Если учесть специальные термины разных сфер человеческой деятельности, то число единиц окажется больше миллиона.

Внимательно рассмотреть все оппозиции между миллионом элементов – задача на многие годы. Исследователи идут к ее решению с разных сторон: как от глобальных классификаций, рассчитанных на охват всего лексикона языка, так и от микрогрупп – синонимических, родовидовых и т. п.

Юрий Николаевич Караулов приводит одну из возможных классификаций по классам понятий. В ней различаются такие крупные группировки лексики:

вселенная: небо и небесные тела, земля, растения, животные;

человек: человек как живое существо, душа и разум, человек как общественное существо, социальная организация и институты;

человек и вселенная: бытие и разрушение, качества и состояния, пространство, время, движение, изменение, наука и техника.

Наиболее богата словами и хорошо структурирована область человек, за ней область вселенная. Третья область наименее разработана, некоторые ее отделы представлены немногими словами, не образующими друг с другом оппозиций по семам. Тезаурус, по мнению Караулова, дает приближение к целостному представлению лексической подсистемы языка, хотя и является ее усредненной моделью.

Противоположный путь начинается от самых мелких группировок слов, ближайших друг к другу по смыслу, которые образуют синонимы, антонимы, родовидовые группировки, лексико-семантические группы и разряды, наконец, лексико-семантические поля. Поскольку слово по разным семемам входит в разные лексико-семантические группировки и в то же время единая лексема связывает все свои семемы в одну микроструктуру, отношения внутри лексико-семантических разрядов и полей оказываются пересекающимися и разнонаправленными. В лексиконе человека группы слов и слова переплетаются как причудливо запутанные нити, и потому выделить из их переплетений отдельные участки можно только условно в целях их исследования.

Обычно выделяют такие лексические группировки как синонимические ряды, лексико-семантические группы и поля, тематические группы, ассоциативные группировки. Не всегда между разными типами группировок можно провести четкую грань.

Синонимический ряд – группа синонимов, объединенных вокруг одного главного члена – доминанты. Доминанта имеет наиболее общее значение, обычно может заменять другие синонимы в определенных контекстах, в стилистическом отношении является обычно межстилевой единицей. Ср.: *популярный*, знаменитый, известный, прославленный; вежливый, тактичный, учтивый, корректный; *спорить*, возражать, перечить, противоречить и др.

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) – большая группа слов одной части речи, объединенных одним словом – идентификатором или устойчивым словосочетанием, значение которого полностью входит в значение остальных слов группы и которое может заменять остальные слова в некоторых контекстах. Например: молоток, лопата, грабли, клещи, пила, плоскогубцы, отвертка – «инструменты»; врач, медсестра, фельдшер, ординатор, акушерка, главврач и др. – «медицинские работники»;

Лексико-семантическое поле (ЛСП) – совокупность большого числа слов

одной или нескольких частей речи, объединяемых общим понятием (семой). Именем поля является, как правило, словосочетание искусственного характера (то есть не устойчивое), называющее понятие, объединяющее слова в поле. Например: машина, троллейбус, велосипед, пароход, корабль, такси, трамвай, поезд и др. – «средства транспорта»; год, час, минута, секунда, месяц, неделя, миг, лето, зима, век и др. – «наименования периодов времени».

Лексико-семантические группы и поля имеют свое ядро и периферию. Ядро образуют варианты, синонимы, антонимы, родовидовые группы, объединенные нулевыми и привативными оппозициями. На периферии поля находятся слова, связанные эквиполентными оппозициями с ядерными лексемами. Так, в поле *жить* – *умирать* через связь *жить* – *дышать* можно перейти и к более отдаленным лексемам: *устать*, *отдыхать*, *спать*, *бодрствовать* и нек. др.

Разные лексико-семантические поля отличаются и по числу своих компонентов и по количеству и качеству оппозиций между ними. Важнее всего для человека он сам и его ближайшее окружение, поэтому наиболее детально разработаны лексико-семантические поля родственных отношений, профессий, занятий, пищи, бытовых действий. Менее важные и менее знакомые сферы, не составляющие предмета широкого повседневного обсуждения (вселенная, микромир), не имеют больших и хорошо структурированных лексико-семантических полей.

Слова, входящие в одну ЛСГ или одно лексико-семантическое поле, переживают общие семантические процессы: денотативные семемы развивают однотипные коннотации, переживают тождественные метонимические и метафорические сдвиги. Например, названия наук обычно используются и как названия учебников по данной науке (купи «Физику», куда завалилась моя «Грамматика»?); названия растений используются и как названия плодов этого растения (ср. груша, вишня, слива, рябина и некоторые другие); название части тела употребляется и для обозначения заболевания этой части тела (дайте таблетки от головы, мучается от живота, температура от горла); название животного обозначает и мясо этого животного (ешьте курицу, суп из кролика).

Лексико-семантическая группа переживает два типа семантических процессов: центробежные и центростремительные.

Центробежные семантические процессы приводят к развитию у членов данной ЛСГ значений, свойственных другим ЛСГ. Например, глаголы смотрения развивают значение глаголов наблюдения (За нами не смотрят; Смотреть за детьми). Они могут входить в ЛСГ объектного участия в зрительном восприятии (Звездная ночь смотрела в окно мансарды). Прослеживаются переходы глаголов зрительного восприятия в ЛСГ мыслительного процесса, мнения, понимания, чтения, внутреннего зрения, внимания, знания, эмоционального состояния, переживания отношения и др.

Центростремительные семантические процессы приводят к развитию у членов иных ЛСГ значений, свойственных глаголам зрительного восприятия. Например, значение «смотреть» получают на разных условиях глаголы *вылупить*, *выпучить*, *выкатить*, *вперить*, *окинуть*, *сверлить*, *пронзить*, *косить глазами* и др.

Существуют еще тематические и ассоциативные группы или поля.

Тематическая группа (поле) – совокупность большого числа слов, устойчивых словосочетаний и фразеологизмов, единиц разных частей речи, относящихся к одной сфере действительности. Например, тематические группы (поля) – спорт, сельское хозяйство, промышленность, быт, искусство и др.

Ассоциативная группа (поле) – совокупность слов, связанных в сознании человека с каким-либо словом-стимулом. В ассоциативную группу могут входить слова разных частей речи. Например: *пустыня* – песок, жара, верблюд, колючки, пить, желтая, барханы; *молоко* – белое, корова, доярка, доить, сено, пастись, пакет, бутылка; *цветок* – ромашка, роза, букет, тюльпан, запах, красивые.

Ассоциации делятся на синтагматические (образующие со стимулом словосочетание) и парадигматические (имеющие какую-либо общность со стимулом, но не образующие с ним словосочетаний). К примеру, *идти – пешком* (синтагматическая ассоциация), *идти – бежать* (парадигматическая ассоциация).

Ассоциативные группы не входят в иерархическую организацию лексических группировок (тематическая группа – ЛСП - ЛСГ – синонимический ряд), они пронизывают во всех направлениях всю лексическую систему языка. Ассоциации играют большую роль в запоминании лексики, в организации её упорядоченного хранения в памяти, а также в художественном тексте, где во многом обуславливают подтекст произведения.

О реальном существовании лексико-семантических полей и групп в системе языка свидетельствует совпадение данных, полученных в результате применения предметно-тематической и экспериментально-ассоциативной методики.

Для анализа была взята группа слов, обозначающих природные объекты, понимаемая как предметно-тематическая. По частотному словарю выбраны наиболее употребительные слова данной группы: земля, вода, лес, поле, берег, цветы, воздух, небо, птица, река, природа, дерево. Дополнительно в список введено малочастотное слово *береза*, так как оно обладает ярким ассоциативным спектром.

С выделенными словами проведен свободный ассоциативный эксперимент. В нем участвовало 227 информаторов-школьников, студентов, служащих. Результаты показали, что частотно-тематическая группировка лексики поддерживается ассоциативными связями слов; исследуемые слова образуют ассоциативное поле с тремя микрогруппами, которое схематически изображено на рис. 5 (стрелки показывают направление ассоциативных связей).

Приведенные в схеме слова составляют ядро ЛСГ «объекты природы» (за исключением слова *береза*, не обладающего высокой частотностью). Интересно, что в ядро вошло слово *самолет*, прочно ассоциированное в современном сознании носителей русского языка с микрогруппой «небо».

Центральным словом группы оказалось слово *природа*, наиболее общее по значению, хотя и, не самое частотное. Это свидетельствует о ведущей роли семантики в организации лексики. Данная группировка существует как целое благодаря семантике, частотности и ассоциативным связям образующих ее слов.

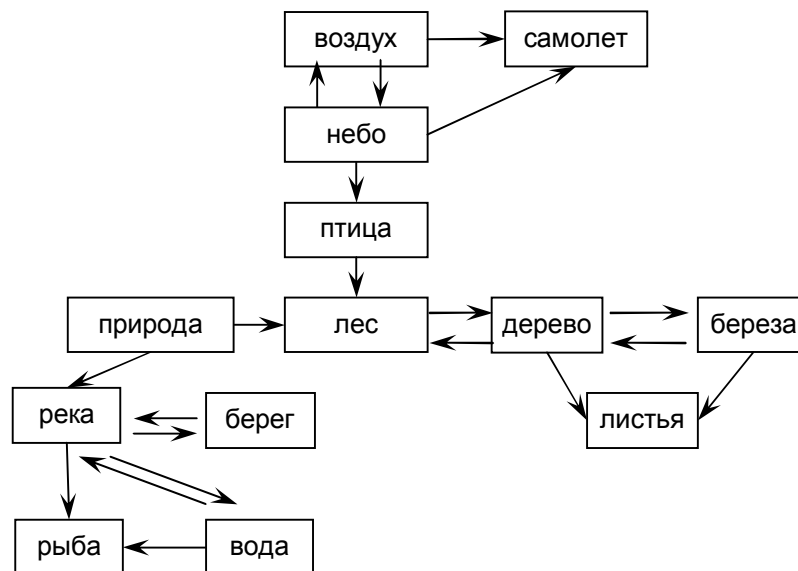


Рис. 5 – Ассоциативное поле *природа*

§ 4. Структура словаря по данным нейрофизиологии и психолингвистики

Ценнейшие данные для понимания связей в лексической системе языка дает психолингвистика. Т.В. Ахутиной рассмотрены шесть гипотез организации лексической памяти человека, известные в науке, и приведены данные наблюдений над людьми с афазией, служащие для оценки гипотезы.

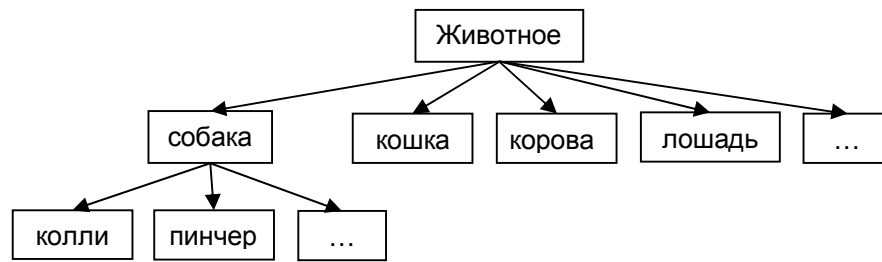
1-ая гипотеза: словарь организован в соответствии с частотой следования слов друг за другом в текстах. Эта гипотеза подтверждается только для порядкового счета, перечисления месяцев, дней недели и состава фразеологизмов. Действительно, при ряде нарушений речи эти последовательности выявляют свою сохранность, воспроизводятся целиком, что говорит об их совместном хранении в памяти.

2-ая гипотеза: слова связаны в лексической памяти на основе отнесенности к общему референту, по сонаименованию. Например: собака, колли, Лэсси, животное – один комплекс, поскольку все эти слова относятся к одной собаке.

Данные экспериментов показывают, что такие комплексы действительно существуют в памяти маленького ребенка в период освоения языка. В памяти взрослого человека такие группировки не занимают ведущего места.

3-ья гипотеза: память на слова существует как картинная галерея мысленных образов, каждый из которых ассоциируется со словом. Эта гипотеза подтверждается одной из форм речевой патологии, при которой больные теряют способность нарисовать известные предметы (например, рисуют «курицу» в виде четырех ног) и соответственно не могут назвать эти предметы.

4-ая гипотеза: слова организованы как, иерархическое дерево с ветвями для каждого слова (гипотеза ветвления).



5-ая гипотеза (семантических маркеров): лексикон – это каталог с детальными перекрестными отсылками. Семантические маркеры могут быть организованы ветвлением, но не только им.

По данным психолингвистики четвертая и пятая гипотезы не противоречат друг другу, пятая вбирает в себя четвертую. Пятая гипотеза обладает большей объяснительной силой, чем четвертая. Она предсказывает большое число нарушений речи, выявляющихся в афазиях.

Например, ею объясняются первичные нарушения словаря у больных с височными поражениями мозга – такие, как замены слов по одному или нескольким семантическим признакам (слабый вместо ленивый; сильный вместо прекрасный и т.п.). Эта гипотеза объясняет явления «отчуждения смысла слов». Больной правильно относит слово к предметной области, осознает его грамматические категории, но утрачивает связь лексемы с конкретной семемой (гигиена – что-то медицинское; футбол – что-то физкультурное, а что?).

6-ая (предикатная) гипотеза: лексикон – часть механизма образования предложений (собака – это животное, ладонь имеет пальцы и т.д.). Эта гипотеза находит подтверждение при заболеваниях височных и теменно-височных областей мозга. При таких заболеваниях из речи больного выпадают предлоги, местоимения, в тяжелых случаях – глаголы.

Таким образом, все шесть гипотез в той или иной мере отражают реально существующие связи лексических единиц в лексической памяти человека, однако они не равноценны.

Наиболее характерны для лексических единиц связи, разъясняемые пятой гипотезой. Прочие связи имеют место на небольших участках словаря или в разные периоды освоения языка.

По данным афазии, слово предстает перед исследователем как моторная энграмма, акустическая энграмма, зрительная энграмма. Распад слова создает целые серии афазий: моторные, сенсорные, акустико-мнестические.

Данные для понимания устройства лексикона можно извлечь из анализа ошибок в употреблении слов, например в смешении паронимов. Это явление показывает, что слова в памяти человека соединяются по звуковому сходству. Выбирая слово, говорящий может по ошибке произнести похожее, близкое по звучанию слово вместо нужного (социалистический – социальный), обычно слово той же части речи, что свидетельствует о корреляциях слов внутри одной части речи.

Наличие многосторонних связей в лексической системе языка обеспечивает возможность перехода от одного слова к любому другому слову через несколько посредствующих. Ю.Н. Караулов считает, что таких переходов будет не более

шести.

Общую системность лексики в языковом сознании носителей языка подтверждают и нейрофизиологические исследования.

Так, при предъявлении испытуемым единиц одного семантического поля (береза, ель, сосна, пихта) удалось обнаружить общие черты в характере перестроек электрической активности ансамблей нервных клеток, то есть выявить общность смыслового кода у всех единиц данного поля. В дальнейших экспериментах был выявлен код слова *деревья* и установлено, что если испытуемым предложить обобщить одним понятием ряд слов, обозначающих предметы или явления одного класса (например, названия деревьев), то смысловой код слова *деревья* обнаруживается в мозгу пациента непосредственно после предъявления ему первых названий конкретных деревьев, задолго до произнесения им слова *деревья*. Таким образом, слова одного семантического класса в сознании человека имплицитно подведены под родовой термин и в таком виде хранятся в мозговых нейронных ансамблях.

Экспериментально установлено также, что в сознании человека слова могут входить не только в ядро, но и в периферию семантической группы, то есть быть более или менее тесно связанными с родовым понятием. Так, в опытах Е.Д. Хомской было показано, что в условиях выработки у испытуемых специфической болевой сосудистой реакции на тестовое слово *здание* (предъявление этого слова вызывало сужение сосудов головы и руки) аналогичную реакцию вызывают слова *строение, дом, помещение*, в то время как слова *музей, театр, крыша, крыльцо* вызывают отчетливую неспецифическую ориентировочную реакцию (сужение сосудов руки и расширение сосудов головы), что указывает на их большую семантическую удаленность от тестового слова при сохранении явной семантической связи.

В опытах О.С. Виноградова и Н.Э. Эйслер было показано, что выработка у испытуемых условной болевой сосудистой реакции на два слова какого-либо класса (например, *репа* и *свекла*) ведет к тому, что болевая реакция начинает прочно вызываться всеми остальными словами класса «овощи».

Таким образом, системные связи слов имеют прочную нейрофизиологическую основу в сознании человека.

Изучая механизмы формирования лексической системы человека, А.А. Залевская указала, что основное место в лексиконе человека занимают существительные. Это согласуется с предположением о первичности существительного как в онтогенезе, так и в филогенезе. Ребенок раньше овладевает существительными, чем глаголами. Первичные зрительные и пространственные образы – это образы предметов. Знания значений слова (лексические пресуппозиции) накапливаются путем глубинных предикаций. В дальнейшем при употреблении слова эти знания не развертываются без необходимости.

В итоге изучения психолингвистических механизмов хранения многомерной лексической системы в мозгу человека А.А. Залевская пришла к представлению модели лексической системы языка в виде голограммы – объемного многомерного построения, которое принципиально не может быть изображено на

плоскости, а должно проектироваться только в пространстве.

Эта модель объясняет и феномен одновременности использования большой информации в мыслительной деятельности человека.

Такую многомерность и информативность слова в свое время интуитивно хорошо почувствовал и описал В.Г. Короленко: «Слово не механический звук. Оно живой низший организм речи. Кроме его прямого значения, в нем есть еще какие-то второстепенные живые подголоски, точно щупальца у животного. Этими щупальцами оно точно хватается в мозгу за другие смежные слова, срастается с ними, вырастает органически в молодой мозг, пускает в нем крепкие корни»¹⁹.

В каждом языке связи между словами – свои собственные, присущие только этому языку. Нет двух языков (или диалектов) с тождественной лексической системой. Даже при наличии одинаково звучащих лексем родственные языки и диалекты соединяют их с семантикой и группируют между собой по-разному. Поэтому говорят, что по структуре одного языка нельзя изучать структуру другого так же, как по плану одного города нельзя осматривать другой город.

В то же время различия между лексическими системами языков не исключают сходств в устройстве отдельных участков и фрагментов этих систем.

§ 5. Лексико-фразеологическая система языка

Традиционно в лексикологии принято говорить о лексико-семантической системе (или подсистеме) языка. Фразеологи говорят о фразеологической подсистеме языка.

Однако исследования лексики и фразеологии дают богатый материал, свидетельствующий в пользу того, что в языке лексика и фразеология объединяются в единое интегральное образование – *лексико-фразеологическую систему языка*.

В ряде работ изучались соотношения между семантикой глагола и глагольно-именного фразеосочетания. Фразеосочетание, безусловно, содержит больше сем, чем глагол. В частности, глагол не всегда может выразить нужную аспектуальную и фазовую характеристики действия, некоторые глаголы имеют не все формы лица и залога. И тогда недостающие семы восполняет глагольно-именное фразеосочетание. Ср. *победить и одержать победу, приютить и дать приют, надругаться и подвергнуться надругательству*.

Десятки русских лексико-фразеологических гнезд, состоящих из глагола и глагольно-именных фразеосочетаний, включающих существительное, образованное от этого глагола, исследовала О.В. Наролина. Среди них, например, надеяться – иметь надежду, появилась надежда, терять надежду, вселять надежду, лишать надежды; обстреливать – вести обстрел, держать под обстрелом, попасть под обстрел, подвергаться обстрелу, подвергнуться обстрелу; атаковать – идти в атаку, ходить в атаку, бросаться в атаку, вести в атаку, подвергнуться атаке, отразить атаку, отбить атаку и др.

¹⁹ Русские писатели о языке. М., 1954, с. 310.

Число фразеосочетаний в подобном лексико-фразеологическом поле может намного превосходить число лексем.

Н.Ф. Щукина установила, что в лексико-фразеологическом поле субъектно-модальных состояний в английском языке находятся 6 глагольных лексем believe, hope, wonder, doubt, hesitate, trust и 121 фразеосочетание типа to have (a) believe, to revive hope, to instill doubts, to chase the doubts away, to become hesitant, to be full of wonder, to win trust, to lose trust и мн. др.

В русском языке это поле также содержит 6 глагольных лексем: верить, надеяться, сомневаться, колебаться, недоумевать, доверять, а фразеосочетаний содержит ещё больше – 184, например, вселять веру, терять веру, терзаться сомнениями, предаваться сомнениям, испытывать колебания, ввести в недоумение, заслуживать доверия, потерять доверие и мн. др.

Исследование Мохаммеда Джамилы Садуна показало, что наименования лиц по особенностям речевой деятельности в русском языке представляют собой лексико-фразеологическое поле, которое интегрирует лексические и фразеологические единицы в рамках единой полевой структуры.

Фразеологические единицы были выявлены в 8 микрополях из 22:

1. Наименования лиц по степени общительности:
артельный парень, артельный человек, весь наружу, глядеть бирюком, глядеть волком, глядеть сентябрем, клещами не вытянешь, слова не добиться, смотрит букой.
2. Наименования лиц по грубости в общении:
базарная баба.
3. Наименования лиц по способности к речи, умению говорить:
боек на язык, боек на слова, бойкий на язык, владеет словом, говорит как пишет, за словом в карман не лезет, за словом в карман не ходит, лыка не вяжет, с языком, язык плохо подвешен, язык (хорошо/неплохо) подвешен (привешен).
4. Наименования лиц по болтливости:
бесструнная балалайка, ботало коровье, воздержанный на язык, деревянное ботало, длинный язык, долгий язык, слаб на язык, словесное недержание, язык без костей.
5. Наименования лиц по насмешливости, дерзости речи:
дерзкий язык, злой язык, злой на язык, купоросное масло, острый на язык.
6. Наименования лиц по склонности к сплетням:
злые языки, досужие языки, праздные языки, пустые языки, язык заплетается.
7. Наименования лиц по лъстивости и искренности речи: Сахар Медович.
8. Наименования лиц по характеру распространения информации:
ходячая газета.

Фразеологические единицы выступают как интегральная составная часть исследуемого ЛФП, они составляют 16% состава поля, но относятся

преимущественно к зонам дальней и крайней периферии в силу невысокой частотности и функциональных ограничений – преимущественно стилистического, темпорального и территориального характера.

Исследование М.В. Шамановой показало, что в русском языке в границах обширного поля "Общение" выделяются микрополя, имеющие разный объем и включающие разное количество лексических и фразеологических единиц.

12 микрополей включают в себя только лексические единицы: "Сказать, произнести мимоходом, вскользь", "Знакомство", "Обращение с напутствием", "Виды текста", "Рассказ", "Ободрение", "Предсказание", "Угроза", "Поздравление", "Пожелание", "Грубость". В русском языке эти концепты фразеологизмами не обозначены.

62 микрополя включают в себя и лексические и фразеологические единицы: "Общие наименования процесса общения", "Прекращение общения", "Побуждение к участию в разговоре", "Вступление в разговор", "Вмешательство в разговор", "Прекращение разговора", "Уклонение от разговора, умолчание", "Пустые разговоры", "Пересуды, сплетни", "Распространение клеветы", "Сообщение недостоверной информации", "Сказать лишнее", "Говорить ерунду, вздор", "Сказать что-либо неожиданное, неуместное, не то, что следовало", "Обмен мнениями", "Урегулирование разногласий", "Приветствие", "Прощание", "Запрос информации", "Ответ на вопрос", "Выражение несогласия", "Побуждение принять точку зрения", "Доказательство", "Приказание", "Запрещение", "Обещание", "Сообщение, извещение, уведомление", "Широкое распространение информации", "Обращение с просьбой", "Надоедливые разговоры", "Обращение с напоминанием", "Обращение с призывом", "Обращение с просьбой прийти, подойти, откликнуться", "Критика", "Объяснение, толкование", "Побуждение к деятельности", "Ссора, брань, конфликт", "Упрек", "Насмешка, подшучивание", "Слушание", "Выражение недовольства, жалоба", "Похвала", "Характеристика речи по громкости, тону, выговору, произношению", "Характеристика речи по ее непрерывности", "Ремарки в речи", "Откровенное выражение мысли, идеи", "Повтор одного и того же", "Полнота и характер изложения", "Замечание", "Вежливое, приятное обращение", "Выражение благодарности", "Высказывание, выражение", "Извинение", "Остроловие", "Обращение на "ты", "Утешение". Соотношение лексических и фразеологических единиц в этих микрополях различается весьма существенно.

В поле "Общение" представлены и денотаты, объективированные только фразеологическими единицами - отдельные лексемы для обозначения данного смысла отсутствуют: *обращаться друг к другу на "вы", испытывать желание говорить, рассуждать на излюбленную тему; вступать в беседу в соответствии с желаниями, настроениями, взглядами кого-либо; воспринимать суть разговора по-разному; напрасно говорить о чем-либо, доказывать что-либо впустую; метко, остроумно сказать о недостатках кого-нибудь, чего-нибудь; сделать верное, точное замечание, переключить разговор на высокие темы; отсутствие умения, решимости сказать что-либо; принудить кого-либо к ответу; ошеломить кого-либо неожиданным высказыванием; вести утомительные, неинтересные разговоры; говорить что-либо самому себе, принудить кого-либо к*

молчанию; касаться в разговоре того, что неприятно собеседнику.

Исследование подтвердило существование лексико-фразеологического поля «Общение» как структурной единицы русской языковой системы.

Исследование Л.И. Зиминой немецкой и русской фразеологии также показало, что лексика и фразеология дополняют друг друга как совокупности номинативных языковых средств: в ряде случаев немецкие единицы, безэквивалентные как фразеологизмы, имеют лексическое соответствие в русском языке. К примеру:

jmdn. etwas zu Gesicht bekommen/kriegen (букв. получить к лицу кого-л., что-л.) – столкнуться с кем-либо;

das Maul /das Mäulchen [schon] nach etwas spitzen (букв. складывать рот/мордочку) – облизываться (в предвкушении чего-л. вкусного);

ein Auge/ein paar Augen voll Schlaf nehmen (букв. взять полный глаз/полные глаза сна) – вздремнуть;

[für jmdn.] ein Schlag ins Gesicht sein (букв. [для кого-л.] удар по лицу (в лицо; ‘что-л. является бесцеремонностью, оскорблением, обидой для кого-л.’) – пощечина, оскорбление;

jmdm. nach dem Mund[e] reden (букв. говорить согласно чьему-л. рту) – поддакивать, подпевать, льстить кому-л.;

jmdm. sein Ohr leihen (букв. одолжить кому-л. свое ухо) – слушать, послушаться кого-л.;

ein Satz heiße/rote Ohren (букв. пара горячих/красных ушей) – оплеухи, затрешины;

sich etwas unter die Nase schieben/stecken (букв. толкнуть/сунуть что-л. под нос) – сунуть что-либо в рот, поесть;

sich [nicht] die Ohren brechen (букв. [не] ломать себе уши) – [не] очень напрягаться при трудной, изнурительной работе;

Сопоставительный анализ номинативных единиц русского и английского языков также показал, что лексическим средствам одного языка в другом языке могут соответствовать фразеологические средства и наоборот.

В русском поле «СМЕХ» М.С. Ротова обнаружила в парцелле *улыбаться* фразеосочетания *сиять улыбкой*, *сиять до ушей*; в парцелле *смеяться* были выявлены только лексемы – *усмехаться*, *ухмыляться* и др., а в парцелле *хохотать* оказалась целая серия фразеосочетаний – *разразиться смехом*, *валяться со смеху*, *зайтись от смеха*, *умирать со смеху*, *держаться за живот от смеху*, *кататься по полу со смеху* и нек. др. Интересно, что в английском языке эквивалентных фразеосочетаний не обнаружилось.

Совершенно очевидно, что создание фразеосочетаний расширяет возможности языковой вербализации концептов, а также номинативные возможности языка. Фразеосочетания входят в одну систему с лексемами, преобразуя лексическую систему языка в лексико-фразеологическую.

В номинативной системе языка представлены как лексические, так и фразеологические средства номинации, причем во многих тематических сферах наблюдается достаточно отчетливое распределение этих средств – одни денотаты называются преимущественно словами, другие – словами и фразеологическими

единицами, а некоторые – преимущественно или исключительно фразеологическими единицами. Соответственно выделяются номинативные группировки, включающие только лексические единицы, включающие лексические и фразеологические единицы, а также группировки, включающие преимущественно фразеологические единицы.

Интересной теоретической проблемой для современного языкознания представляется проблема выявления причин того, почему в языке есть концепты и денотаты, имеющие только лексическую или только фразеологическую объективацию.

Рекомендуемая литература

Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности. – Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1971, т. XXX, вып. 6.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Ахутина Т.В. Организация словаря человека по данным афазии.– В кн.: Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1981.

Бехтерева Н.М. Новое в изучении мозга человека. – Коммунист, М., 1975, № 13.

Быстрова Л.В., Капатрук Н.Д., Левицкий В.В. К вопросу о принципах и методах выделения лексико-семантической группы слов. – Филол. науки, 1980, № 6.

Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке. – В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.

Долгих Н.Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии. – Филол. науки, 1973, № 1.

Залевская А.А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека. – В кн.: Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1981.

Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. Воронеж, 1990.

Залевская А.А. Слово. Текст. Избранные труды. М., 2005.

Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля. – Филол. науки, 1972, № 1.

Караулов Ю.Н. Словарь как компонент описания языков. – В кн.: Принципы описания языков мира. М., 1976.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.

Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1978.

Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии (фразеосочетания в системе языка). Воронеж, 1989.

Косовский Б.И. Общее языкознание. Минск, 1974.

Кузнецов А.М. Структурно-семантические параметры в лексике. М., 1980.

Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.

Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Воронеж, 1984.

Полевые структуры в системе языка. Коллективная монография. Воронеж, 1989.

Соколов О.М. Энантиосемия в кругу смежных явлений. – Филол. науки, 1980, № 6

Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971.

Слюсарева Н.А. Проблемы лингвистической семантики. – Вопр. языкознания, 1973, № 5.

Степанова М.Д. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968.

Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

Щур Г.С. О понятии «парадигма» в лексике. – В кн.: Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. М., 1974.

Глава VI

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ И ОПИСАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКО- ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

§ 1. Направления в исследовании лексической системы языка

Изучение лексической системы языка предполагает последовательное выделение и изучение отдельных ее элементов и соответственно отношений между ними. Одним аспектом исследования является выделение лексической группировки. В рамках выделенной лексической группировки рассматриваются оппозиции ее компонентов и строится иерархическая модель группы на основе интегральных и дифференциальных сем, обнаруженных в семемах, входящих в поле лексем. При этом детального анализа состава семем не производится.

Другой аспект состоит в том, что осуществляется анализ семантической структуры отдельных лексем, определяется количество семем в лексеме, тип многозначности. Выясняются отношения между семемами, определяется принадлежность слова в разных его значениях к разным лексико-семантическим группировкам, выявляется направление семантических процессов в данной группировке.

Третьим аспектом является изучение семантической структуры отдельных семем, выявление состава сем в семемах и их иерархии, что в конечном счете дает возможность с высокой точностью выявить синонимические, антонимические и иерархические отношения слов в пределах изучаемой группировки, а также установить тенденции и потенции ее развития.

В зависимости от конкретной задачи внимание исследователя будет сосредоточено на одном из этих аспектов. Лингвист может строить модель ЛСГ, заниматься выяснением оппозиций между семемами одной лексемы, выявлять семантическую структуру конкретной семемы, но в любом случае необходимо держать в поле зрения и все прочие аспекты изучения лексической группировки, так как все они взаимосвязаны и взаимообусловлены. Построить модель лексической группировки без семемного и семного анализа нельзя, так как система образуется конкретными семемами с вполне определенной семантической структурой. Фундаментальное исследование лексики как системы требует изучения всех аспектов и элементов лексических группировок в их взаимосвязи.

В настоящее время лингвистами разработан и используется целый ряд методов и приемов исследования единиц лексической системы.

Не ставя целью рассмотреть все или даже большинство имеющихся методик,

остановимся лишь на тех приемах, которые, на наш взгляд, наиболее эффективны, не очень трудоемки и могут быть использованы начинающим исследователем. Описывая существующие методики, мы имеем в виду дать представление об их сильных и слабых сторонах, о предпочтительной сфере их использования. Там, где это возможно, предлагаются упрощенные алгоритмы, которые облегчат пользование тем или иным приемом, а также указываются доступные для широкого круга читателей работы, где тот или иной прием применен наиболее последовательно и где представлены образцы его использования.

§ 2. Понятия метод, методика, прием

Применительно к лингвистическим исследованиям термины *метод*, *методика*, *прием* используются широко и в значительной степени взаимозаменяемо.

Необходимо определить их содержание. При этом, на наш взгляд, целесообразно рассмотреть содержание этих понятий с учетом сложившейся практики лингвистических исследований. Обратимся к данным толковых словарей.

В словаре С.И. Ожегова *метод*, *методика*, *прием* определяются следующим образом:

Метод

1. Способ теоретического исследования или практического осуществления чего-либо. Новые м. в медицине. Поточный м. производства.
2. Способ действовать, поступать каким-н. образом, прием (в 3 значениях). М. воздействия, внушения.

Прием

1. см. принять
2. Отдельное действие, движение. Выпить стакан в два приема.
3. Способ осуществления чего-н. Художественный прием. Прием борьбы. Запрещенный прием (в спорте: также в перен. значн.)
4. Собрание приглашенных (обычно у официальных лиц).

Методика

1. Наука о методах преподавания
2. Совокупность методов обучения чему-н., практического исполнения чего-н., М.опытов.

Таким образом, слово *метод* используется одновременно в двух значениях: общенаучном – *способ теоретического исследования* и конкретном – *способ осуществления чего-л.*, то есть как синоним термина *прием*.

При этом принято разграничивать:

общенаучные методы – используемые всеми науками: методы наблюдения,

обобщения, моделирования, количественные методы, экспериментальные методы; *методы частных наук* – используемые только одной наукой или группой родственных наук. Например, лингвистическое интервьюирование, полевая стратификация, лингвокогнитивный метод, ассоциативный эксперимент;

методы исследования отдельных явлений частной науки, например, в лингвистике – фонологический анализ, компонентный анализ, когнитивная интерпретация.

Один и тот же метод может выступать в нескольких разновидностях (вариантах), которые в практике лингвистических исследований тоже принято называть методами. Например, метод эксперимента может выступать в виде метода ассоциативного эксперимента, который, в свою очередь, может выступать в виде свободного ассоциативного эксперимента и направленного ассоциативного эксперимента. Все это будут методы исследования. Метод компонентного анализа выступает в виде метода классического оппозитивного компонентного анализа и метода Бендикса и т.д.

В научной практике используется и термин *методика*, который также оказывается многозначным.

С одной стороны, *методика* – это *совокупность методов и приемов для эффективного исследования какого-либо явления*. С другой стороны методикой очень часто называют отдельные *частные методы* или *приемы* исследования – например, часто говорят – методика Бендикса, методика компонентного анализа и т.д. *Методика* в последнем случае – синоним частного метода и приема.

Таким образом, с одной стороны, в лингвистической практике *метод* – это более широкое понятие, чем прием, с другой стороны, эти термины *метод* и *прием* могут выступать как синонимы. *Методика* – более широкое понятие, чем *метод* и *прием*, но оно тоже может выступать как синоним терминов *метод* и *прием*.

В связи с этим нам представляется непринципиальным вести дискуссии о том, относится ли конкретный использованный исследователем метод к *методам*, *методикам* или *приемам* исследования. В конкретном исследовании то, как будет классифицирован использованный метод, не имеет значения – это ничего не меняет в результатах конкретного научного исследования, важно лишь, чтобы использованные методы (методики, приемы) были в исследовании описаны. Мы полагаем, что исключительно термин *методы* целесообразно использовать применительно к общенаучным методам, все остальные могут в равной степени называться *методами*, *методиками* и *приемами*. Например: «в исследовании использовались общенаучные методы наблюдения, обобщения, моделирования, эксперимента, количественные методы, а также методы (приемы, методики) свободного и направленного ассоциативного эксперимента, лингвистического интервьюирования, когнитивной интерпретации, компонентного анализа, полевой стратификации».

При описании использованных в лингвистическом исследовании частных методов важно, чтобы эти методы назывались максимально конкретно, в форме конкретных используемых вариантов того или иного метода – например, не *метод ассоциативного эксперимента*, а *методы направленного и свободного*

ассоциативного эксперимента и т.д., чтобы можно было максимально полно представить используемый метод.

Методы различаются по цели их использования и выступают при этом в различных видах (формах, разновидностях, вариантах).

По цели различают:

- методы исследования,
- методы верификации результатов исследования,
- методы интерпретации результатов исследования.

Основные методы *интерпретации результатов*:

- метод семантической интерпретации,
- метод когнитивной интерпретации.

Основными методами *верификации результатов* исследования является

- подтверждающий опрос по полученным результатам,
- повтор исследования на другом материале,
- повтор исследования с использованием других методов.

Основными методами *лингвистического исследования* являются:

- лингвистическое наблюдение,
- лингвистический эксперимент,
- лингвистическое интервьюирование (опрос).

Лингвистическое наблюдение – это анализ и фиксация языкового материала в его функционировании – в устной или письменной речи. Наблюдение всегда сопровождается фиксацией наблюдаемых явлений – на бумаге, на специальных карточках, в магнитофонной форме, в компьютерной форме или в форме видеозаписи. В дальнейшем лингвист обобщает зафиксированные в результате наблюдения данные и делает выводы о значениях и функциях зафиксированных в ходе наблюдения языковых единиц.

Важно разграничить термины *лингвистический эксперимент* и *опрос*, которые часто не разграничиваются.

Ср. в словаре С.И.Ожегова:

Эксперимент - то же, что опыт 3.

Опыт. 3. воспроизведение чего-либо экспериментальным путем, создание чего-либо нового с определенной целью, с целью исследования, испытания

Таким образом, эксперимент – это *создание* некоторого явления с целью его исследования. В лингвистике эксперимент предполагает создание участниками эксперимента некоторого речевого произведения.

Например, словесная ассоциативная реакция, минисочинение (создание

текста), завершение некоторой фразы и под. – это эксперимент. Участники эксперимента – испытуемые.

Ответы на вопросы исследователя (письменные, устные; открытые, закрытые) – это опрос. Участники опроса – информанты или респонденты.

Метод *лингвистического интервьюирования* заключается в том, что информантам – носителям языка задаются прямые вопросы лингвистического характера об интересующих исследователя языковых единицах или явлениях языка. Лингвистическое интервьюирование есть непосредственное обращение к языковому сознанию носителей языка с прямыми вопросами типа: *Что значит эта единица? Можно ли так сказать? Как бы вы сказали, если...? Различаются ли эти единицы по значению? Совпадают ли эти единицы по значению?* и т.д. Затем исследователь обобщает и статистически обрабатывает результаты.

Лингвистическое интервьюирование осуществляется в форме опроса – устного или письменного, ответы респондентов (информантов) фиксируются исследователем либо самими респондентами в письменной форме.

Таким образом, лингвистическое интервьюирование – это метод, а опрос – это форма, в которой метод реализуется.

Примеры экспериментальных методов:

- Свободный ассоциативный эксперимент
- Направленный ассоциативный эксперимент
- Метод субъективной дефиниции
- Методика Бендикса
- Экспликативный эксперимент
- Методика описания чувственного образа, вызываемого словом
- Метод письменной рефлексии (минисочинений) по концепту
- Завершение экспериментальной фразы

Примеры методов лингвистического интервьюирования:

- Прямое лингвистическое интервьюирование
- Метод семантической дифференциации (метод выявления дифференциальных признаков языковой единицы)
- Метод оценочной дифференциации

Конкретные методы рассматриваются ниже.

§ 3. Методы выделения лексических группировок

3.1. Идеографическая классификация лексики

Возможна идеографическая классификация лексики, основанная на логико-понятийных основаниях. Исследователь логически расчленяет действительность, классифицируя при этом лексические единицы соответственно вычленимым им сферам (участкам) действительности. Таким образом выделяются лексико-

семантические поля разного объема.

Отправным пунктом в выделении лексических группировок данным способом может служить идеографическая классификация лексики Ю.Н. Караулова, осуществленная им на основе идеографических словарей и собственных исследований.

Весь словарь Ю.Н. Караулов делит на две сферы: «Вселенная» и «Человек», где в разделе «Вселенная» различаются области: небо и небесные тела, земля, растительный мир, животный мир. В разделе «Человек» – человек как живое существо; душа и разум; человек как общественное существо; социальная организация и институты.

Несколько семантических областей отражают отношения «Вселенная и человек». Здесь различаются а priori, наука и техника. В области а priori различаются поля: бытие, разрушение, качество и состояние, пространство и время, движение и изменение. В области «Наука и техника» основное место принадлежит терминологическим системам разных наук и отраслей техники. Каждая область, каждое семантическое поле членятся на более узкие лексико-семантические группировки, например рельеф, вода, металлы, птицы, четвероногие, партии, классы, эмоции и т.д.

Наибольшую трудность составляют для изучения те лексические группы, которые Ю.Н. Караулов поместил в область а priori. Они отражают наиболее абстрактные понятия, в большинстве своем недостаточно дифференцированные в языковом сознании массового носителя языка.

Удобство идеографической классификации лексики – в ее универсальности, независимости от конкретного языка, что обеспечивает ей достаточную логическую стройность, непротиворечивость. Однако здесь же заключен и ее недостаток – отсутствие опоры на конкретный язык, национальную языковую систему, что может привести к искажению представлений о реальной лексической системе конкретного языка.

3.2. Метод цепочки словарных дефиниций

Лексико-семантическая группа слов может быть с достаточной точностью выделена на основе словарных дефиниций. Для этого берется слово, принадлежащее к интересующей исследователя группе, и из большого толкового словаря выписываются слова, используемые для толкования его значения. Затем выписанные слова подвергаются той же самой процедуре и т.д. Процедура продолжается до тех пор, пока в списке не перестанут появляться новые слова. Поскольку предполагается, что лексико-семантическая группа является замкнутой системой, в принципе безразлично, с какого слова начинать выделение.

Достоинство данного приема – в его опоре на зафиксированные в словаре, апробированные факты языка, независимость процедуры от субъективизма исследователя в выборе материала. Однако недостаток этого приема в том, что в словарных дефинициях далеко не всегда выдерживается принцип толкования значения слова через синоним или родовой термин, который является основой приема. На практике в связи с этим строго придерживаться данной методики ока-

зывается не всегда возможным. Толковые словари часто дают «зеркальные» дефиниции типа *курица* – самка петуха, *петух* – самец курицы, и список слов, если начать с «неудачного» члена лексико-семантической группы, может быстро иссякнуть. Так, если начать выделение ЛСГ «деятели изобразительного искусства» со слова *художник*, то, пользуясь словарем С.И. Ожегова, мы получим: *художник* – то же, что живописец; *живописец* – художник, занимающийся живописью. Перейти к слову, скажем, скульптор, от этих дефиниций невозможно.

Увеличение абстрактности слов, используемых для толкования исследуемых единиц, также нарушает нормальный ход процедуры. К примеру, если начать выделение ЛСГ «произведения живописи» со слова *набросок*, то словарь С.И. Ожегова даст следующую цепочку:

1. набросок – предварительный, в общих чертах сделанный *рисунок*;
2. рисунок – нарисованное *изображение*, *воспроизведение* чего-л.;
3. изображение – см. изобразить;
4. изобразить – воспроизвести в *художественном образе*;
5. воспроизведение – в словаре отсутствует;
6. воспроизвести – возобновить, *повторить в копии*, воссоздать.

Процедура зашла в тупик: дефиниции слов *изобразить*, *воспроизвести* не могут быть использованы далее, так как не содержат конкретных семантических эквивалентов интересующих нас слов. Если же мы все-таки прибегнем к дальнейшему анализу таких единиц, как «художественный образ», «копия», то это уже будет процедура компонентного анализа значения слов *изобразить*, *воспроизвести*, а не процедура определения состава ЛСГ, и единиц этой группы мы в итоге не получим. Легко заметить, что рассматриваемая цепочка не дала возможности «выйти» на слова *эскиз*, *этюд*, *картина* и т.д.

Учитывая сказанное, при определении состава ЛСГ методом цепочки словарных дефиниций целесообразно не ограничиваться одним словом, а, предварительно определив при помощи словаря синонимов некоторый, хотя бы минимальный набор единиц данной ЛСГ, построить цепочку дефиниций для каждого из них, а затем обобщить результаты, взаимно перепроверяя все единицы по словарю. Такой перекрестный способ более надежен и практичен, так как если одна из цепочек и зайдет в тупик, то это не будет сигналом исчерпанности данной ЛСГ, другие цепочки будут продолжать выявлять новые единицы.

Часто также идут по пути предварительного определения состава ЛСГ по логико-понятийному принципу, в основе которого лежит субъективный языковой опыт исследователя. Это позволяет получить на первом этапе гораздо больший список слов, чем при использовании синонимического словаря, так как далеко не все слова имеют синонимы и не все отражены в синонимических словарях. Рекомендуется также использовать не один словарь, а несколько имеющихся словарей.

Полученный список берется за основу и проверяется по толковым словарям. При этом не запрещается подключать интуицию исследователя на любом этапе проверки и вносить в список новые слова, подсказанные только что выписанными

из словаря. Эти слова также подлежат проверке по толковому словарю. Комбинация логико-понятийного подхода к выделению ЛСГ с методом цепочки словарных дефиниций дает в целом хорошие результаты. Субъективизм логико-понятийного подхода снижается проверкой всех слов по словарям: если в дефиниции интуитивно внесенного слова нет единиц данной ЛСГ и если это слово само не используется в качестве дефиниции других единиц данной ЛСГ, оно из состава ЛСГ исключается.

Укажем, что многие ЛСГ, единицы которых нечетко противопоставлены друг другу (противостоят по многим признакам сразу), не могут быть выделены рассматриваемым приемом, например, названия плодов, животных, небесных тел, растений и др.

3.3. Определение состава ЛСГ методом ступенчатой идентификации

Метод ступенчатой идентификации был разработан проф. Э.В. Кузнецовой и основывается на методике компонентного анализа и использовании словарных дефиниций. В толковании значения в толковом словаре выделяется идентификатор – элемент толкования, имеющий наиболее общее значение, и конкретизаторы, отражающие дифференциальные семантические признаки значения. Например: *купить* = приобрести + за деньги; *достать* = приобрести + с трудом; *заработать* = приобрести + работа и т.д. Конкретизаторов может быть несколько. Так, слово *ножницы* толкуется в словаре следующим образом: «инструмент для резания, стрижки, из двух крест-накрест соединенных лезвий с ручками в виде колец». В этом толковании выделяется идентификатор – «инструмент» и несколько конкретизаторов – «для резания», «для стрижки», «из двух лезвий», «соединенных крест-накрест», «с ручками в виде колец».

Прием ступенчатой идентификации позволяет определить лексико-семантическую группу слов как совокупность единиц, толкуемых через одни и те же слова-идентификаторы. Прием ступенчатой идентификации предполагает несколько ступеней, каждая из которых последовательно сужает круг идентификаторов, выявляя в конечном итоге наиболее общие, отражающие родовую сему ЛСГ, ее архисему. Единицы, в семантике которых выделены идентификаторы группы, будут входить в данную ЛСГ, а идентификаторы разных ступеней будут отражать иерархическую организацию данной ЛСГ.

При анализе глаголов обладания в русском языке Э.В. Кузнецова по толковым словарям выявила 94 единицы с общим значением обладания. На основании данных 4-томного словаря русского языка был установлен круг идентификаторов этих глаголов (идентификаторы I ступени), который включал 28 слов. Наиболее частотными из них оказались: *братъ*, *получить*, *приобрести*, *купить*, *собрать*, *принять*, *добыть*, *достать*, *набрать*. Следующий шаг заключается уже в установлении круга идентификаторов для слов-идентификаторов I ступени. Полученные на этом этапе идентификаторы II ступени включают 14 глаголов: *добыть*, *получить*, *нанять*, *взять*, *приобрести*, *принять*, *достать*, *схватить*, *набрать*, *обзавестись*, *украсть*, *присвоить*, *стать* и *делать*. Наиболее частотны из них – *взять*, *приобрести*, *принять*. Третий шаг –

установление слов-идентификаторов для идентификаторов II степени. Идентификаторами III степени, кроме глаголов; *стать, сделать*, оказались 5 глаголов: *достать, взять, принять, приобрести, присвоить*. Самыми частотными из них являются *взять* и *принять*, выступающие как взаимные идентификаторы. Идентификаторами IV степени оказались глаголы *взять, принять, стать, сделать*. В свою очередь, эти глаголы могут быть идентифицированы глаголом *взять (брать)*, который, таким образом, является стержневым элементом ЛСГ глаголов обладания.

Лексико-семантическая группа «орудия» объединяется общей архисемой «орудие». При анализе словарных толкований единиц данной группы идентификатор «орудие» выступает как наиболее частотный наряду с идентификаторами «инструмент» и «приспособление». В ряде случаев идентификатор присутствует непосредственно в словарном толковании (лопата – орудие...); идентификатор может выявляться на первой степени идентификации (кусачки – щипцы – инструмент...), «на второй степени (кирка – мотыга – лопата – орудие...), на третьей степени (скребка – скребок – совок – лопата – лопатка – орудие...) и т.д.

Слова, в значениях которых удалось по завершении процедуры выявить общий идентификатор, будут входить в данную ЛСГ, другие останутся за ее пределами.

При осуществлении ступенчатой идентификации предполагается обращение к разным словарям.

Достоинства метода ступенчатой идентификации – в определенной формализации процедуры анализа, в использовании приемов компонентного анализа. Данный метод позволяет не только определить состав ЛСГ, но и выявить основные семантические компоненты слов этой группы, выявить иерархию единиц в группе. К недостаткам следует отнести необходимость предварительного интуитивного выделения данной группы слов, без чего невозможно приступить к самой процедуре ступенчатой идентификации. Опора на словарные дефиниции также не всегда оказывается плодотворной из-за многочисленных непоследовательностей в толкованиях слов в словарях. Так, методом ступенчатой идентификации с использованием имеющихся словарей русского языка не удалось выявить идентификатор «орудие» в таких названиях орудий, как грабли, кочерга, лом, скалка, швабра, ухват, веник и др.

3.4. Направленный ассоциативный эксперимент

Данная методика является экспериментальной. В варианте А.П. Клименко она заключается в следующем. Для определения состава ЛСГ «погода» информантам письменно предъявляется задание в виде буклета, на каждой странице которого дается одна пара слов, например:

жара
.....
туман

Предлагается на место точек вписать одно слово-реакцию. Всего за сеанс предлагается 50–60 пар слов. Учитывается наиболее частотный ответ, который дали информанты, и в следующем цикле из двух первоначальных слов и полученного третьего образуются новые пары. Так, наиболее частотной реакцией на пару *жара – туман* в проведенном эксперименте оказалось слово *дождь*. Для следующего цикла были составлены пары *жара – дождь*, *туман – дождь*; наиболее частотными реакциями оказались слова *погода*, *сырость*. Вновь составляются все возможные пары: *жара – погода*, *туман – погода*, *дождь – погода*, *жара – сырость* и т.д., и эти пары вновь предъявляются информантам. Примерно на 5–10-м циклах эксперимента новые слова среди наиболее частотных реакций перестают появляться, и отбор единиц данной микросистемы завершен. Так, исходная пара *жара – туман* пополнилась в первом цикле словом *дождь*, во втором цикле – словами *сырость*, *погода*, в третьем – *туча*, *холод*, в четвертом – *облако*, *снег*, *гроза*, *ветер*, в пятом – *мороз*, *молния*, *гром*, *вьюга*, *метель*, *слякоть*, *буря*, *суховея*, *засуха*, в шестом – *ливень*, *град*, *ураган*, *шторм*, *непогода*, в седьмом – *иней*, *ненастье*, в восьмом – *роса*.

Достоинство данного приема в его объективности, психологической достоверности результатов, в том, что он позволяет выявить ядро и периферию лексико-семантической группы (периферию составляют менее частотные реакции). К недостаткам относится трудоемкость, а также известная зависимость результата от выбора исходной пары слов – неудачно выбранная пара слов может раньше времени замкнуть ЛСГ, не исчерпав всех ее членов; поэтому приходится параллельно проводить два – три эксперимента с различными парами слов. По свидетельству А.П. Клименко, наилучшие результаты дает такая исходная пара слов, в которой слова, оставаясь в пределах интересующей исследователя лексико-семантической группы, относятся к максимально различным семантическим разрядам, например *гроза – туман*, *радуга – жара*, а не, скажем, *облако – туча*, *дождь – град*, *ветер – буря* и т.д.

3.5. Ареальные сопоставления

Оригинальная методика выявления семантических полей разработана Н.И. Толстым. Рассматривая обозначения близких понятий в родственных диалектах, Н.И. Толстой учитывает междиалектную амплитуду колебаний некоторой опорной лексемы.

В родственных языках и диалектах одна и та же лексема зачастую употребляется в близких, но различающихся значениях. Если учесть все эти значения, а затем и их обозначения в тех же сопоставляемых языках, то получится некоторое семантическое поле.

Например, славянские языки используют лексемы (время), (год), (час), (погода), (дождь)²⁰ таким образом, что они переименовываются по значениям.

²⁰ Скобки указывают на то, что здесь имеются в виду не русские слова, а условные обозначения славянских лексем в отвлечении от фактических фонетических и графических

Например, в сербохорватском (година) обозначает дождь, в болгарском (время) обозначает погоду, в украинском (час) обозначает время, в польском (година) обозначает час и т.д. Эти междиалектные семантические сцепления позволяют выделить общеславянское поле: время, год, час, погода, дождь.

Другой прием Н.И. Толстого состоит в том, что сопоставляются серии словообразовательных рядов, как они представлены в родственных языках и диалектах.

Например, к русскому ряду *береза* (дерево), *березняк* (лес из берез) другие славянские языки добавляют смыслы «палка из березы» (блр. бярэзіна, укр. березина, польск. brzezina); «ветки, хворост березы» польск. brzeźniak, чеш. březi, březoví) и т.п.

Формируется идеальное семантическое поле: название дерева, название леса таких деревьев, название палки, название хвороста из веток такого дерева. Полученное поле может послужить исходным семантическим образцом для сопоставления языков.

Применение методики ареальных сопоставлений ограничено сферой сопоставительных семантических исследований родственных языков и диалектов.

3.6. Дистрибутивный метод выявления лексических полей

Дистрибутивный метод строится на учете совместной встречаемости слов в тексте. По наличию совместной встречаемости можно судить о принадлежности слов к одной тематической группе, а по количеству случаев совместной встречаемости можно судить о степени связанности слов по смыслу. Важно определить тот интервал текста, в котором производится анализ совместной встречаемости слов.

Таким интервалом может быть словосочетание, часть предложения, предложение, абзац.

Например, изучались абзацы текстов по теме «отчеты о судебных заседаниях» объемом в четыре миллиона слов. В результате получены тематические поля: *денежные отношения, болезни, катастрофы, топография, правопорядок, названия месяцев, морских перевозок*. Поля *катастроф* и *болезней* тесно связаны между собой, так же как поля *месяцев* и *денежных отношений*. Это объясняется тематикой текстов.

Совместная встречаемость лексем в текстах свидетельствует об их семантической общности, о том, что они входят в одну широкую лексическую группировку. Так, исследование Хамида Акрама Азиза показало, что наиболее частотные полнзначные слова русского языка, входящие предположительно в лексическое ядро русского языка, демонстрируют высокую совместную встречаемость в текстах.

Для 42 наиболее частотных полнзначных слов русского языка зафиксирована следующая совместная встречаемость (на материале современной русской художественной литературы на текстах общим объемом более 1 млн.

словоупотреблений):

– Ладно вам, – примиряюще поднял **руки** Андрюшка. – Дарья, спрячь шашку, у нас к тебе **дело** (Донцова “Вынос дела”, с. 6)

За поворотом показался скрытый деревьями **дом**. **Большой**, из красного огнеупорного кирпича, он производил самое положительное впечатление (Донцова “Вынос дела”, с. 29)

Свет луны бил прямо в комнату, и **человек**, пришедший ночью тайком в библиотеку и зачем-то опустившийся на ковер (Донцова “Вынос дела”, с. 55).

Маленькая дверь, обитая дешевым дерматином, распахнулась, и на пороге возникла Раиса (Донцова “Вынос дела”, с. 60).

Раиса дернула носом, потом еще и внезапно в **голос** зарыдала, уронив на столешницу всклокоченную **голову** (Донцова “Вынос дела”, с. 61).

Приехал к **матери**, устроился на **работу** водителем грузовика. (Константинов Бандитский Петербург, с. 13).

По **словам** работников милиции, «из-под Горбатого» только за 1991-1992 годы было посажено пять преступных группировок общей численностью более 25 **человек** (Константинов. Бандитский Петербург, с. 23).

Может быть, просто захотел чуть-чуть приоткрыть завесу над некоторыми теневыми сторонами **жизни** нашего **города** (Константинов. Бандитский Петербург, с. 23).

Иной раз едешь в метро **на дело**, на машине-то нельзя – на **лица** смотришь, и редко-редко хорошее **лицо** мелькнет (Константинов. Бандитский Петербург, с. 31).

У него каждое **слово** – как кинжал, как **говорит** мой приятель Миша Монастырский (Константинов. Бандитский Петербург, с. 34)

Совместную встречаемость также продемонстрировали следующие лексемы:

молодая, свет	город, думать	слово, голова
город, дом	человек, свет	хотеть, хорошо
голова, глаза	глаза, двери	человек, свет
глаза, быстро	человек, вместе	дом, жить
стол, большой	хорошо, жить	сила, хорошо
жизнь, много	дом, маленький	бог, руки
хотеть, работа	дверь, дом	дело, хорошо
лицо, глаза	свет, дверь	руки, мать

дверь, молодой	друг, человек	день, черный
голова, дверь	молодой, маленький	мать, молодой
дверь, лицо	дом, народ	голова, дверь
старый, рука	сила, говорить	дело, ночь
жить, жизнь	стол, голова	сила, быстро
день, лицо	работа, быстро	хотеть, народ
лицо, дом	город, много	говорить, маленький
много, говорить	город, мать	новый, сила
война, хорошо	жить, война	много, маленький
лицо, жизнь	слово, говорить	много, народ
хорошо, вместе	дом, мать	маленький, рука
народ, лицо	работа, быстро	глаза, народ
вместе, ночь	дверь, старый	
вода, белый	хотеть, мать	

Обращает на себя внимание наличие совместной встречаемости в одном фрагменте текста трех и четырех слов лексического ядра:

ночь, руки, слова, дверь	маленький, голова, лицо
много, жить, хорошо	голос, дом, черный
дом, вода, голос	много, город, думать
ночь, день, новый	лицо, глаза, друг
жизнь, друзья, слово	думать, слова, старый, друзья
быстро, стол, белый, дверь	слово, дело, старый
думать, голова, дом	человек, слова, хорошо, свет
человек, думать, дело	молодой человек, белый
говорить, есть, маленький	день, белый, вместе

Данные результаты свидетельствуют о реальности существования лексического ядра русского языка как структурной группировки лексикона.

Дистрибутивный анализ позволяет обнаруживать все существенные парадигматические связи слов (синонимические, антонимические, родовидовые), особенно – синтагматические. При помощи данного метода наиболее эффективно выделяются тематические поля лексики.

§ 4. Методы выделения семем многозначного слова

4.1. Дистрибутивный анализ семантемы

Дистрибутивный анализ состоит в учете синтаксической сочетаемости изучаемого слова. Он исходит из предположения о том, что разная синтаксическая сочетаемость отражает различия в семемах данной лексемы. Эта методика последовательно применена на большом материале Ю.Д. Апресяном.

Рассматривается сочетаемость глаголов с зависимыми падежными и предложно-падежными формами. Изменение сочетаемости свидетельствует о выражении новой семемы в глаголе. При обследовании глагола учитываются все зависимые формы, то есть при сходстве сочетаемости глагола, например, с

винительным объекта, учитывается возможность его сочетаемости с той или иной падежной формой второго объекта, третьего объекта действия и т.д. Например, после винительного падежа идет дательный: высказывать мнение другу, ставить единицу студенту; после винительного падежа идет форма «В + вин. пад.»: – вводить лекарство в организм, вписывать квадрат в окружность; после винительного падежа идет творительный: набивать подушки пухом, снабжать фабрику сырьем и т.д.

Исследование Ю.Д. Апресяна показало, что дистрибутивный анализ помогает разграничению важнейших, наиболее древних классов семем, но в ряде случаев различие семем глаголов никак не проявляется в синтаксической сочетаемости. В частности, значения интеллектуальных, эмоциональных состояний и переживаний очень часто ничем, кроме семантики словосочетания, не отграничиваются от значений конкретных физических действий. Ср.: гореть ненавистью и гореть огнем, пылать гневом и пылать жаром, сверкать юмором и сверкать золотом и т.п.

4.2. Решетка Вейтча

И.В. Арнольд предложила для описания семемной структуры многозначного слова следующий прием. Выделяются четыре типа оппозиций, которые могут быть между семемами многозначного слова.

1. Переносное значение – непереносное.
2. Грамматически связанное – грамматически свободное.
3. Эмоционально нейтральное – эмоционально окрашенное
4. Принадлежащее к тому же грамматическому разряду, что и основное, – принадлежащее к другому грамматическому разряду.

Семемы могут входить во все четыре типа оппозиций и относиться соответственно к восьми типам.

Решетка Вейтча (по имени математика, использовавшего ее в математических исследованиях) показывает тип семемы, а также общую схему возможного в дальнейшем семантического развития слова.

Каждая семема анализируемого слова помещается в решетке в клетку, адекватно отражающую место данной семемы в системе оппозиций, противопоставляющих ее другим семемам слова.

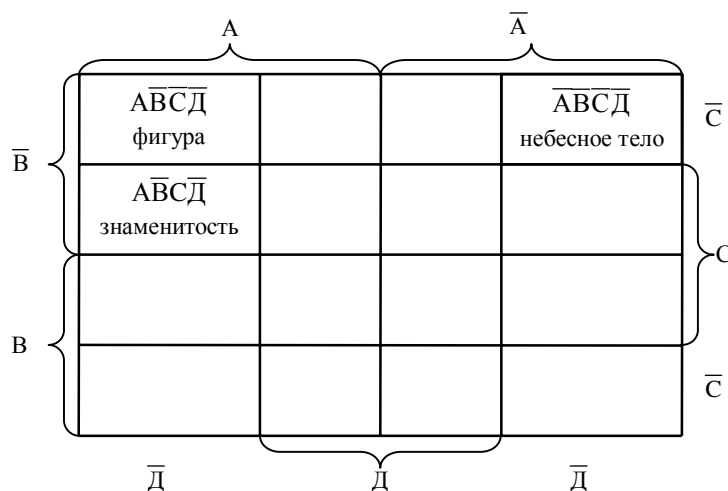
Для характеристики семем используются следующие условные знаки:

А – семема с переносным значением, \bar{A} – без переносного значения. В – грамматически связанная семема, \bar{B} – несвязанная семема. С – эмоционально окрашенная семема, \bar{C} – эмоционально нейтральная семема. Д – семема отличается по грамматическому разряду от основной, \bar{D} – семема не отличается по разряду от основной.

Например, лексема «звезда» имеет три семемы: 1) небесное тело, видимое невооруженным глазом в форме светящейся точки на небе; 2) знаменитость, о деятеле науки, искусства, спортсмене; 3) геометрическая фигура, а также предмет с треугольными выступами по окружности.

Зашифрованные семемы помещаем в соответствующие клетки таблицы:

Решетка Вейтча



Некоторые переносные значения могут оказаться в одной клетке. Свободные клетки показывают возможности развития значения, не использованные данным словом.

Решетка Вейтча доступно и наглядно представляет семантическую структуру слова и демонстрирует его семантические потенции. Однако число оппозиций недостаточно для анализа всех возможных случаев семантической иерархии, а оппозиция по грамматической связанности является слабой, так как она существенна для очень небольшого числа семем. Решетка Вейтча – хороший способ представления результатов семемного анализа, но недостаточна как эффективный прием самого анализа.

4.3. Свободный ассоциативный эксперимент

При определении иерархии семем в семантике слова может оказать помощь свободный ассоциативный эксперимент, который проводится следующим образом. Группе информантов предлагается записать на листе бумаги порядковые номера, например, от 1 до 100, соответствующие будущим ответам. Затем исследователь вслух, с промежутками в 5–7 секунд, зачитывает слова, на которые информанты должны отвечать письменно первым пришедшим в голову словом. За один сеанс предъявляется не более 100 слов, через каждые 20 слов делается перерыв для отдыха. Первые пять слов подбираются особо, они предназначены для ввода информантов в эксперимент и впоследствии не обрабатываются и не учитываются.

При обработке результатов полученные реакции располагаются по убывающей частоте и формируется ассоциативное поле стимула, которое имеет следующий вид²¹:

Комната – светлая 46, большая 30, квартира 16, дом 8, уютная 7, моя, окно,

²¹ Пример (с некоторыми сокращениями) взят из «Словаря ассоциативных норм русского языка» (М., 1977).

просторная, темная 5, диван, жилье, зал, маленькая, отдельная, помещение, пустая, тепло, тесная, хорошая 3, аудитория, дверь, квадрат, класс, кровать, мебель, угловая, узкая, четыре стены, чистая, чисто, чья?, большой зал, будет ваша..., холодная, четырехместная, четыре угла, широкая, шифер, яркая 1 = 232 (то есть опрошено 232 информанта, цифры после слов указывают на количество информантов, давших данную ассоциацию).

Свободный ассоциативный эксперимент хорошо выявляет относительную яркость разных семем по отношению друг к другу в составе семантемы.

В работах А.А. Залевской яркость значения определяется путем подсчета типичных для того или иного значения ассоциатов. Значение (планета) определяется по таким, например, ассоциатам к слову *земля*, как круглая, планета, вертится.

Ассоциаты к значению «суша»: суша, трава, дорога, поле, небо.

Ассоциаты, выявляющие значение «почва»: плодородная, кормилица, вспаханная, черноземная, сырая, жирная.

Ассоциаты к значению «родина»: родная, Родина, люди, матушка, народ, наша, предков, мать, отцов.

Сложив эти ассоциаты по группам, подсчитывают их общее количество. В результате определяется процентное соотношение семем по яркости в структуре семантемы.

При изучении методом свободного ассоциативного эксперимента слова *земля* выявилось наряду с зафиксированными в словарях тремя значениями, первыми по порядку (а именно, планета, суша, почва), еще одно очень весомое значение: Родина. Словари же дают это значение как устаревшее, переносное, высокое и отводят ему 5-е или 6-е место в семантеме.

Сравним словарную и экспериментальную статьи словаря:

В словаре С.И. Ожегова	По результатам ассоциативного эксперимента
<i>Земля</i>	<i>Земля</i>
1. Планета	1. Планета (44,5%)
2. Суша	2. Почва (28%)
3. Почва	3. Родина, страна (12%)
4. Вещество, входящее в состав земной коры	4. Суша (11%)
5. Страна, государство (высок.)	5. Прочие (4,5%)
6. Территория с угодьями, в чьем-либо пользовании	

Ассоциативный эксперимент объективно выделяет те семемы, которые в данное время бытования языка являются наиболее яркими, релевантными для слова.

В экспериментах Р.В. Алимпиевой методом ассоциативных рядов выявлялись группы семем лексемы «красный». Таких групп оказалось три: 1. яркий, большой, торжественный (*революция, солнце*); 2. радостный, веселый, теплый (*солнце*); 3. страшный, зловещий (*огонь, кровь, война*).

Ассоциативный эксперимент дает надежные результаты, но он требует участия значительного числа испытуемых (обычно не менее 200), учета возрастных, профессиональных, территориальных характеристик информантов, его проведение связано с организационными сложностями и с трудоемкостью обработки результатов.

4.4. Изучение лексической сочетаемости как метод разграничения семем

Роль лексической сочетаемости в определении значений слова оценивается по-разному. Э.Я. Медникова различает лексическую семантику, которая исходит из объективности существования отдельного слова, и текстоцентрическую семантику, которая строится на связном тексте.

Некоторые авторы считают, что значение слова предшествует его употреблению и не зависит от контекста.

Скептически относятся к предопределяющей роли сочетаемости в формировании и установлении лексического значения слова К.С. Горбачевич и Ф.П. Сороколетов. Они признают сочетаемость в качестве показателя значения, но не его элемента.

Мы полагаем, что для говорящего и слушающего роль лексической сочетаемости в определении значения слова различна. Для говорящего лексема сама несет свою семему, и сочетаемость – результат этой семемы. Для слушающего сочетаемость – главное основание в понимании значения слова, то есть той семемы, которую несет лексема. Исследователь находится в положении слушающего. Для определения семемы в данном контексте он опирается на сочетаемость. Мы предлагаем следующую методику анализа лексической сочетаемости.

Получим из текстов набор возможных сочетаний интересующей нас лексемы, затем подвергнем их семемному анализу по Д/К.

Аня повернула свою красивую голову – в этом предложении «голова» – часть тела человека (и животных), в которой помещается мозг, нервные центры, управляющие поведением и деятельностью; семема Д1.

В голове колонны взвилось знамя. Сочетаемость с лексемой «колонна» противоречит признанию Д1 в лексеме «голова». Здесь эта лексема несет иную семему, которая обозначает передние ряды людей, образовавших колонну и ведущих ее за собой. В данном случае это семема Д2. Произошел перенос наименования с части тела, управляющей поведением человека, на часть колонны, ведущую ее за собой.

Семемы Д2 несет лексема «голова» и в сочетаниях *голова сахара, сельский голова* и некоторых других.

Снег на сосне казался издали головой великана. Снежная голова была высоко поднята над молодым сосняком. В этом тексте в сочетании *снежная голова* лексема «голова» называет возвышающуюся часть снега, своей формой похожую на голову человека. Семема Д1 присутствует как фон некоторыми своими семемами (форма, очертания человеческой головы). В данном случае определяется семема

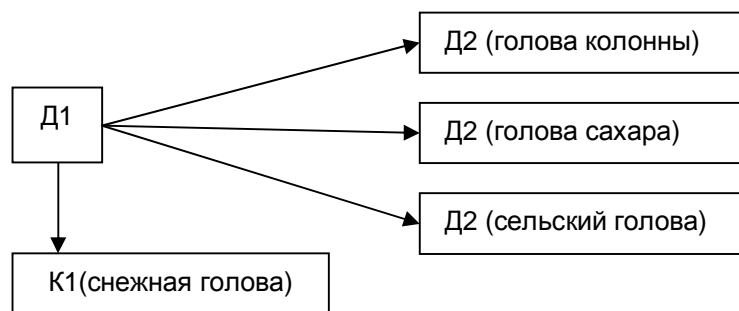
К1, мотивированная семемой Д1.

Семема К2 определяется по своей немотивированности в отношении к семеме Д1 той же лексемы. Лексема «собака» в выражении *знает, где собака зарыта* несет семему К2, так как провести какую-либо параллель между наименованием известного домашнего животного и сутью дела невозможно.

Семема К3 определяется в рамках идиоматических сочетаний, если вне таких сочетаний лексема, несущая данную семему, никогда не встречается и вне такого сочетания не имеет никакого значения. Ср.: попасть впросак, ничтоже сумняшеся. Лексемы «впросак», «ничтоже», «сумняшеся» отдельно не используются, никакого значения вне своих устойчивых словосочетаний не выражают. Все они несут семему К3.

Метод анализа статуса семем по Д/К представляется нам ведущим при анализе конкретных текстов, например художественных.

Установив возможные у данной лексемы типы и разновидности семем, мы можем приступить к изучению их отношений между собой, к выяснению их иерархии. Так, для рассмотренных выше семем, соотнесенных с лексемой «голова», получается следующая иерархия:



§ 5. Методы исследования структуры семемы

Исследование структуры семемы заключается в выявлении набора семантических компонентов, образующих ее, и в описании их взаимоотношений, связей между ними. В лингвистике разработан целый ряд методов вычленения компонентов в структуре семемы. Эти методы могут быть подразделены на три большие группы:

- 1) «внутриязыковые», основанные на чисто языковом анализе лингвистического материала;
- 2) экспериментальные приемы, основанные на использовании опроса носителей языка;
- 3) «межъязыковые», основанные на сопоставлении языков.

Опишем наиболее часто применяемые лингвистами методы.

5.1. Анализ словарных дефиниций лексем

Метод заключается в анализе дефиниций интересующих исследователя лексем в толковых словарях, выделении компонентов этих словарных дефиниций и интерпретации их как отдельных дифференциальных признаков значения слова – сем.

Например:

женщина – взрослое лицо женского пола: семы – *лицо, взрослое, женский пол*

больница – лечебное учреждение, преимущественно для тяжелых больных: семы – *учреждение, лечебное, преимущественно для тяжелых больных*

веялка – сельскохозяйственная машина, на которой веют зерно: семы – *машина, сельскохозяйственная, для веяния зерна*

кабан – дикая свинья, а также самец дикой свиньи: семы – *свинья, дикая, самец*

квартал – часть города, ограниченная пересекающимися улицами: семы – *часть города, ограничена пересекающимися улицами*

набегаться – бегая, утомиться: семы – *утомиться, в результате бега*

накалить – накаливая, нагреть до очень высокой температуры: семы – *нагреть, путем накаливания, до очень высокой температуры*

палатка – временное помещение из натянутой на остов ткани, плотного материала: семы – *помещение, временное, из ткани или плотного материала, натянута на остов*

и т.д.

Необходимо проанализировать словарные дефиниции как можно большего количества словарей, поскольку разные словари часто предлагают несовпадающие как по содержанию, так и по форме дефиниции.

Метод анализа словарных дефиниций позволяет выявить основные, ядерные дифференциальные семы, а также архисемы значений.

Но, как правило, метод анализа словарных дефиниций не позволяет с остаточной полнотой выявить периферийные семы.

Например, в предложении:

Она не донесет такой чемодан, она же женщина!

актуализируются сема «физически слабая, недостаточно выносливая», которая не отражена в словарной дефиниции слова *женщина* ни в одном словаре.

Далеко не всегда отражен в словарных дефинициях коннотативный макрокомпонент значения.

Большинство функциональных сем также обычно никак не обозначено в толковых словарях – за исключением некоторых стилистических сем типа разг., книжн., спец., простор. и нек. др., а также темпоральных сем типа истор., устар.

5.2. Анализ сравнений

Сравнения, как устойчивые, так и окказиональные, являются эффективным средством выявления семантических компонентов значений и когнитивных признаков концептов.

Сравнение имеет основание – с чем сравнивается – и признак – некоторую характеристику, которая приписывается основанию сравнения.

Значение слова, которое называет основание сравнения, раскрывается в сравнении как носитель соответствующего признака, что однозначно выявляется и называется в самом акте сравнения:

высокий, как каланча – каланча (основание сравнение), высокий (признак).

Сравнения практически не требуют интерпретации:

орет, как потерпевший – потерпевший *громко кричит*

силен, как бык – бык *сильный*

кислый, как лимон – лимон *кислый*

длинный, как каланча – каланча *высокая*

Иногда сравнения требуют определенной интерпретации, обращения к более широкому контексту или энциклопедическим знаниям:

голоден, как собака – собаки всегда голодные

спит, как убитый – убитый не реагирует на внешние раздражители

выглядит, как больной – больной плохо выглядит

красный, как рак – вареные раки красные.

Анализ сравнений – несложный способ выявления сем; однако анализ сравнений позволяет выявлять в основном периферийные семы значения.

5.3. Анализ метафор

Метафоры могут рассматриваться как способ вербализации тех или иных признаков того или иного предмета, представленного метафорическим образом.

Вербализованные метафорами признаки могут быть выявлены исследователем и интерпретированы таким образом, чтобы полученный смысл согласовался с содержанием и структурой значения или концепта.

Эти смыслы должны быть сформулированы как определенные содержательные признаки, входящие в значение соответствующего слова или структуру концепта. Данные признаки извлекаются из содержания метафоры, преимущественно из образа, который лег в основу метафоры.

Так, метафора «огонь острый» (колет, пронизывает, распарывает) может быть интерпретирована как «причиняет боль, ущерб»; «огонь живой» и «огонь жидкий» (дышит, вздыхает, задыхается, течет, разливается, растекается, может взметнуться) – как «активно функционирует», «постоянно движется и меняется» и т.д.

Надежда оценивается как жизнеобеспечивающее начало – «дает возможность жить»: она сравнивается со светом, воздухом, водой, огнем (Ивашенко 2000).

Метафоры со словами *буря, шквал, ураган, вихрь* выявляют признаки, характеризующие их воздействие на психику человека (приводящий в смятение, подавляющий, очищающий) (Глазунова 2000).

Интерпретация метафор – сложная и далеко не всегда однозначно решаемая задача, поскольку, во-первых, в основу метафоры могут лечь несколько когнитивных признаков «метафоризируемого» объекта, а во-вторых, следует помнить, что многие признаки, которые легли в основу метафоры, не имеют вербального обозначения и их надо специально обозначить словами, что не всегда легко и всегда возможны варианты.

Кроме того, в основе метафоры может лежать признак, который утратил актуальность или просто забылся. В таком случае метафора не может служить источником данных о семантических признаках соответствующего слова.

Семантический анализ метафор, как и аналогичный анализ сравнений, во многих случаях не дает возможность выделить конкретные семантические признаки. поскольку в основу метафоры может лечь целостный образ, не позволяющий сформулировать конкретные семы. Ср.: *русский язык – веселый, смешной, добрый* и др. В таких случаях семы не могут быть выделены.

5.4. Компонентный анализ семемы по оппозициям

Метод компонентного анализа оформился в лингвистике как самостоятельный метод в конце 50-х годов XX века и связан с работами В. Гуденафа и Ф. Лаунсбери. В. Гуденафу принадлежит и сам термин. Данный прием основан на выявлении дифференциальных компонентов значения при противопоставлении слов, имеющих общую семантическую часть.

Существуют различные методики компонентного анализа, разные способы записи выявленных семантических компонентов. Можно разграничить два основных вида компонентного анализа – минимальный и полный.

5.4.1. Минимальный компонентный анализ

Минимальный компонентный анализ группы слов – это элементарный прием выявления различий в семантике слов, используемый как правило, в тех случаях, когда надо лишь различить значения синонимов или разъяснить учащимся разницу между группой семантически близких слов. Цель минимального компонентного анализа – разграничить значения небольшой группы семантически близких слов. Он проводится до тех пор, пока каждое слово не будет представлено своим неповторимым набором сем, на этом минимальный компонентный анализ может быть завершен, так как цель его достигнута.

Процедуру минимального компонентного анализа можно представить в виде следующего алгоритма:

1. Записать анализируемые слова в столбик.
2. Выделить и записать интегральную сему.
3. Сопоставить значения 1-го и 2-го слова, определить дифференциальные семы и приплюсовать к интегральным. Проверить наличие этих дифференциальных сем или антонимичных им в третьем значении и в последующих значениях; выявленные дифференциальные семы приплюсовать к интегральным, в случае отсутствия (то есть если значения по этим признакам не

характеризуются) поставить знак 0.

Примечание. Если в 1-м и 2-м словах дифференциальные семы выделить затруднительно, перейти к следующему этапу.

4. Сопоставить 1-е и 3-е слово, выделить дифференциальные семы и приплюсовать. Проверить наличие этих сем или антонимичных им во всех остальных значениях и далее – согласно пункту 3.

5. Продолжать последовательное попарное сопоставление анализируемых слов до тех пор, пока каждое не будет представлено отличающимся от других слов набором сем.

Примечания: 1. Названия сем не должны совпадать ни с одним из анализируемых слов; 2. Функционально-стилистические семы записывать в последнюю очередь.

Приведем примеры минимального компонентного анализа нескольких групп слов.

остричь = снять волосы + полностью + 0 + межстил.

подстричь = снять волосы + частично + со всех сторон + межстил.

выстричь = снять волосы + частично + с отд. участка + межстил.

делать = изготавливать + 0 + межстил.

сооружать = изготавливать + большое + книжн.

мастерить = изготавливать + маленькое + разг.

бежать = быстро перемещаться + 0 + резко отталкиваясь от земли + межстил.

нестись = быстро перемещаться + усиление + 0 + разг..

Минимальный компонентный анализ проводится, как правило, с группами в 3–4 слова, не более, и осуществляется на основе языковой интуиции, без обращения к толковым словарям, хотя последнее, конечно, не исключается. В связи с тем, что количество дифференциальных сем в значении, как правило, больше одной, а также вследствие того, что минимальный компонентный анализ проводится лишь до разграничения значений, разные исследователи могут получить в результате анализа одной и той же группы слов разные наборы дифференциальных сем, причем во всех случаях анализ может быть правильным.

Отметим, что минимальный компонентный анализ может быть использован и для анализа отношений между семемами в многозначном слове с целью выявления интегральных сем, лежащих в основе переноса:

Туманный

1. покрытый туманом = неясный + погруженный в туман + межстил.

2. малопонятный = неясный + 0 + книжн.

Грубый

1. недостаточно культурный = недостаточность + культуры + межстил.

2. недостаточно обработанный = недостаточность + обработка + межстил.

3. приблизительный, предварительный = недостаточность + точность + разг.

5.4.2. Полный компонентный анализ

Цель полного компонентного анализа, в отличие от минимального, заключается не в разграничении значений слов, а в максимально полном описании семной структуры семем.

Полный компонентный анализ проводится при помощи словарных дефиниций с привлечением, в основном, всей лексико-семантической группы слов, к которой принадлежит исследуемая единица. Компонентному анализу подвергаются при этом все единицы, входящие в данную лексико-семантическую группу.

Алгоритм полного компонентного анализа можно представить следующим образом.

1. Выделить, пользуясь синонимическими и толковыми словарями, лексико-семантическую группу слов, к которой принадлежит интересующая исследователя единица.

2. Найти в толковом словаре дефиницию каждого слова выделенной группы и выделить в ней отдельные семы. Использовать несколько словарей.

3. Составить общий список сем, встретившихся в дефинициях слов данной лексико-семантической группы.

4. Построить таблицу семного состава слов анализируемой группы.

5. Отметить в таблице знаком «плюс» наличие сем в каждом анализируемом значении. Если какому-либо значению присуща сема, антонимичная одной из выделенных, ввести ее в таблицу и проверить ее наличие у всех значений.

Примечания: 1) Каждое значение должно иметь свой неповторимый набор сем.

2) Названия сем не должны совпадать ни с одним из анализируемых слов.

3) Функциональные семы записываются в конце списка сем.

Приведем пример полного компонентного анализа небольшой лексико-семантической группы слов «лечебные учреждения» по словарю С.И. Ожегова.

Выписываем определения слов в толковом словаре:

больница – лечебное учреждение, преимущественно для тяжелых больных;

госпиталь – больница, преимущественно военная;

поликлиника – обслуживаемое врачами разных специальностей лечебное заведение для проходящих или находящихся в домашних условиях больных;

амбулатория – лечебница для проходящих больных;

диспансер – медицинское учреждение, занимающееся не только лечением, но и предупреждением болезней.

Из выписанных определений выделяем отдельные семы. В список сем войдут следующие: «лечебное учреждение», «предназначенность для тяжелых больных», «военное», «обслуживаемое врачами разных специальностей», «для проходящих больных», «для больных, находящихся в домашних условиях», «предупреждение».

болезней» («профилактика»).

Составив список сем, строим таблицу семного состава данной лексико-семантической группы, дополнительно введя ряд сем: «гражданское» – антонимичное семе «военное», характерна для значений слов *больница, поликлиника, амбулатория, диспансер*; «обслуживаемое врачами узкой специальности» – антонимична семе «обслуживаемое врачами разных специальностей», характерна для значений слов *амбулатория, диспансер*.

Полученная таблица будет иметь следующий вид:

Слово	Сема									
	лечебное учреждение	для тяжелых больных	военное	обслуживаемое врачами разных специальностей	для приходящих больных	для больных находящихся дома	профилактика	гражданское	обслуживаемое врачами узкой специальности	
Больница	+	+		+				+		
Госпиталь	+	+	+	+						
Поликлиника	+			+	+	+	(+)	+		
Амбулатория	+				+			+	+	
Диспансер	+				+		+	+	+	

Вероятностные, недостаточно четко выделяющиеся в процессе анализа семы обозначаются скобками, в которые помещается тот или иной знак. К примеру, знаком (+) будут обозначены семы «ежедневная» в значении *газета*, «из винограда» в значении *вино*, «из белого хлеба» в значении слова *гренки* и т.д. Этим же знаком можно было бы обозначить сему «профилактика» в значении слова *поликлиника*, так как в некоторых отношениях поликлиника тоже занимается предупреждением заболеваний, хотя это и ее основная задача.

Знаком «минус» в таблице обозначают негативные семы, если они являются существенными и отражены в словарной дефиниции. Так, следовало бы обозначить сему «без уключин» в значении слова *байдарка*, поместив знак – в графу «наличие уключин».

В случае необходимости разграничить семы по степени интенсивности выражаемого ими признака или степени выраженности определенного качества используются следующие знаки: высокая степень \oplus , средняя степень +, низкая степень \perp . Например, сема «отсутствие света» в значениях слов *темнота, мрак, сумрак* будет обозначаться так: *темнота* +, *мрак* \oplus , *сумрак* \perp .

Коннотативные и функциональные компоненты значения удобно отражать словесными обозначениями, принятыми в словарях: разг., межстил., высок., простор., ласкат., неодобр., презр., фам., устар., диал., южное, проф. и др. Соответственно, эти обозначения вносятся в три графы – «оценка», «эмоция», «стилистическая отнесенность», помещаемые в таблице после денотативных сем (в приведенную выше таблицу они не включены, так как не являются дифференциальными для рассматриваемых единиц).

Полный компонентный анализ – наиболее распространенный прием семного анализа, позволяющий выделить архисемы и дифференциальные семы значения²².

Отметим, однако, что полный компонентный анализ не может обеспечить стопроцентное выявление семного состава семемы. Набор сем и их количество оказываются в зависимости от количества единиц в лексико-семантической группе. Компонентный анализ наиболее плодотворен и эффективен в выявлении основных, постоянных, эксплицитных, ассертивных, узуальных, ярких сем, то есть в выявлении основного содержания слова, его семантического ядра. Плохо выявляются при помощи компонентного анализа неосновные, вероятностные, скрытые, дизъюнктивные семы; диспозициональные, слабые, личностные семы совсем не выявляются.

Слова некоторых семантических групп (наименования животных, растений, плодов и др.) не поддаются компонентному анализу в силу того, что в их значениях преобладает чувственно-наглядный, эмпирический компонент, целостный образ.

Некоторые слабости классического компонентного анализа преодолеваются в экспериментальных методиках выявления компонентного состава семемы, основанных на опросе испытуемых.

5.4.3 Комбинаторная методика Т.П. Ломтева

Данная методика представляет собой комбинацию методики выделения дифференциальных семантических элементов в лексико-семантической группе с построением смыслов имен из полученных семантических компонентов. Она заключается в следующем:

1. Определяется состав лексико-семантической группы (по терминологии Т.П. Ломтева, «компактное множество имен»).

2. Полученное множество разбивается последовательно на подмножества первого, второго и так далее рангов так, чтобы подмножества не пересекались, а все в сумме составили бы исходное множество; строится таблица подмножеств по рангам.

3. Определяются дифференциальные семантические элементы, с помощью которых были выделены подмножества каждого ранга; каждый дифференциальный элемент обозначается порядковым номером в пределах своего ранга.

4. Согласно правилам комбинаторики, строятся все возможные смыслы, которые могут быть образованы выделенными дифференциальными элементами в сочетании друг с другом.

Например, предметом анализа является лексическая группировка «прямые родители». Разбив данное множество на подмножества, получим подмножества двух рангов:

²² Примеры полного компонентного анализа больших групп слов можно найти в работах: Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974, с. 46–47 (наименования сосудов); Морковкин В.В. Идеографические словари. М, 1970 (наименования средств передвижения, в «Приложении»).

Ранг разбиения	Множества, полученные в результате разбиения
1	1) подмножество родителей муж. пола
	2) подмножество родителей женск. пола
2	1) подмножество кровных родителей
	2) подмножество юридических родителей
	3) подмножество родителей по брачным связям одного из родителей
	4) подмножество родителей по брачным связям рожденного мужск. пола.
	5) подмножество родителей по брачным связям рожденного жен. пола

Соответственно определяются дифференциальные семантические элементы:

Ранг разбиения	Дифференциальные семантические элементы
1	1) родитель муж. пола
	2) родитель женск. пола
2	1) кровный родитель
	2) юридический родитель
	3) родитель по брачным связям одного из родителей
	4) родитель по брачным связям рожденного мужск. пола.
	5) родитель по брачным связям рожденного жен. пола

Из дифференциальных семантических элементов могут быть получены смыслы имен, которые записываются следующим образом. Первая по порядку цифра означает первый ранг, вторая – второй, и так далее. Так как в анализируемом множестве два ранга, то смысл будет состоять из двух признаков и записан двузначной цифрой. Конкретная цифра обозначает номер признака соответствующего ранга. Так, цифра 21 означает сочетание второго признака первого ранга с первым признаком второго ранга из таблицы дифференциальных семантических элементов.

В множестве «прямые родители» по законам комбинаторики возможны десять смыслов:

- 11 – родитель мужского пола, кровный родитель: отец
- 21 – родитель женского пола, кровный родитель: мать
- 12 – родитель мужского пола, юридический родитель: приемный отец
- 22 – родитель женского пола, юридический родитель: приемная мать
- 13 – родитель мужского пола, родитель по своим брачным связям: отчим
- 23 – родитель женского пола, родитель по своим брачным связям: мачеха
- 14 – родитель мужского пола, родитель по брачным связям рожденного

мужского пола: тесть

15 – родитель мужского пола, родитель по брачным связям рожденного женского пола: свекор

24 – родитель женского пола, родитель по брачным связям рожденного мужского пола: теща

25 – родитель женского пола, родитель по брачным связям рожденного женского пола: свекровь

Количество рангов в множестве может быть и больше двух – тогда смыслы будут иметь трех-, четырех-, пятицифровые обозначения, соответственно увеличится число возможных смыслов. В примере с множеством «прямые родители» каждому построенному смыслу соответствует реальное слово в русском языке, то есть каждая семема выражена реальной лексемой, однако так бывает не всегда. Можно получить смыслы, не обозначенные в данном языке какой-либо лексемой.

Комбинаторная методика Т.П. Ломтева позволяет выявить в языке «пустые клетки». Эта методика достаточно формализована, наглядно и экономно представляет компонентный состав значения, удобна как при внутриязыковом, так и при межъязыковом семантическом анализе. Недостатком этой методики является нечеткость первого этапа процедуры – выделения дифференциальных семантических элементов путем разбиения множества на подмножества. Эта процедура близка по содержанию к компонентному анализу, но лишена его строгости и принципов, она осуществляется в значительной степени интуитивно, методом проб и ошибок.

Образцы применения комбинаторной методики Т.П. Ломтева к анализу цветowych прилагательных русского языка и глаголов смеха русского и английского языков можно найти в работах Ж.П. Соколовской и М.С. Ковалевой²³.

5.5. Внутрилексемное сопоставление семем

Данный прием основан на семантическом анализе производных единиц и имеет целью выявить мотивировочный признак, лежащий в основе производной единицы и «перешедший» в нее из семантики производящей единицы. Производные единицы «формально» сигнализируют о наличии определенных сем в производящей единице, что и используется как прием выявления этих сем. Выделение компонентов значения производящего слова осуществляется несколькими способами.

Во-первых, это может быть сделано при анализе системных переносных значений слов, зафиксированных в словарях, с использованием минимального компонентного анализа. Например, *молния*:

- 1) мгновенный разряд скопившегося атмосферного электричества в воздухе;

²³ Соколовская Ж.П. Использование компонентного анализа и комбинаторной методики при описании смыслов имен. – В кн.: Комбинаторная методика Т.П. Ломтева и некоторые вопросы прикладной лингвистики. Днепропетровск, 1978; Ковалева М.С. Глаголы смеха в русском и английском языках. – В кн.: Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. Воронеж, 1981.

2) экстренный выпуск бюллетеня, газеты, книги, а также особо срочная телеграмма;

3) род металлической или пластмассовой, быстро задерживающейся застежки.

Анализ семантики производных значений 2 и 3 в сопоставлении с основным выявляет в основном значении компонент «быстрота». Сравнение переносного значения глагола *печь* «отдавать сильным жаром, зноем» с прямым «приготовлять сухим нагреванием на жару» выявляет в прямом значении сему «сильное нагревание».

Во-вторых, окказиональное употребление слова, в особенности окказиональная метафора, может дать возможность выявить семы прямого значения. В следующих примерах из художественной литературы окказиональные метафоры позволяют судить о наличии в прямых значениях вполне определенных сем, являющихся основой переноса: На стволе кудрявой ели муравьиное *шоссе* («дорога с интенсивным движением»); написаны *гектары* статей («большие пространства»); оказаться на *обочине* открытия («неосновная часть дороги»); устроить *цирк* на дому («развлечение») и т.д.

В-третьих, производные слова, главным образом относительные прилагательные, указывают на определенные семы производящих единиц. Ср. примеры сем, выявляющихся при сопоставлении существительного с производным от него прилагательным:

женщина – «нежность, мягкость» (женственный)

танк – «сильный шум» (танковый рев)

камень – «неподвижность» (каменное лицо)

солдат – «грубоватый», «простоватый» (солдатские шутки)

минута – «небольшой промежуток» (минутное дело, разговор)

генерал – «важный» (генеральские манеры)

рубль – «незначительная сумма» (рублевый товар, вещь, интерес)

деревня – «необразованность», «некультурность» (деревенские манеры, вид)

пшеница – «белый цвет» (пшеничные волосы)

дети – «неопытность» (детское решение, подход)

январь – «холодное время» (январская стужа, холод; мороз)

океан – «большой размер» (океанский простор, глубины)

Наконец, информацию о семном составе ряда слов могут дать устойчивые сравнения и фразеологизмы. Выделение сем в этом случае не представляет труда, хотя часто такие семы отражают народные представления, а не реальные факты. Вместе с тем эти семы являются реальностью и входят в структуру значения слова. Ср. признаки, выделяющиеся в существительных, входящих в сравнения: лететь как ветер, птица, пуля; прямой как стрела, легкий как пух, сладкий как мед, острый как бритва, твердый как камень, ловкий как циркач, сидит как барин, силен как бык, лошадь, медведь, тонкая как тростинка, худой как щепка, сухой как порох, жара как в бане и т.д. Анализ окказиональных сравнений, встречающихся в художественной литературе и разговорной речи, дает аналогичный

материал.

Семы, выявляемые на основе анализа производных единиц, обычно немногочисленны. Таким способом нельзя выявить весь семный состав производящего слова или хотя бы его существенную часть: не все слова многозначны, значит, нельзя использовать прием сравнения прямого и переносного значений, не все слова участвуют в образовании сравнений и фразеологизмов. Анализ окказиональных производных единиц может отражать личностные семы, результат субъективного восприятия действительности говорящим (кожаный взгляд, ртутный голос). Многие производные единицы не дают возможности выделить конкретную сему в производящей основе, так как в производное слово могут войти сразу несколько сем из производящей основы (запасный выход, тетин платок, сонный вид, тайный взгляд и др.). Все это ограничивает применение данного способа выявления сем. Он может играть лишь вспомогательную роль в процессе выявления семной структуры семемы.

5.6. Лингвистическое интервьюирование

Лингвистическое интервьюирование есть непосредственное обращение исследователя к интуиции носителей языка с прямыми вопросами типа: Что значит эта единица? Можно ли так сказать? Как бы вы сказали, если...? Различаются ли эти единицы по значению? Совпадают ли эти единицы по значению? и т.д.

Это метод обращения к рефлексии информантов о содержании тех или иных языковых единиц. Носители языка ориентируются экспериментатором на осознанное рассуждение о содержании языковых единиц или стоящих за ними концептов и словесное формулирование своей рефлексии («подумайте и ответьте... что значит это слово; можно ли его употребить в таком контексте; оценочное ли это слово; можно ли его употребить в любой ситуации; современное это слово или устаревшее; русский язык – для чего нужен? что дает?») и т.д.

Получив ответы, исследователь обобщает и статистически обрабатывает результаты.

Исследование может проводиться как в устной форме с индивидуальными информантами, так и в письменной форме, фронтально, с большими группами информантов. Письменная форма (анкетирование) используется чаще.

Прямое лингвистическое интервьюирование направлено на выявление непосредственного знания носителя языка о значениях слов, возможностях словоупотребления и номинации и др., и в связи с этим использование данного метода достаточно достоверно вскрывает реальные языковые механизмы. Именно это достоинство рассматриваемого приема подчеркивал американский лингвист А. Уоллес, считавший, что опрос информантов необходим как обязательное дополнение к компонентному анализу в его классической форме. О.Н. Селиверстова, возражая в этом отношении А. Уоллесу, отмечала, что основной недостаток подобного обращения к информантам заключается в том, что «определение значения в большой степени перекладывается на информантов». «Нам представляется разумным, – пишет далее

О.Н. Селиверстова, – предназначать им более пассивную роль. Предоставление такой роли связано с тем, что хотя каждый говорящий знает значения слов, эти знания в основном являются неосознанными. Поэтому разбиение значения на компоненты, их точная формулировка требуют большой затраты времени и умственных сил и могут быть осуществлены только самим исследователем». По справедливому замечанию О.Н. Селиверстовой, исследователь должен рассматривать результаты опроса информантов как сырой материал, подлежащий обработке. На практике это обычно и имеет место.

Ответы информантов на вопрос типа «Что значит это слово?» сводятся исследователем к ограниченному количеству признаков и формулируются как семы; ответы же на вопросы типа «Можно ли так сказать?», «Как бы вы сказали, если...?» уже по самому своему характеру требуют интерпретации исследователем.

Методика прямого лингвистического интервьюирования предполагает ряд последовательных этапов:

1. предъявление информантам вопросника, получение письменных анкет;
2. обобщение различных по форме, но близких по содержанию ответов, сведение их к одному;
3. формулирование семантических компонентов на основе полученных ответов;
4. ранжирование полученных семантических компонентов по частоте их встречаемости в анкетах;
5. формулирование значения слова.

Метод прямого лингвистического интервьюирования был применен к анализу переносных значений слов, обозначающих животных, О.А. Рыжкиной. Информантам предлагались вопросники из трех разделов, разработанные профессором Ф.А. Литвиным: I раздел – вопросы типа: «Вы назвали бы человека ослом, если...»; II раздел – вопросы типа: «Названием какого животного Вы бы воспользовались для обозначения человека, который упрям?»; III раздел – вопросы типа: «Если Вы считаете, что человек жесток, Вы назвали бы его (подчеркните одно или несколько слов, добавьте, если считаете нужным): тигр, ястреб, животное, акула, зверь, пантера...»

Ответы информанты дают в свободной форме, исследователь обобщает различные по форме, но близкие по содержанию ответы в один. Например, при анализе ответов по зооморфизму «свинья» ответы «неаккуратный», «грязный», «неопрятный», «уронил голову в блюдо» и др. были обобщены исследователем и сведены к одному признаку – «физически нечистоплотный».

Сформулированные и обобщенные признаки ранжируются по частоте встречаемости в анкетах: *щенок* – 1) молодой – 30% опрошенных, + неопытный 27% + беззащитный 11% + маленького роста 6% + ласковый 6%; 2) самонадеянный 15% + поступающий неблагоприятно 11%.

Особенно удобен метод прямого лингвистического интервьюирования для выявления семной структуры слов с яркой оценочностью и экспрессивностью, так как эти компоненты обычно доминируют в структуре значения и подавляют

предметно-логическое, денотативное содержание слов. Такие единицы, как *шляпа, мямля, фифа, мымра, охламон, хмырь, размазня* и др. поддаются, видимо, только экспериментальному анализу или анализу методом лингвистического интервьюирования – компонентный анализ не вскрывает их значения, так как они не образуют четких оппозиций.

Разновидностью прямого лингвистического интервьюирования является прием комментирования словоупотребления в заданной конструкции, позволяющий установить, какие семы актуализированы в интересующем исследователя слове при его употреблении; этим самым выявляются сами эти семы в значении исследуемого слова.

Например, группе студентов была предложена конструкция ..., а не *девчонка!*, которая последовательно заполнялась словами из приложенного списка: *гвардеец, танк, комиссар, солдат, пулемет, штаб, генерал, командир, матрос, партизан, ракета*. Информанты должны были в каждом случае письменно прокомментировать, какой признак девчонки подчеркивается данным словоупотреблением; при этом предлагалось ответить на вопрос: *какая?* (*солдат, а не девчонка – какая?*). Время эксперимента и количество ответов по каждому слову не ограничивались. При обработке результатов сходные ответы обобщались, после чего формулировались семантические компоненты.

Так, 30 информантов по слову *танк* во фразе «танк, а не девчонка» дали следующие ответы: крупная 15, упорная (упрямая) 8, сильная 7, тяжелая 6, неуклюжая 6, бесцеремонная 4, невозмутимая 1, высокая 1 (некоторые из опрошенных дали по несколько ответов на слово). Эти результаты позволяют выделить в значении слова *танк* такие семантические компоненты, как «большой размер», «большой вес», «неудержимость в движении», «большая мощность», «неповоротливость». Аналогично в значении слова *комиссар* выявились признаки «умный», «серьезный», «общественник»; *солдат* – «сильный», «подтянутый», «лихой», «высокий рост»; *пулемет* «быстродействие»; *матрос* – «смелый», «ловкий», «сильный», «бойкий»; *партизан* – «умный», «хитрый», «скрытно действующий»; *генерал* – «строгость», «надменность» и т.д. Многие из этих признаков диспозициональны, отражают образный компонент значения или периферийные признаки предмета. Именно при выявлении этих типов сем данный прием наиболее эффективен, основные же, ядерные семы приемом комментирования словоупотребления выделяются плохо.

При прямом лингвистическом интервьюировании информантам могут быть поставлены вопросы, ответы на которые позволяют выявить те или иные конкретные семы. Так, в эксперименте по определению значений слов с яркой экспрессивной окраской (слово *фифа*) информантам предлагалось ответить на три конкретизирующих вопроса: внешне – *какая?* по характеру – *какая?* по поведению – *что делает?* Подобные наводящие вопросы позволяют получить довольно полное описание семантики слова. Описание содержания слова *фифа*, полученное при помощи данного приема, может быть представлено следующим образом (30 информантов): *фифа* – молодая девушка или женщина, очень модно одетая 18, высокомерная 14, легкомысленная 13, сильно накрашенная, с кукольной внешностью 11, кокетка 9, думает только о себе 6, стройная высокая, капризная 5.

Дополнительно в анкетах содержался вопрос о возрасте – информанты оказались на редкость единодушными, определив ее возраст в промежутке от 17 до 27 лет.

Использование прямого лингвистического интервьюирования целесообразно при решении задач, связанных с выделением эмпирического компонента значения, а также для выделения периферийных и диспозиционных сем. Этот метод может быть использован и для выявления основных, постоянных, ярких семантических компонентов, но для этого необходима разработка четкой системы наводящих вопросов с учетом конкретной группы исследуемой лексики.

Разновидностью метода лингвистического интервьюирования является *метод семантической дифференциации* (метод выявления дифференциальных признаков языковой единицы).

Данный метод заключается в постановке перед информантами задачи выявить и сформулировать словами *различия* в семантике интересующих исследователя слов.

Например, исследователя интересует семантический признак "особенности речевой деятельности" в значении слова "руководитель":

Информантам предлагается словесно сформулировать 3 особенности речи руководителей, отличающих их от речи других категорий людей.

Им предлагается ответить на вопрос:

Руководитель, в отличие от других людей, говорит...

1

2

3

Еще один вариант данной методики предполагает использование опроса с анкетами закрытого типа:

Руководитель, в отличие от сотрудников, говорит

а) более короткими фразами;

б) более длинными фразами?

В результате полученные ответы обрабатываются и интерпретируются как объективация семантических компонентов значения исследуемого слова:

руководитель – кричит, ругается, говорит короткими фразами, громко и т.д.

Данный метод выявляет преимущественно периферийные компоненты значения слова.

Разновидностью метода лингвистического интервьюирования является *метод оценочной дифференциации*. Информантам предлагается определить оценочный характер интересующего исследователя слова или группы слов путем дифференциации ряда слов по их оценочному компоненту.

Информантам предлагалось ответить на вопросы следующего содержания:

Как вы оцениваете следующие понятия: *терпимость, бесконфликтность, толерантность?*

Варианты ответа: *преимущественно положительно; скорее положительно, чем отрицательно; нейтрально; скорее отрицательно; резко отрицательно.*

Было опрошено 60 человек в возрасте от 13 до 75 лет. Из опрошенных 28 лиц мужского пола, 32 – женского.

Результаты эксперимента таковы.

Терпимость – 78 % оценивают как позитивное качество (положительно и скорее положительно), *бесконфликтность* - 60% , *толерантность* - 35%.

Таким образом, положительная оценочность концепта «толерантность» еще только формируется в русском языковом сознании.

Метод *экспериментального выявления образного компонента значения* предполагает постановку респондентам вопросов о внешних признаках предмета или явления, номинируемого исследуемым словом.

К примеру, Е.Ю. Лазуренко для описания стереотипного образа руководителя был проведен эксперимент, заключающийся в предъявлении испытуемым слова *руководитель* и постановка вопросов о внешних признаках руководителя. Респондентам предлагалось ответить на вопросы: *руководитель внешне – какой?; что делает?*

Полученные ответы имели следующий вид: внешне какой – *толстый, в костюме, в галстуке...*; что делает – *руководит, сидит в кабинете, кричит...* и т.д.

Был проведен аналогичный эксперимент со словом *летчик*. 55 опрошенных информантов дали по слову *летчик* следующие ответы (единичные ответы не приводятся):

Летчик

Внешность – какой? в форме 47, со спортивной фигурой 23, высокий 15, красивый 10, в шлеме, крепкое здоровье 6, средний рост 4, молодой, с энергичным лицом, маленький 3, худой, элегантный, с портфелем, с техническим оборудованием 2.

Поведение – что делает? водит самолеты 30, летает 19, занимается спортом 8, несет ответственность 6, занимается техникой, водит вертолет 4, прыгает с парашютом, возит людей, передает по радио 2.

Результаты лингвистического интервьюирования требуют обобщения и интерпретации исследователем.

5.7. Экспериментальные приемы выделения семантических компонентов

5.7.1. Свободный ассоциативный эксперимент

Из множества существующих гипотез, объясняющих механизм образования ассоциаций, наиболее признанной является гипотеза Дж. Миллера о предикативной природе ассоциаций. По Дж. Миллеру, ассоциируемые слова входят друг с другом в предикативные отношения – А есть Б, А имеет (содержит) Б и т.д. Эта гипотеза может объяснить значительную часть получаемых в ассоциативных экспериментах реакций. Реакция в условиях свободного ассоциативного эксперимента является «неспровоцированной», действительно свободной, что позволяет интерпретировать ее как свободную вербальную экспликацию некоторого семантического признака слова-стимула, как

предикацию стимулу некоторого признака, для него характерного. Подобной интерпретации могут быть подвергнуты только такие ассоциации, которые вступают со стимулом в предикативные отношения, выполняют роль предиката при стимуле и имеют достаточно высокую частотность.

Свободный ассоциативный эксперимент, таким образом, может использоваться как прием анализа структуры семемы. Возьмем, к примеру, ассоциативную статью слова *лес* из «Словаря ассоциативных норм русского языка» (М., 1977). Приводим статью в сокращении (сокращено большинство единичных ассоциаций):

лес – густой 119, зеленый 77, дремучий 46, деревья 34, темный 33, русский 29, дрова 24, поляна 20; дерево, рубят 15, большой 14, береза, зелень 12, поле 11, бор сосновый 10, природа, роща 9, елка 7, березовый, грибы, река, рук, хвойный, ягода 6, весенний 5, ...темнеет, тенистый, тишина, тундра, уголь, «У лукоморья дуб зеленый», утренний, хороший воздух, Шишкин, шишкинский, шумный 1; =758 (то есть опрошено 758 информантов).

Значимыми для семантического анализа являются, конечно, наиболее частотные реакции.

Если проанализировать приведенную выше словарную статью «лес» в ассоциативном словаре, то как предикаты к стимулу, то есть как экспликацию некоторых семантических компонентов стимула, можно рассматривать такие ассоциации, как:

– густой, зеленый, дремучий, темный, зелень, большой, березовый, хвойный, сосновый (эмпирический компонент значения - *лес зеленый, труднопроходимый. большой* и т.д.);

– дрова рубят, грибы, ягоды («содержание» леса, его применение – *в лесу собирают ягоды и грибы, заготавливают дрова*);

– дерево, природа, деревья, бор, роща (родовые, видовые, признаки, «компоненты» леса – *лес образован деревьями, он часть природы, леса бывают сосновыми и лиственными* и др.) и т.д.

Не могут быть интерпретированы как указатели семантических признаков стимула ассоциации «русский», «весенний» (не характеризуют собственно лес), «рук» (относится к другому значению стимула), «поле», «река» (характеризуют пейзаж, в котором встречается лес, но не сам лес).

Результаты свободных ассоциативных экспериментов достаточно объективны, достоверны и проверяемы. Слабость данного приема выделения сем заключается прежде всего в том, что семантическая интерпретация ассоциаций находится целиком в компетенции самого исследователя, что снижает объективность процедуры. Кроме того, многие семантические признаки, выделенные через ассоциативный эксперимент, оказываются несущественными, второстепенными, диспозициональными. Основные, постоянные, ассертивные признаки выделяются труднее. Ассоциативная реакция существенно зависит от условий эксперимента, возраста, пола, профессии, социального положения информанта.

5.7.2. Направленный ассоциативный эксперимент

Направленный ассоциативный эксперимент проводится, в отличие от свободного, с теми или иными ограничениями на реакцию, которую предлагается дать испытуемым. Например:

1. X - какой?

Направленный ассоциативный эксперимент с ответом в атрибутивной форме (КАКОЙ?) позволяет выявить оценочные и наиболее яркие денотативные семы значения слова.

Например: ГОРОД –какой? *большой, красивый, любимый, шумный, пыльный, спрут, многолюдный* и т.д.

2. X – это...

Например: СОБАКА – это: животное, шерсть, друг человека, сторож, верный друг, шерсть повсюду, хлопоты, защитник, охота, поводок, и т.д.

Последний тип направленного ассоциативного эксперимента отличается от метода субъективных дефиниций (см. ниже) следующим: если испытуемым в инструкции предлагается реагировать любым словом, это свободный ассоциативный эксперимент; если же инструкция предлагает дать словесную дефиницию, это метод субъективных дефиниций.

Метод «X – это...» достаточно надежно выявляет архисему в семантике слова, хорошо выявляет ядерные признаки значения.

5.7.3. Метод субъективных дефиниций

Данный метод экспериментального исследования семантики слова заключается в следующем. Испытуемым предлагается дать собственную словесную дефиницию значения интересующего исследователя слова. Испытуемым при этом предлагается словесная формула, которая ориентирует их на создание словесной дефиниции.

Е.И. Грищук провела методом субъективных дефиниций исследование семантики абстрактных существительных. Предлагалось задание: продолжить фразу типа:

благородство – это ...

При обработке результатов обобщались сходные по *смысловому* содержанию дефиниции.

Многие испытуемые давали дефиниции, которые содержали в себе несколько различных смысловых признаков. Они разносились по соответствующим группам компонентов значения. Например, реакция «*благородство – это помочь в трудную минуту, уступить место в трамвае*» рассматривается как отражающая два компонента значения слова *благородство*: «готовность прийти на помощь» и «воспитанность».

Приведем результаты эксперимента по слову *благородство*. По этому слову было опрошено 160 человек.

Были выделены следующие компоненты значения слова *благородство*.

Высокие нравственные качества 50: достоинство человека 7; порядочность 6; почти то же, что и милосердие; доброта; честность 4; правдивость; терпимость, совесть, достоинство в одном лице; совесть; честь; способность к самопожертвованию 2; порядочность, достоинство и что-то еще, что я не могу выразить словами; сила; красота души; храбрость; щедрость; верность долгу; когда можешь пожертвовать собой ради других; качество человека, когда человек ради других жертвует собой; самопожертвование ради близкого или незнакомого человека; когда готов отдать жизнь за другого человека; то, что позволяет совершить подвиг; мужество; соблюдение моральных законов; черта, присущая уважающему себя человеку; характеристика человека, о котором идет хорошая слава 1.

Способность бескорыстно помочь 38: хорошие поступки 7; помощь; человек, который предлагает кому-нибудь свою помощь; совершение хороших поступков, помогающих другим людям; от «благо» 3, «благие дела» 2; помогающий другим; желание совершать поступки, которые могут быть нужны другим людям; помочь в трудную минуту; поддержка; качество человека, помогающего слабым, беспомощным; помогать всем; защита слабых; бескорыстие; проявляется, когда человек поступает ради блага людей бескорыстно; качество человека, который идет на помощь не из-за денег, а от чистого сердца; помогали бедным; заступаться за младших; совершение достойных поступков; способность человека на благородные поступки; определяет поведение в трудных ситуациях; героические, хорошие поступки; никаких лишних поступков 1.

Воспитанность 14: уступить место в трамвае 3; человек, умеющий себя вести; воспитанный человек; все время говорить «спасибо»; человек с хорошими манерами; когда молодой человек уступает место старенькой бабушке; хорошее воспитание; какое-то качество поведения; поведение светского человека; вежливое отношение к людям; вежливость; быть вежливым 1.

Благородное происхождение 10: от слов «благой род» 3; высокое происхождение; знатный род человечества; благородный граф; ранее были благородные рыцари; дошло до нас из средних веков; человек из знатной семьи; человек принадлежит к хорошему роду 1.

Редко встречается 10: рыцари; джентльмены 3; вымирающий вид; только в фильме; сейчас не найдешь такого человека; Дон-Кихот 1.

Уважительность, галантность 10: уважение к другим 5; уважение к женскому полу 2; если на девушку нападут, а недалеко будет проходить мужчина и поможет ей, он поступит благородно; перенести девушку через лужу; в кино красивый мужчина передвигает карету так, чтобы девушка, садясь в нее, не замочила ноги 1.

Умение быть благодарным 7: умение быть благодарным 3; когда человек на добро отвечает добром; качество человека, которое заставляет его отвечать добром на добро; умение платить за сделанное тебе добро; от слова «благодарить» 1.

Ум 4: ум 3; качество человека умного 1.

Скромность 3: когда человек не ставит себя выше других 2; скромность 1.

Богатство 3: дорого одетый человек; благородным может быть и бедный человек; внешняя характеристика человека знатного и богатого 1.

Мужское качество 3: относится в основном к мужчинам; благородны мужчины, которые совершают хорошие поступки; мужчины, не добивающие упавшего противника 1.

В результате анализа результатов эксперимента значение слова *благородство* было сформулировано следующим образом: высокие нравственные качества 50; готовность к самопожертвованию 38; воспитанность 14; благородное происхождение 10; редко встречается 10; уважительность, галантность 10; умение быть благодарным 7; ум 4; скромность 3; богатство 3; мужское качество 3.

5.7.4. Методика Э. Бендикса

Методика американского ученого Э. Бендикса позволяет выделять компоненты значений слов, не обязательно связанных с какой-либо замкнутой лексической группировкой, путем построения экспериментальных конструкций, в которых исследуемое слово противопоставлено другому в пределах одной и той же фразы. Информанты, которым предъявляется конструкция, должны ответить, есть ли в данной конструкции противопоставление, то есть противопоставлены ли слова в тестовой фразе по значению. Наличие противопоставления позволяет говорить в данном случае о существовании некоторых дифференциальных признаков, на которых основано это противопоставление. Информанты должны дополнить или развернуть тестовую конструкцию, пояснив (эксплицировав) дифференциальный признак, противопоставляющий исследуемые слова.

Им предъявляется созданная исследователем языковая конструкция, в которой предложены для семантической дифференциации интересующие исследователя слова, причем испытуемый специально «подталкивается» предъявляемой конструкцией к словесному формулированию семантического различия. Испытуемые должны завершить конструкцию, чтобы она приобрела законченный в языковом и смысловом плане вид. Полученные результаты интерпретируются как объективация дифференциальных сем исследуемых значений.

Эта методика относится к экспериментальным методам, поскольку предполагает создание испытуемыми речевых произведений – завершение предложенной ими конструкции.

Так, например, испытуемому предлагается конструкция: *Он грузный, а не полный*. Информанты признают эту конструкцию правильной в смысловом отношении, то есть содержащей некоторое реальное противопоставление. Далее им предлагается эксплицировать различие, продолжив или завершив фразу по своему усмотрению, например: Он грузный, а не полный, потому что:

- 1)
- 2)
- 3)

Например, получаем такие ответы:

- 1) он неповоротлив,
- 2) он очень тяжело ступает,
- 3) он страдает одышкой и т.д.

Обобщая ответы информантов, исследователь получает дифференциальные семы слова *грузный* – «неповоротливость», «значительный избыточный вес» и др.

Специфика методики Э. Бендикса заключается в том, что с ее помощью можно исследовать слова, не образующие четкой группы. В тестовую конструкцию могут быть включены и единицы, довольно далекие друг от друга по семантике (ср.: он не спит, а курит; он лежит, а не ходит).

По мнению О.Н. Селиверстовой, в таких случаях нельзя быть уверенным, действительно ли означаемые, поставленные ими в минимальную оппозицию, отличаются друг от друга только по значениям одного и того же различительного признака. Однако, хотя дифференциальный признак и может оказаться здесь недостаточно конкретным, то он может различать не только данную пару слов, но и большие группы слов, он все равно будет выделен и будет правильным (ср. сему «покоя» в *спит, лежит*; сему «действие» в *курит*; сему «движение» в *ходит*).

Эффективной оказалась, например, методика Э. Бендикса, при анализе модальных модификаторов возможности – *способен, в состоянии, в силах, умеет, имеет возможность, имеет право*.

В эксперименте использовалась тестовая конструкция «Дело не в том, что не Р, дело в том, что не К». Анализируемая единица подставлялась на место К и последовательно сравнивалась со всеми остальными единицами списка, подставляемыми вместо Р. Например: Дело не в том, что *X не способен* заниматься спортом, дело в том, что *X не имеет возможности* заниматься спортом.

Тестовая фраза предъявлялась информантам, которым в случае признания данной оппозиции смысловозначительной, предлагалось продолжить тестовую фразу придаточным, причины с описанием основания оппозиции. Для приведенной выше тестовой фразы получены следующие ответы:

Дело не в том, что *X не способен* заниматься спортом, дело в том, что *X не имеет возможности* заниматься спортом, ибо:

- 1) у него очень много работы,
- 2) учеба отнимает все время,
- 3) этому не способствуют домашние условия,
- 4) у него двое детей,
- 5) он вечно занят на работе и т.д.

В данной конструкции выявляется семантический признак «внешний», так как все факторы, выделенные информантами, являются внешними по отношению к X.

При обратном противопоставлении, наоборот, – выявляется признак «внутренний», так как называемые испытуемыми факторы заключаются в самом X:

Дело не в том, что *X не имеет возможности* руководить институтом, дело в том, что *X не способен* руководить институтом, ибо:

- 1) у него слабый характер,
- 2) он плохой организатор,

- 3) он глуп,
- 4) его интересы лежат в другой сфере,
- 5) он раздражителен и не умеет ладить с людьми и др.

Аналогичным образом выявлены дифференциальные семантические признаки в других оппозициях, что позволило описать структуру значения всех модальных модификаторов.

В целом методика Э. Бендикса удобна и применима для исследования лексико-семантических групп, синонимических рядов. Она позволяет выявлять не только основные, но и многие периферийные семы, вероятностные семантические признаки. Кроме того, как уже отмечалось, она дает возможность устанавливать семный состав «семантических размытых» единиц, единиц с нечеткой семантикой.

Недостатком методики Э. Бендикса является ее трудоемкость и произвольность выбора исследователем исходных слов для тестовой конструкции.

5.7.5. Экспликативный эксперимент

Метод заключается в постановке перед испытуемым задачи объяснения значения интересующего исследователя слова гипотетическому лицу – иностранцу, ребенку и т.д. Испытуемый создает собственный экспликативный (объяснительный) текст, который потом изучается и интерпретируется исследователем.

Например:

Представьте, что маленький ребенок спрашивает у Вас: «Что такое ИНОСТРАННОЕ СЛОВО?» Как бы Вы ответили?

Например, Е.И. Грищук был проведен экспликативный эксперимент с абстрактными именами существительными. Испытуемым предлагалось объяснить значение данного слова человеку, который его в первый раз слышит (например, иностранцу или маленькому ребенку, задавшему вопрос: что это такое?). В эксперименте участвовало 120 человек.

Экспликации старшекласников носят иллюстративный характер. Подавляющее их большинство представляет собой различные способы конкретизации, описания ситуации, синонимы, повествование по типу: «когда ты был маленький, то ..., потом ты стал старше, тогда ... и вот это и называется». Например, значение слова *такт* ребенку объясняется так: «ты увидел, что у какой-нибудь тети задралась юбка, не надо кричать об этом во весь голос, а подойди и скажи об этом только ей».

По форме лексические экспликации, полученные в этом эксперименте, отличаются заметной разговорностью лексических средств, диалогичностью, значительным объемом.

Из полученных экспликаций методом семантической интерпретации выводятся конкретные семантические компоненты.

Например, экспликация слова *дружба*: «Вот у тебя есть в садике мальчик, которого зовут Петя, вы с ним играете в машинки, строите башенки. Это и есть дружба. Но еще дружба – это когда, например, Петя упадет, ему будет больно, ты

ему должен будешь помочь, утешить. А когда-нибудь он тоже поможет тебе».

Из данной экспликации выводятся такие компоненты значения, как «отношения, основанные на общности интересов»; «отношения, которые строятся на готовности оказать помощь»; «взаимовыручка».

5.7.6. Завершение экспериментальной фразы (неполной конструкции)

Метод завершения экспериментальной фразы заключается в том, что исследователь конструирует фразы, содержащие интересующее его слово и предлагает испытуемым их завершить. Фразы строятся с таким расчетом, чтобы испытуемый раскрыл в своем ответе интересующий исследователя семантический компонент исследуемого слова.

Например, при исследовании семантики слова *женщина* испытуемому предлагается завершить следующие экспериментальные фразы:

- Женщина всегда...
- Женщина никогда...
- Женщина хорошо умеет...
- Женщина не умеет...
- Женщина любит...
- Женщина не любит...
- и т.д.

Полученные результаты обобщаются и формулируются соответствующие семы, причем частотность упоминания той или иной семы в эксперименте позволяет определить ее яркость в структуре значения.

5.8. Межъязыковое сопоставление как метод выявления сем

5.8.1. Сопоставительный метод анализа значений

Хорошие результаты дает сопоставление близких по значению слов и групп слов в разных языках. Прием сопоставления элементов родного и неродного языков практически давно используется всеми преподавателями иностранных языков. В качестве сознательного приема, направленного на улучшение преподавания иностранного языка, этот метод был обоснован французским ученым Ш. Балли.

Значительное развитие методика сопоставления получила в работах отечественных лингвистов, особенно в трудах В.Г. Гака. В настоящее время этот метод применяется не только для практических нужд, но и для выяснения многих теоретических вопросов, касающихся сходств и различий между языками, выявления универсалий человеческого языка и др.

Техника применения сопоставительного межъязыкового анализа для выявления сем в семантической структуре слова может быть примерно следующей.

Последовательно просматриваются текст оригинала и текст перевода одного

и того же произведения. Параллельно выписываются микроконтексты с избранными для исследования словами. Регистрируются все обнаруженные соответствия, которые затем подвергаются обработке и систематизации. Прежде всего отграничиваются переводные эквиваленты от случаев интерпретации. Переводный эквивалент обязательно отражает какую-то часть сем из семантической структуры слова оригинала. При интерпретации переводчик не подбирает эквиваленты к словам оригинала, а пересказывает смысл оригинала как бы своими словами. Интересующее нас слово может совсем не учитываться, его значение передается оборотом, сочетанием слов, а смысл может остаться в подтексте и т.п. Случаи интерпретации из анализа исключаются.

Переводные эквиваленты, по данным Э.Я. Рудник, делятся на три группы: возможные, дифференцирующие и соотносимые.

Под возможными эквивалентами понимается совокупность лексем перевода, с помощью которых передается значение лексемы языка оригинала,

Дифференцирующий эквивалент – это лексема языка перевода, несущая семему, которая с наибольшим содержанием (соответственно с наибольшим количеством сем) и наименьшим объемом понятия (соответственно с наивысшей степенью конкретизации) передает семему данной лексемы языка оригинала.

В соотносимых эквивалентах семантическая структура семем оригинала и перевода примерно одинакова.

Наиболее ценными для выявления семного состава анализируемых слов языка оригинала являются возможные и дифференцирующие эквиваленты. С их помощью можно выявлять разные по рангу семы.

Н.Ф. Щукина исследовала семный состав субъектно-модальных глаголов состояния (верить, надеяться, сомневаться, колебаться, недоумевать и т.п.) в русском и английском языках методом сопоставления. Приведем некоторые фрагменты этого исследования на примере глаголов *believe*, *hope*.

Архисема глаголов *believe*, *hope* – «мыслительная деятельность» легко выявляется с помощью возможных эквивалентов: думать, подумывать, раздумывать, считать, рассчитывать, полагать, допускать, предполагать, понимать, подозревать, воображать, представлять, решать, угадывать, помнить и т.п.

You wouldn't believe what I am doing now, – he went on, – that's to say, unless you're mechanical-minded like myself (A. Cronin). – Вы ни за что не угадаете, чем я занят сейчас, – продолжал он, – разумеется, если вы не такой механик-любитель, как я;

Do you believe that a man with a record like yours is fit to teach youth? (H. Fast). – И вы считаете, что такой человек, как вы, достоин воспитывать нашу молодежь?

I should hope you gentlemen of the army may find means of amusing yourselves, if you give your minds to it (Ch. Dickens). – Полагаю, что вы, господа офицеры, можете доставить себе немало развлечений, – стоит только захотеть;

I hoped ye'd feel all right this morning (S. Crane). – А я-то думал что утром ты будешь в порядке.

Дифференциальный семантический признак рассматриваемой группы – субъективная модальность в глаголе *believe* – выступает в виде семы

«модальность истинности», в глаголе *hope* – «модальность вероятности». Эти семы удастся выявить с помощью дифференцирующих эквивалентов. Модальность истинности выявляется с помощью слов перевода: не сомневаться, быть уверенным, быть убежденным.

She was believing herself deeply in love (Th. Dreiser). – И она уже не сомневалась в том, что по-настоящему любит Герствуда;

He had before believed her to return his affection with sincere, if not with equal regard (J. Austen). – Перед этим он был уверен, что она отвечает ему искренним чувством, хоть и не равным его собственному.

«Модальность вероятности» хорошо выявляется с помощью таких дифференцирующих эквивалентов, как *возможно, кажется, пожалуй, может быть, вероятно, конечно* и т.п.

But I hope to be before lunchtime (O. Wilde). – Но к завтраку я, вероятно, буду; *He hoped he had made some advance in that matter (Ch. Dickens).* – Ему, кажется, удалось кое-что выяснить насчет этого дела.

В семеме глагола *believe* присутствует сема «знание», «обладание информацией об объекте». Она выявляется возможным эквивалентом *знать*: *I believe you to have been, perhaps, more foolish than depraved – he paused (E. Voynich).* – Я знаю, что Вами руководило в большей степени безрассудство, чем испорченность, – он остановился.

В семеме глагола *hope* такая сема не обнаруживается. Зато в ней обнаруживаются семы «ожидание» и «желание». Их выявляют такие возможные эквиваленты, как *хотеть, желать, мечтать, стремиться, хоть бы, хорошо бы, только бы, ждать, ожидание* и т.п.

I rushed up to that flat hoping to catch him (J. Priestley). – Я ринулся на квартиру, хотел застать его врасплох; *I hope to the Lord we are not too late (C. Doyle).* – Только бы не опоздать.

Пары «верить – *believe*» и «надеяться – *hope*» являются соотносимыми эквивалентами.

Путем подобных процедур можно выявить все или почти все важнейшие семы анализируемого слова. Надо иметь в виду, что не все слова и лексико-семантические группы слов в равной мере хорошо поддаются межъязыковому сопоставительному анализу. Если в группе преобладают соотносимые эквиваленты, значит, она устроена в сопоставляемых языках примерно одинаково и данные языки не могут помочь друг другу в семантическом анализе.

Если же при сопоставлении текста на языке-оригинале и на языке перевода выявляется большое число возможных и дифференцирующих эквивалентов, рассматриваемая группа слов перспективна для сопоставительного анализа. Для более полного и корректного анализа важно выполнить сопоставление в двух направлениях: от языка А к языку В а затем от языка В к языку А. Полученные данные взаимно корректируют друг друга.

Язык, содержащий большое число дифференцирующих эквивалентов, позволяет хорошо проанализировать данные языка оригинала. Но при обратном анализе неизбежно произойдет обобщение и укрупнение отдельных смыслов.

Очень удобно исследовать таким образом явления, которые в одном языке хорошо структурированы и разработаны, а в другом не имеют четких форм организации. Например, славянские глагольные виды позволяют выявить многие семы способа действия в европейских глаголах. Русские предикативы оказываются хорошими дифференцирующими эквивалентами для немецких модальных глаголов и т.д.

5.8.2. Контрастивный метод анализа значения

Контрастивный анализ предполагает описание структуры значения слова в одном языке на фоне всех возможных лексических соответствий этого слова в другом языке [Стернин 2004].

Контрастивный анализ лексики может быть представлен в виде алгоритма, представляющего собой логическую последовательность действий, каждое из которых отражает тот или иной этап или отдельный шаг в исследовании.

Ниже представлен идеальный алгоритм контрастивного анализа, включающий оптимальное число этапов и шагов, что позволяет осуществить исчерпывающий анализ. В зависимости от практических целей и реальных возможностей исследователя, а также в зависимости от предусматриваемого уровня полноты контрастивного семантического описания некоторые этапы могут быть пропущены – это относится прежде всего к таким этапам, как анализ текстовых употреблений исследуемых слов, этап верификации семантических компонентов, психолингвистический эксперимент по выявлению компонентов значений. Остальные этапы являются обязательными, иначе исследование не будет иметь контрастивного характера и не сможет обеспечить необходимую достоверность полученных выводов.

Методика контрастивного описания семантики лексических единиц в рамках определенной лексической группировки может быть представлена следующим образом.

Этап I. Выделение лексической группировки в исходном языке

В качестве материала для контрастивного анализа целесообразно избрать какую-либо лексическую группировку целиком (удобнее всего синонимический ряд или лексико-семантическую группу), поскольку это придает исследованию системный характер и обеспечивает исчерпывающий набор единиц для компонентного анализа, являющегося основным методом семантического описания при контрастивном анализе.

В качестве исходного языка удобнее выбирать родной язык исследователя, хотя в принципе контрастивным методом, как уже отмечалось, может исследоваться любая пара языков и любой из них может стать исходным в контрастивной процедуре.

Родной язык в качестве исходного удобнее в связи с тем, что исследователю легче выделять в своем родном языке стилистические, частотные и другие функциональные семы, легче определить степень актуальности используемой

единицы, ее относительную употребительность в языке, определить эмоциональные и оценочные коннотативные семы, а также легче обнаружить периферийные семы денотативного значения в опоре на собственную языковую интуицию исследователя.

Шаг 1. Составление базового списка лексической группировки.

Из одноязычных толковых словарей методом сплошной выборки выписываются слова, принадлежащие к исследуемой лексической группировке, составляется исходный базовый список лексем.

Шаг 2. Синонимическое расширение базового списка.

Все выделенные в результате первого шага лексемы просматриваются по синонимическим словарям данного языка, в результате чего выявляются новые лексемы, которые пополняют базовый список.

Шаг 3. Расширение базового списка за счет результатов текстового анализа.

Анализируются тексты современной художественной литературы и публицистики, в которых фиксируются все употребления слов данной лексической группировки. В результате выявляются новые лексемы, которые пополняют базовый список.

По результатам текстового анализа также определяется частотность единиц исследуемой лексической группировки на современном этапе развития языка.

Шаг 4. Структуризация лексической группировки.

Полученный итоговый список исследуемых единиц разбивается на смысловые группы и подгруппы.

Этап II. Определение межъязыковых соответствий отдельных единиц.

Шаг 1. Выявление словарных переводных соответствий.

Каждое слово исходного языка проверяется по двуязычным словарям и выписываются все зафиксированные в словарях переводные соответствия данного слова.

Шаг 2. Выявление межъязыковых лексических соответствий.

Все полученные на предыдущем шаге лексемы языка сопоставления проверяются по синонимическим словарям «своего» языка, выявленные новые лексемы пополняют список соответствий исследуемого русского слова. Поскольку эти новые единицы не были представлены в переводных словарях, новый список лексем, включающий как выделенные на предыдущем шаге переводные соответствия, так и новые слова, полученные из синонимических словарей, будет уже не списком *переводных соответствий*, а списком *межъязыковых лексических соответствий* (включающим переводные соответствия как основную, но все-таки часть).

Этап III. Семное описание значений лексических единиц в сопоставляемых языках.

Шаг 1. Семное описание единиц обоих языков в рамках выделенных подгрупп

Семное описание осуществляется применением разных методов, основные из

которых – семный анализ словарных дефиниций, компонентный анализ, методика Бендикса, ассоциативный эксперимент, контекстуальный анализ и др.

В результате исследователь получает описание значений слов исходного языка и языка сопоставления в виде перечня семантических компонентов – сем.

Шаг 2. Установление частотности употребления исследуемых единиц.

Это осуществляется либо по частотному словарю, либо подсчетом употреблений по текстам, либо опросом информантов о частотной характеристике слова.

Частотность употребления исследуемых единиц описывается с помощью следующей шкалы: *высокочастотные, употребительные, малоупотребительные, неупотребительные*.

Шаг 3. Верификация семного описания

Опрос информантов по подтверждению выделенных для отдельных слов сем (процедура верификации компонентного состава слова) для исходного языка и языка сопоставления.

Этап IV. Семантическое описание контрастивных пар

Шаг 1. Формирование контрастивных пар

Под контрастивной парой понимаются две единицы сравниваемых языков, выступающие как межъязыковые лексические соответствия.

На этом шаге определяются пары единиц, которые будут подвергаться контрастивному семантическому описанию.

Линейные соответствия формируют одну контрастивную пару, векторные – несколько, по числу соответствий в сопоставляемом языке, безэквивалентные единицы не формируют контрастивных пар и описываются как «одноязычный» набор сем.

Шаг 2. Семное сопоставление значений контрастивных пар.

В каждой контрастивной паре сопоставляются отдельные семы, полученные в результате компонентного анализа.

Осуществляется унификация семных описаний (сходные толкования сем в двух языках приравниваются друг к другу и выбирается или конструируется одно толкование, дающее наиболее обобщенное описание соответствующего компонента).

Отсутствие семы в семеме одного из языков проверяется; если действительно наблюдается отсутствие семы, фиксируется семная лакуна; если же отсутствие объясняется случайными причинами, например, недостатками компонентного анализа, то данная сема включается в семную структуру соответствующего слова. Таким образом, на этом этапе семное описание исследуемых слов может пополниться, либо может измениться словесная формулировка семы.

В результате данного шага исследователь получает параллельные семные описания каждой контрастивной пары, где противопоставлены друг другу архисемы, дифференциальные семы с одинаковыми семантическими признаками (и одинаковыми или разными семными конкретизаторами) и выявлены безэквивалентные и лакунарные семы.

Этап V. Выявление национально-специфических компонентов значений слов

Данный этап предполагает выявление и описание несовпадающих (национально-специфических) сем в каждой контрастивной паре. Это осуществляется путем посемного сопоставления структур значения слова исходного языка и его соответствия в изучаемом языке.

Каждая пара сопоставляемых сем получает характеристику – эквивалентные, несовпадающие, безэквивалентные или лакунарные. Последние три типа сем, если они выявлены, свидетельствуют о национальной специфике семантики слова.

На этом этапе возможно выявление неадекватных (ложных, ошибочных) переводных соответствий в имеющихся переводных словарях, а также выявление ложных друзей переводчика.

На этом же этапе выявляются разные формы проявления национальной специфики значений – несовпадение семного состава, безэквивалентность и лакуарность значений и компонентов значений.

Этап 6. Дифференциальная семантизация членов контрастивных пар

На этом этапе описываются значения обоих членов контрастивной пары в объеме несовпадающих сем. Это означает, что при описании значений слов исходного языка и языка сопоставления значение каждого слова описывается как перечисление только тех сем, которые не совпадают с семами другого члена контрастивной пары.

Этап 7. Дифференциальное толкование значений лексических единиц

Последним, седьмым этапом контрастивного описания лексики является дифференциальное толкование значений единиц исходного языка.

Дифференциальное толкование представляет собой такое описание семного состава единицы исходного языка, в котором содержится указание на все ее переводные соответствия с перечислением семантических компонентов, которые дифференцируют единицу исходного языка от всех ее переводных соответствий.

Дифференциальное толкование значения является основным условием для создания контрастивных словарей разных типов, а также словарей для лиц определенной национальности.

В результате проведения контрастивного анализа в объеме всех семи этапов исследователь последовательно получает следующие результаты:

Результат первого этапа: описание состава и структуры лексической группировки исследуемых единиц.

Результат второго этапа: установление межъязыковых соответствий.

Результат третьего этапа: семное описание исследуемых семем в двух языках.

Результат четвертого этапа: формирование сопоставимых семных дефиниций единиц двух языков.

Результат пятого этапа: выявление национально-специфических сем в обоих языках.

Результат шестого этапа: дифференциация соответствий двух языков по национально-специфическим семантическим компонентам.

Результат седьмого этапа: контрастивные словарные статьи.

По завершении контрастивного описания лексической группировки можно сделать ряд теоретических выводов общего характера о национальной специфике исследованных группировок.

Это могут быть следующие выводы:

1. Соотношение разных типов соответствий (процент близких, допустимых, эквивалентов): можно сравнить с другими группами;

2. Индекс национальной специфики лексической группировки (отношение количества семем с национальной спецификой и безэквивалентных единиц к общему числу семем группировки).

Исследование национальной специфики семантики русской обыденной лексики относительно немецкой (на материале более 500 лексических единиц) показало, что лексические микрополя, на которые разделилась исследуемая лексика (восемнадцать микрополей) имеют индекс национальной специфичности от весьма низкого (0,22) до весьма высокого (0,90) – [Харитонов А.К.Д. 1987, с. 20]. Это позволяет предположить, что разные участки национальных языковых систем в целом обладают существенно различным уровнем национальной специфики и различные разделы лексической системы двух языков можно ранжировать по уровню выявляемой для них национальной специфики.

Так, контрастивные исследования показали, что для лексической группировки наименований дорог в русском и французском языках уровень национальной специфики оказался довольно высоким – 0,82, для наименований процессов труда и лиц по отношению к труду в русском и французском языках – 0,78, для наименований незанятости трудовой деятельностью в русском и английском языках – 0,81.

3. Преобладающие типы национальной специфики лексических единиц – денотативная, коннотативная, смешанная; количество единиц с выявленной национальной спецификой того или иного семантического компонента – стилистического, функционального и т.д.;

4. Может быть определен индекс эквивалентности (отношение числа русских семем, имеющих эквиваленты, к общему числу семем группы) и индекс безэквивалентности лексической группировки (отношение числа безэквивалентных семем к общему числу семем группы).

К примеру, для лексической группировки наименований дорог в русском и французском языках индекс безэквивалентности оказался равным – 0,16, для наименований процессов труда и лиц по отношению к труду в русском и французском языках – 0,42, а для наименований незанятости трудовой деятельностью в русском и английском языках – 0,31.

§ 6. Комплексные методики

6.1. Методика изучения психологически реального значения слова

Наиболее эффективным методом изучения психологически реальных (психолингвистических) значений и концептов как «реальностей сознания» людей является психолингвистический эксперимент, и прежде всего – ассоциативный эксперимент в двух его разновидностях – свободный и направленный.

При описании психолингвистического значения ассоциативный эксперимент – как свободный, так и направленный – дает достоверные данные при учете только первой ассоциативной реакции, поскольку остальные ассоциации могут быть уже ассоциациями не на собственно стимул, сколько на предыдущую реакцию; учет первой реакции позволяет избежать этого недостатка.

Ассоциативный эксперимент, как свободный, так и направленный, имеет своей целью построение ассоциативного поля стимула (описание совокупности реакций, упорядоченных по убыванию частотности), которое далее выступает как материал для семантической интерпретации.

Методика описания психолингвистического значения слова может быть представлена следующим образом:

1. Проведение ассоциативного эксперимента с исследуемым словом в качестве стимула.
2. Построение ассоциативного поля исследуемого слова-стимула.
3. Семантическая интерпретация ассоциативных реакций как языковых репрезентаций сем.
4. Семемная атрибуция полученных сем (распределение сем по отдельным значениям по денотативному принципу).
5. Семное описание содержания и структуры выделенных значений как связной совокупности сем.
6. Моделирование семантемы как упорядоченного множества выделенных семем по принципу убывания яркости семемы в семантеме.

Проиллюстрируем изложенную методику примером конкретного описания значения слова *жертва* (исследование проведено Ж.И. Фридман).

I. Ассоциативный эксперимент.

С группой испытуемых (500 человек) был проведен свободный ассоциативный эксперимент со стимулом «жертва». Информанты напротив предложенного слова-стимула должны были записать первое слово, которое придет им в голову. В случае, если такое слово не находится, опрашиваемые ставили прочерк. Полученные ответы были обработаны, и построено ассоциативное поле стимула «жертва».

II. Построение ассоциативного поля.

Ассоциативное поле исследуемого слова в сознании носителей русского языка по завершению обработки полученных ответов приобрело следующий вид:

Жертва 500 – убийство 33, преступление 30, насилие 26, труп 23, потерпевший 19, хищник 14, боль, смерть 12, кровь 11, овца 10, террор 8, жалость, любовь, слабость, теракт 7, обстоятельств 6, жизнь, маньяк, пострадавший, секта, страх 5, война, горе, жалость, животное, нападение, невинная, обмана, палач, самоотдача 4, войны, костер, милостыня, ночь, несправедливость, подвиг, потеря, преступник, приносить, приношение, религия, убийца, ягненок 3, алтарь, бедняга, беззащитность, беспомощность, горе, заговор, изгой, лишение жизни, необходимость, оккультизм, охотник, помощь, ради чего-то, репрессий, садизм, свинья, сериал, системы, случайность, сожаление, терроризм, унижение, уничтожение 2, авария, автокатастрофа, агнец, беда, бедная, бессилие, бессмысленная, бомж, бюрократизм, виновный, вклад, во имя чего-то, гибель, глупость, Голгофа, голод, город, грех, грубость, дань, дар, диета, других людей, Жанна Д'арк, женщина, заяц, зло, идол, Иисус, капкан, кара, котлета, крыса перед змеей, какой-то аферы, ловушка, ложь, месть, муки, мучение, мясо, нападавший, напрасно, народ, невезучий, невнимательность, ненависть, несчастная, нож, обреченность, обряд, ограбление, отказ, пассивность, печаль, плач, племя, пленник, подопытный кролик, покушение, польза, поражение, предательство, преклонение, преступность, птица, раб, ради кого-то, разбой, рана, раненый, раненый зверек, репрессий, семья, скандал, слабый человек, слезы, Сталин, траур, убитое животное, убитый, узники, улица, усилие, утрата, ущерб, фильм, цель, человек, что-то страшное, язычество 1, отказы – 33.

III. Семантическая интерпретация ассоциативных реакций.

Семантическая интерпретация полученных реакций заключалась в осмыслении полученных ассоциаций как языковых репрезентаций семантических компонентов слова-стимула (сем).

Значения ассоциатов переформулировались как значения семантических компонентов, образующих значение слова-стимула. При этом производится обобщение полученных результатов: близкие по семантике ассоциаты, по-разному называющие фактически один и тот же семантический компонент, объединяются, а их частотность суммируется.

Например: преступление 30, насилие 26, теракт 7 → преступление 63. Обобщению подлежат также однокоренные ассоциаты, перифразы, номинации одного семантического компонента словами разных частей речи, синонимами и т.д., то есть ассоциаты, фактически словесно номинирующие один и тот же семантический компонент. Не интерпретируются индивидуальные ассоциации, если они носят субъективно-личностный характер, то есть неясна связь стимула и реакции, например: **ЖЕРТВА** – *облако*. Далее на этом же этапе осуществляется формулирование сем, то есть такое формулирование семантических компонентов, которое позволяет приписать данную сему значению исследуемого слова. Полученные формулировки сем должны согласовываться с исследуемым словом, например:

жертва –
является результатом преступления 114,
является следствием обстоятельств 52,

является результатом слабости 11,
 является результатом убеждения 11,
 вызывает жалость 13,
 вызывает горе 6,
 вызывает страх 5,
 выступает в виде потерпевшего 47,
 выступает в виде изгоя 2
 и т.д.

IV. Семемная атрибуция полученных сем.

На этом этапе семы группируются по значениям по денотативному принципу: они разделяются на группы по числу отдельных значений, которые они представляют в смысловой структуре слова.

В результате становится ясным количество разных семем, реально представленных в значении слова-стимула, и при этом каждая семема оказывается представленной набором некоторых сем.

Проведенное исследование позволило сгруппировать выделенные семы семантемы слова *жертва* в пять отдельных значений:

1. живое существо 29 (овца 10, жизнь 5, животное 4, птица, ягненок 3, свинья 2, агнец, заяц 1);

убиваемое 19 (кровь 11, лишение жизни 2, убиваемое животное 1 и т.д.);

в результате религиозного обряда 14 (секта 5, религия 3, оккультизм 2, алтарь, идол, обряд, язычество 1);

приносимое в дар божеству 7: приносить 4, приношение 3;

для очищения грехов 3 (грех 2, кара 1).

2. добровольное приношение 7: вклад, милостыня 3, дар 1.

3. добровольный отказ от кого/чего-либо в чью-либо пользу 11:

цель 6: ради чего-то 2, во имя чего-то, котлета, ради кого-то, цель 1;

оценка 3: глупость, напрасно, необходимость 1;

4. самопожертвование 5: самоотдача 4, диета 1.

5. причина 183: преступление 114 (убийство 33, преступление 30, насилие 26, террор 8, теракт 7, нападение 4, садизм, терроризм 2, ограбление, преступность 1),

обстоятельства 52 (война, любовь 7, обстоятельства 6, обман 4, репрессии 3, авткатастрофа, заговор, капкан, невинный, системы 2, бедная, бомж, бюрократизм, виновный, других людей, какой-либо аферы, ловушка, ложь, народ, невинная, несчастная, обреченность, племя, скандал, Сталин 1),

слабость 14,

убеждения 3 (Голгофа, Иисус, Жанна Д'Арк 1);

субъект, испытывающий воздействие 54: труп 24, потерпевший 19,

пострадавший 5, изгой 2, пленник, подопытный кролик, раб, узники 1;

объект, осуществляющий воздействие 32: хищник 14, маньяк, палач 5, преступник, убийца 3, нападавший, народ 1;

вызываемая эмоция 29: жалость 13 (жалость 11, бедняга 2), горе 6, страх 5, сожаление, унижение 2, беда, печаль, плач, утрата 1;

результат воздействия 27: боль 13, смерть 12, гибель, траур 1;

оценка 6: несправедливость 3, случайность 2, зло 1;

орудие воздействия 4: костер 3, нож 1;

место 3: сериал 2, улица 1;

время 2: ночь 2.

V. Семное описание значений.

На этом этапе наборы сем, выделенных для каждого отдельного значения, описываются как отдельные семемы. Каждая семема получает словесно формулируемую исследователем дефиницию, основывающуюся на полученных экспериментальных данных и включающую все выделенные семы. Задача дефиниции – словесно отграничить данное значение от остальных.

Значения формулируются как упорядоченное связное перечисление экспериментально выявленных семантических компонентов каждого значения в их связи друг с другом. Каждое значение формулируется отдельно, указывается общее количество испытуемых, актуализировавших это значение; при каждой семе указывается количество испытуемых, объективировавших эту сему в ходе эксперимента.

Цифра, сопровождающая каждое значение, отражает количество испытуемых, объективировавших в эксперименте семантические компоненты данного значения, и свидетельствует об относительной яркости соответствующего значения в семанте слова в языковом сознании испытуемых.

Жертва (340 исп.).

1. (340 исп.) Тот, кто пострадал в результате преступления 114, обстоятельств 52, слабости 11, своих убеждений 3; субъектом, испытывающим воздействие является труп 23, потерпевший 19, пострадавший 5, изгой 2, пленник, подопытный кролик, раб, убитый, узники 1; объектом, который осуществляет воздействие, выступает хищник 14, маньяк, палач 5, преступник, убийца 3, нападавший 1; результатом воздействия является боль 13, смерть 12, гибель, траур 1; вызывает жалость 13, горе 6, страх 5, сожаление, чувство унижения 2, представляет собой беду, вызывает печаль, плач, чувство утраты 1; оценивается как несправедливость 3, случайность 2, зло 1; происходит ночью 2 в сериале 2, на улице 1; орудием воздействия является костер 3, нож 1.

2. (72 исп.). Живое существо 29, обычно убиваемое 19, приносимое 7 в дар божеству 14 для очищения грехов 3.

3. (11 исп.). Отказ 2 ради чего-то 3 или кого-то 1 от котлеты 1 с определенной целью 1; является глупостью 2, необходимостью 1.

4. (7 исп.). Пожертвование 7.

5. (5 исп.). Самопожертвование 5.

Некоторые семантические компоненты в результате эксперимента оказались в структуре значения описываемого слова случайно – например, «отказ от котлеты», но смысл описания психологически реального значения именно в фиксации и описании всех семантических компонентов, связываемых в сознании носителя языка с тем или иным словом.

VI. Моделирование семантемы слова

По количеству испытуемых, актуализировавших разные значения исследуемого слова, можно представить иерархию значений в смысловой структуре исследуемого слова. Для этого надо вычислить индекс яркости значения (отношение числа испытуемых, актуализировавших компоненты данного значения в эксперименте, к общему числу испытуемых). Основным значением слова «жертва» будет являться «тот, кто пострадал в результате чего-то» (индекс яркости 0,78). Именно оно и образует ядро семантемы исследуемого слова. Ближнюю периферию составляет значение «ритуально убиваемое существо» (индекс яркости 0,17%). Дальняя периферия представлена значением «отказ от чего-то или кого-то» (индекс яркости 0,03). Крайнюю периферию образуют значения «пожертвование» (индекс яркости 0,02) и «самопожертвование» (индекс яркости 0,01).

Как показывает исследование, психолингвистическое значение далеко не всегда совпадает с его лексикографическим вариантом. Здесь можно выделить две тенденции [Фридман 2005, с. 35]:

1. Слово в сознании носителя языка имеет больше значений, чем это отмечают словари (например, у слова «признание» в толковых словарях выделяется 4 значения, а в сознании – 8; слово «помощь» в словарях имеет 3 значения, в сознании – 4);

2. Количество значений, представленных в толковых словарях, богаче, чем в языковом сознании (так, слово «гость» в толковых словарях имеет 5 значений, а в языковом сознании – только 2, слово «родина» в словарях имеет 2 значения, в сознании – 1).

Кроме того, может различаться структура семантемы, т.е. иерархия ядерных и периферийных значений.

В случае со словом «жертва» количество лексикографических значений, выделяемых словарями и полученное в результате эксперимента, совпадает, но их иерархия в структуре семантемы существенно различается.

Описание психолингвистического значения может быть использовано для уточнения подачи значений слов в толковых словарях.

6.2. Методика когнитивной интерпретации результатов экспериментальных исследований семантики

В рамках Московской психолингвистической школы А.А. Леонтьева и Е.Ф. Тарасова языковое сознание рассматривается как сознание, овнешняемое языковыми средствами и формируемое в процессе речевого общения.

К языковым средствам, овнешняющим языковое сознание, в данной

концепции относятся отдельные слова, словосочетания, фразеологизмы, паремии, тексты и ассоциативные поля. Ср.: языковое сознание – это «образы сознания, овнешняемые языковыми средствами – отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей. Образы языкового сознания интегрируют в себе умственные знания, формируемые самим субъектом преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных знаний, полученных от органов чувств в предметной деятельности» [Тарасов 2003, с. 3].

Предметом исследования когнитивной лингвистики являются значения языковых единиц, объективирующих тот или иной концепт, т.е. языковое сознание, а конечной целью – реконструкция (моделирование) концепта как мыслительной единицы по данным языка, то есть реконструкция когнитивного сознания.

В связи с этим важнейшим этапом семантико-когнитивного исследования является когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых единиц – именно этот этап процедуры лингвокогнитивного исследования «переводит» языковые данные в когнитивные и позволяет приступить к моделированию концепта. Другие направления когнитивной лингвистики данного этапа не предусматривают или не выделяют как отдельный этап методики, растворяя его в анализе семантики. В семантико-когнитивном направлении лингвистики когнитивная интерпретация результатов лингвистического описания номинативного поля концепта – важнейший и абсолютно необходимый этап исследования.

Под когнитивной интерпретацией понимается мысленное обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, с целью итогового моделирования содержания концепта.

Все полученные до когнитивной интерпретации семантические описания – это еще не описания содержания и структуры концепта, это значения номинативных единиц, называющих отдельные когнитивные признаки, вербализованные теми или иными языковыми средствами.

Если этап когнитивной интерпретации миновать, то при моделировании концепта с ним будут просто отождествлены значения единиц, номинирующих его, что существенно искажает и обедняет модель концепта.

6.2.1. Когнитивная интерпретация сем

Итогом первого этапа семантико-когнитивного исследования – описания семантики единиц номинативного поля концепта – является максимально полное описание значений языковых единиц. Получается описание семем (лексикографическое или психолингвистическое, в зависимости от примененных методов и поставленных задач) через перечисление образующих их сем.

Различие наборов сем разных номинативных единиц, номинирующих концепт, позволяет методом когнитивной интерпретации выявить более или

менее полный набор когнитивных признаков исследуемого концепта.

К примеру, анализ синонимического ряда позволяет выявить целый ряд семантических компонентов, репрезентирующих когнитивные признаки. Так, лексема *друг* была сопоставлена с синонимами – *приятель, товарищ*. Анализ словарных дефиниций трех исследуемых слов по Словарю синонимов под ред. А.П. Евгеньевой позволяет выявить для слова *друг* такие семантические компоненты, как «избранный» («Приятели у Гаврика было много, а настоящих друзей всего один – Петя») и «интимность» (ср. друг и товарищ) [Лукашкова 2001]. Все эти компоненты интерпретируются как когнитивные признаки концепта *друг*, а разные синонимы актуализируют разные аспекты этого концепта.

Затем совпадающие или близкие по содержанию семы, выделенные в единицах номинативного поля концепта, обобщаются (то есть сводятся к одному признаку) и интерпретируются как единый когнитивный признак концепта. Если семы имеют показатель яркости (являющийся результатом подсчета количества текстовых реализаций или частотности соответствующего ассоциата), то семы, обобщаемые в процессе когнитивной интерпретации в единый когнитивный признак, получают суммарную частотность из сложения частотностей частных реализаций данного признака.

Далее происходит ранжирование когнитивных признаков по яркости.

Ранжирование позволяет распределить когнитивные признаки по зонам – ядро, ближняя, дальняя периферия и интерпретационное поле. При наличии материалов экспериментов определяется яркость тех или иных признаков, выделяются профилирующие когнитивные признаки.

6.2.2. Когнитивная интерпретация паремий

Паремии подвергаются когнитивной интерпретации в форме обобщения паремиологических смыслов (сведение близких смыслов к одному более обобщенному смыслу); определяется относительная частота выражения тех или иных смыслов в собранном паремиологическом материале – в скольких паремиях из их общего количества исследованных выражен тот или иной смысл; устанавливаются наиболее часто объективируемые паремиологические смыслы.

Когнитивная интерпретация паремий предполагает, что на основе анализа их смысла формулируются соответствующие когнитивные признаки в виде утверждений о концепте. Если не удастся сформулировать признак как утверждение, то такая паремия исключается из дальнейшей интерпретации как не несущая для современного носителя языка однозначной информации.

Если возможны несколько интерпретаций, необходимо опросить информантов и выявить доминирующую интерпретацию (прием дополнительной верификации). Если интерпретации оказываются равновероятными, то признается многозначность паремии и принимаются в учет все интерпретации.

Паремиологические смыслы в рамках интерпретационного поля могут быть упорядочены по принципу поля.

Так, были проанализированы пословицы и поговорки русского народа о русском языке. Корпус исследуемого паремиологического материала

(паремиологическое поле) составил более 200 единиц. Эти паремии объективируют, к примеру, такие когнитивные признаки концепта *русский язык*:

Язык обладает большим влиянием (6 паремий – 3% от общего числа паремий): Язык царствами ворочает; Язык – стяг, дружину водит; Ласковое слово и кость сломит; Язык мал, великим человеком ворочает; Мал язык – горами качает; Мал язык, да всем телом владеет.

Надо говорить добрые слова (2 паремии – 1%): Доброе слово и кошке приятно; Ласковое слово и кость ломит.

Язык может быть опасен для человека (7 – 3,5%): Не ножа бойся – языка!; От языка не уйдешь; Язык везде достанет; Слово не стрела, а пуше стрелы (разит); Слово не стрела, а сердце сквозит (язвит); Слово не обух, а от него люди гибнут; Всякая сорока от своего языка гибнет;

Язык делает человека болтливым (6 – 3%): Язык болтает, а голова не знает; Что знает, все расскажет, и чего не знает, и то скажет; Язык – балоболка; Язык блудлив, что коза; Язык ворочается, говорить хочется; Язык без костей, во все стороны ворочается.

Говорить легче, чем работать (4 – 2%): Скоро то говорится, а не скоро делается; Скоро сказано, кабы да сделано; Все скоро сказывается, да не все скоро делается; Из лука – не мы, из пищали – не мы, а зубы поскалить, язык почесать – против нас не сыскать и т.д.

Паремии, объективирующие концепт «русский язык», дают как положительную, так и отрицательную оценку языка, причем негативные коннотации (35%) присутствуют в большем количестве, чем позитивные (5%).

Самым актуальным, ядерным для паремиологического сознания носителей русского языка оказался когнитивный признак приоритетности молчания (32,5% от общего числа паремий).

6.2.3. Когнитивная интерпретация результатов ассоциативных экспериментов

Когнитивная интерпретация результатов ассоциативных экспериментов может осуществляться через этап описания психолингвистического значения, а может осуществляться напрямую – через прямую когнитивную интерпретацию ассоциаций. В первом случае выделяются ассоциаты, объективирующие отдельные значения слова, во втором же случае ассоциаты обобщаются непосредственно в когнитивные признаки, минуя стадию распределения семантических компонентов по отдельным значениям. Если ставится задача сопоставить лексикографическое, психолингвистическое значения и концепт, то необходим первый путь, если же ставится задача экспериментального описания содержания концепта – используется второй путь.

Проиллюстрируем здесь прямую когнитивную интерпретацию результатов ассоциативного эксперимента.

Ассоциаты интерпретируются как языковые репрезентации определенных когнитивных признаков, образующих содержание концепта. Ассоциаты, близкие по своему семантическому содержанию, обобщаются в интегральный

когнитивный признак, который формулируется словесно. Для наименования формулируемого когнитивного признака выбирается обычно наименование наиболее частотной реакции или наиболее нейтральное в стилистическом отношении слово.

Так, в свободном ассоциативном эксперименте на слово-стимул *Земля* 50 информантов ассоциаты *большая* 20, *огромная* 3, *очень большая* 2 интерпретируются как объективация обобщенного когнитивного признака *большая*, и частотность отдельных ассоциатов суммируется -25; ассоциаты *круглая* 24, *огромный шар* 2, *земной шар* 4, *шарообразная* 2 обобщаются в когнитивный признак *круглая* 30 и т.д.

В ассоциативном эксперименте со словосочетанием *русский язык* интерпретируются как когнитивные признаки данного концепта:

богатый 132 (разнообразный, масштабный, многообразный, всеобъемлющий, широкий);

хороший 90 (хороший, замечательный, лучший, клевый, обалденный, нормальный, крутой, отличный);

сложный 57 (сложный, трудный, тяжелый, заумный);

легкий 46 (легкий, простой, доступный, понятный, доходчивый) и т.д.

Приведем еще пример. От 100 русских информантов были получены ассоциации на стимул *совесть* [Вахтель, Фридман 2002, с. 38-45]:

СОВЕСТЬ 100: честность 11, стыд 6, внутренний контролер 5, мучения, порядочность, чистая 4, переживание, судья, чистота 3, Бог внутри тебя, вина, гложет, душа, мука, ответственность за поведение, плохо, когда есть угрызения, правда, сердце 2, академик Д.С. Лихачев, барьер, белый, богатство, важное свойство человека, вера в Бога, дискомфорт, должна быть, духовная гармония с самим собой, если есть, закон, зуд комара над ухом, когда хочется спать, камень, личное, лучшее, мораль, не быть хапугой, не могу без нее, не обманывать, не у всех, покоя не дает, попросили – сделай, поступок, преданность, проснется поздно, противный тролль, рамки, справедливость, стержень, такт, тень, часы, чистый лист бумаги, чувство одиноких людей – 1; отказы – 3.

Когнитивная интерпретация результатов эксперимента выглядит следующим образом.

честность (честность, правда, порядочность);

справедливость (справедливость)

неприятные, тяжелые переживания (стыд, мучения, переживание, гложет, мука, вина, плохо, когда есть угрызения совести, дискомфорт, покоя не дает, камень, зуд комара над ухом, чувство одиноких людей);

проявляется в конкретных действиях (не обманывать, не быть хапугой, попросили – сделай, вера в Бога, поступок, справедливость);

имеет эталон (Д.С. Лихачев);

регулирует поведение личности (барьер, мораль, рамки, стержень, закон, судья, Бог внутри тебя, внутренний контролер, ответственность за поведение);

важна для человека (важное свойство человека, личное, должна быть);

присуща не всем людям (когда есть, не у всех, проснется поздно);

обеспечивает человеку моральную чистоту (сердце, чистая);

отсутствие совести обеспечивает благосостояние (богатство) и т.д.

Каждый признак может быть ранжирован по яркости в структуре концепта (процент испытуемых, актуализовавших данный признак). Например, признак *честность* будет иметь рейтинг 0,17 (честность 11, правда 2, порядочность 4), а признак *важность для человека* – 0,03 (важное свойство человека 1, личное 1, должна быть 1). Можно выделить ядерные и периферийные когнитивные признаки, а также сравнить результаты ассоциативных экспериментов на один и тот же стимул в группах испытуемых, говорящих на разных языках, относящихся к разным социальным, гендерным, возрастным группам. Таким образом, может быть выявлена национальная, гендерная, социальная, возрастная специфика соответствующих концептов.

Важно отметить, что в процессе когнитивной интерпретации в качестве когнитивных признаков концепта интерпретируются *все* полученные ассоциаты, включая единичные. Так, при когнитивной интерпретации стимула *правда* в качестве когнитивных признаков формулируются признаки, объективируемые такими единичными реакциями как газета (*есть газета «Правда»*), глаза (*правду говорят в глаза*), горькая (*может быть и горькой, неприятной*), боль (*может доставлять боль*), лучше горькая (*лучше сказать правду, даже если она горькая*), во вред (*правда может причинить вред человеку*), горечь (*может доставить горечь*), иллюзия (*может быть иллюзией*), комсомольская (*есть газета «Комсомольская правда»*), лезвие бритвы (*правду говорить опасно – как ходить по лезвию бритвы*), сила (*говорить правду – это проявлять силу, правда обладает общественной силой*), смелый поступок (*говорит правду требует смелости*), совесть (*совесть человека побуждает его говорить правду*) у волка своя, у зайца своя (*понятие о правде различно у разных людей*), тяжелая ноша (*быть носителем правды тяжело*) и т.д.

Когнитивная интерпретация результатов психолингвистических экспериментов показывает, что в структуре концепта могут выделяться и быть при этом достаточно яркими противоречащие друг другу когнитивные признаки, ср. в концептах английский язык, русский язык – *легкий, трудный*; это – одно из существенных доказательств принципиального различия между концептом и значением слова – в последнем противоречащие признаки исключены. Противоречащие признаки включаются в интерпретационное поле концепта.

6.2.4. Когнитивная интерпретация метафор

Когнитивные метафоры в процессе когнитивной интерпретации должны быть сформулированы как определенные содержательные признаки, входящие в структуру концепта. Эти признаки извлекаются из содержания метафоры, преимущественно из основания сравнения, которое легло в основу метафоры, аналогично семной интерпретации метафор. Приведем те же примеры: когнитивная метафора «огонь острый» (колет, пронизывает, распарывает) может быть интерпретирована как «причиняет боль, ущерб»; «огонь живой» и «огонь жидкий» (дышит, вздыхает, задыхается, течет, разливается, растекается, может

взметнуться, воспринимается как струя) – как «активно функционирует», «постоянно движется и меняется» и т.д.

Когнитивная интерпретация метафор – сложная и далеко не всегда однозначно решаемая задача, поскольку во многих случаях метафоры с большим трудом поддаются когнитивной интерпретации. В таком случае метафора не может служить источником данных о когнитивных признаках соответствующего концепта.

6.2.5. Когнитивный анализ внутренней формы значения лексемы-номинанта

Иногда в когнитивных исследованиях анализируется внутренняя форма слова как источник сведений о структуре концепта. Так делает Ю.С. Степанов (1997). В.И. Карасик справедливо отмечает: «В качестве вспомогательного средства ... по-видимому, может использоваться и внутренняя форма слов» [Карасик 2004, с. 171].

Так, в ходе исследования концепта «быт» в русском сознании при диахроническом анализе ключевой лексемы «быт» А.В. Рудаковой было установлено, что первоначально ядром концепта являлось конкретное понятие, которое может быть определено как «имущество» – конкретные предметы, принадлежащие человеку. В древнерусском языке концепт «быт» был представлен существительным среднего рода «быто» (ср. жито) – скарб, пожитки: «Изборяне грабиша быто Московское и Псковское» (Карамзин).

Постепенно ядро концепта окутывается новыми концептуальными признаками, увеличивая объем концепта. Ранее однозначное слово становится многозначным: у лексемы «быто» возникает на базе исконного ядра новое конкретное значение: средства к жизни, хозяйство. Ср.: «Весь быт хозяйский снаряжен» (Державин).

Развитию отвлеченности значения лексемы «быт», по мнению В.В. Виноградова, способствовало в конце XVII – начале XVIII веков взаимодействие с польским языком. Постепенно конкретное значение лексемы «быт» начинает отодвигаться на периферию, а отвлеченное значение становится ядерным.

В XIX веке в словаре В.И. Даля у слова «быт» появляется значение род жизни, обычай и обыкновение: быт крестьянский, домашний, английский, нынешний и т.д. При этом сохраняется конкретное значение «средства к жизни, хозяйство».

С XIX века слово «быт» из просторечия переходит в литературный язык. Особенно активно слово «быт» начинает употребляться в 30-40-ые г.г. XIX века с расцветом реализма: бытовой роман, бытовое направление, бытописатель, бытописание.

В конце XIX – начале XX века лексема «быт» имеет все те же два значения. Но изменяется их соотношение: конкретный компонент уходит на дальнюю периферию, а в ядре концепта оказывается смысл, существующий до сих пор – образ жизни, уклад жизни, свойственный той или иной среде, той или иной

социальной группе; нравы и обычаи повседневной жизни, характерные для того или иного класса, сословия, профессии. Именно этот смысл становится основным значением лексемы *быт*, остальные значения постепенно отмирают.

Кроме того, в конце XIX – начале XX века лексема «*быт*» начинает постепенно обозначать также душевный строй, образ мыслей, интеллектуальную жизнь. Ср.: «Итак, я ... не могу выворотить свой внутренний быт перед тобой» (Пирогов. Дневник старого врача).

Современные употребления слова *быт* демонстрируют следующее направление эволюции исследуемого концепта – унылая повседневность, рутина, уборка, стирка и т.д. Именно эти компоненты концепта «*быт*» определяют отношение русского человека к быту (бытовые разговоры, бытовые темы, бытовые проблемы, бытовое поведение, «*бытовуха*» и др.).

Таким образом, историко-этимологический анализ может дать некоторые сведения о содержании концепта, но надо помнить, что этимологические сведения далеко не всегда актуальны для языкового сознания носителей языка и не могут в таком случае оказывать решающее влияние на содержание концепта в сознании носителя современной концептосферы.

6.2.6. Выявление когнитивных классификационных признаков

Вторым этапом когнитивной интерпретации результатов описания концепта является обобщение отдельных когнитивных признаков и выявление на их основе классификационных признаков, используемых для концептуализации данного явления. Близкие когнитивные признаки интерпретируются как языковые репрезентации отдельного классификационного признака концепта, а их частотность суммируется для определения яркости, актуальности в структуре концепта тех или иных когнитивных классификационных признаков.

Так, когнитивные признаки *богатый*, *бедный*, выделенные в концепте *русский язык*, обобщаются классификационным признаком *богатство словарного состава*, когнитивные признаки *хороший*, *плохой* – классификационным признаком *общая оценка*, когнитивные признаки *сложный*, *простой* – признаком *доступность освоения*; когнитивные признаки *красивый*, *некрасивый* – признаком *эстетической оценки*, признаки *распространенный*, *известный*, *всемирный*, *широко изучаемый*, *многонациональный* – классификационным признаком *распространенность*, признаки *звучный*, *мелодичный*, *напевный*, *лирический*, *певучий*, *музыкальный* – классификационным признаком *звуковой образ* и т.д.

Все выявленные когнитивные признаки интерпретируются как объективация определенных когнитивных классификационных признаков, что позволяет выявить особенности концептуализации денотата концепта, то есть аспекты его осмысления когнитивным сознанием.

§ 7. О метаязыке семантического описания

Семантический анализ слов и их группировок проводится на уровне

ненаблюдаемых объектов (сем, седем, семантических процессов и т.д.), которые выявляются лишь с помощью специальных методик, рассмотренных нами выше. В целях удобства проведения семантического анализа, для того чтобы сделать его результаты наглядными, как-то их овестить, возникает необходимость графически изобразить семантические компоненты. Подобно тому, как в фонетике используется транскрипция – специальная символика для точного отображения произношения, в семасиологии предпринимаются попытки создать символический метаязык (то есть язык для описания языка), который содержит символы для обозначения семантических компонентов.

Разные авторы предлагают и разные системы символической записи. Многие пользуются просто словами русского языка, но поставленными в знаки «лапочки», то есть: ‘большой’, ‘очень’, ‘не’, ‘действовать’ и т.п. Другие берут латинские буквы, которым приписываются семантические значения, в каждом конкретном случае разные. Например: *a* – муж. пол, \bar{a} – жен. пол, *b* – предшествующее поколение, \bar{b} – последующее поколение, *c* – прямое родство, \bar{c} – косвенное родство. Затем комбинируют эти буквенные обозначения (*abc* – отец, $\bar{a}\bar{b}\bar{c}$ – племянница и т.д.).

Наиболее подробный метаязык семантического описания предложен в работах Ю.Д. Апресяна и его соавторов. Ю.Д. Апресян делит семантические компоненты на несколько классов, для каждого из которых вводится специальная символика, а именно:

1. Имена элементарных предикатов (быть, начинать, каузировать, то есть делать так, чтобы было, включаться и др.). Всего 32 элемента.

2. Имена элементарных предметов (вещество, время, закон, измерение и др.). Всего 56 элементов.

3. Имена элементарных классификаторов (больше, данный, необходимый, очень, достаточный и др.). Всего 11 элементов.

4. Логические связи (и, или, не).

5. Кванторы общности и существования (все, имеется).

6. Имена предметных переменных.

Для имен первых трех классов вводятся символы на основе корней латинских слов. Например: *EXIST* – существовать, *TEMP* – время, *ANTI* – противоположный, *FIN* – кончать, *LOC* – место, *VER* – истинный, *INCEP* – начинать, *RESULT* – результат, *CAUS* – каузировать, *METR* – измерение, *LIQU* – ликвидировать, *MAGN* – очень.

Логические связи и кванторы общности и существования обозначаются символами, разработанными математической логикой, а именно; *I* – обозначается знаком конъюнкции \vee , или знаком дизъюнкции \wedge , *HE* – обозначается черточкой над отрицаемым символом (например, \overline{EXIST} – не существует), *ВСЕ*, *ВСЯКИЙ* – обозначается \forall , *ИМЕЕТСЯ* – обозначается *E*.

Для имен 6-го класса вводятся переменные обозначения в каждом конкретном случае²⁴.

Многие из предложенных символов нашли уже применение в трудах семасиологов. Целесообразность и необходимость разработки языка семантического описания не вызывает сомнения.

Семная семасиология пользуется естественным метаязыком семантического описания, хотя словесные описания отдельных сем также несколько формализуются, например, приводятся в субстантивную форму. Естественный метаязык удобнее для проведения экспериментов с носителями языка и составления словарей.

Как видим, в современной лингвистике применяется целый ряд методик и приемов исследования единиц лексической системы языка. Каждый метод или прием имеет как свои достоинства, так и недостатки, что необходимо учитывать при их использовании. Так, внутриязыковые приемы выделения семантических компонентов более эффективны в выявлении основных, существенных, постоянных, узуальных, ассертивных сем; периферийные, вероятностные, диспозициональные семы лучше выявляются экспериментальными приемами.

Наиболее полные и значимые результаты могут быть получены, как правило, при разумном сочетании нескольких приемов и методов исследования, так как один прием или метод не может решить все вопросы.

Постижение системного устройства лексической системы языка предполагает решение еще очень многих исследовательских задач. Будут создаваться и новые методы изучения лексики, и новые модели описания структурных отношений между словами, сочетаниями слов, словоформами и другими возможными элементами системы языка.

Рекомендуемая литература

Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.

Апресян Ю.Д. О языке для описаний значений слов. – Изв. АН СССР. ОЛЯ, № 5, 1969.

Апресян Ю.Д. К построению языка для описания синтаксических свойств слова. – В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.

Арнольд И.В. Оппозиция в семантике. – Вопр. языкознания, 1966, № 2.

Вахтель Н.М., Фридман Ж.И. Морально-нравственная лексика в русском языковом сознании/ Язык и национальное сознание. Вып. 3. Воронеж, «Истоки», 2002, с. 38-45.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.

Горбачевич К.С., Сороколетов Ф.П. Значение и оттенок в лексикогра-

²⁴ Апресян Ю.Д. О языке для описания значений слов. Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1969, с. 416; Он же. К построению языка для описания синтаксических свойств слова. – В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973, с. 279–325.

фической практике. – Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1975, № 6.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1977.

Залевская А.А. Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психолингвистических исследованиях. Калинин, 1978.

Задорожный М.И. Синонимическая модель лексико-семантической группы и компонентный анализ. – В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1969, вып. II, ч. I.

Зарубина Н.Д., Леонтьев А.А. О методике составления ассоциативного словаря. – В кн.: Словарь ассоциативных норм русского языка, М., 1977.

Карасик В.И. Языковой круг. М., 2004.

Караулов Ю. Н. Словарь как компонент описания языков. – В кн.: Принципы описания языков мира. М., 1976.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.

Контрастивная лексикология и лексикография. Воронеж, «Истоки», 2006.

Кузнецова Э.В. Метод ступенчатой идентификации в описании лексико-семантической группы. – В кн.: Межвузовская конференция по порождающей грамматике. Тарту, 1967.

Кузнецова Э.В. Ступенчатая идентификация как средство описания семантических связей слов. – В кн.: Вопросы металингвистики. Л., 1973.

Ломтев Т.П. Принципы выделения дифференциальных семантических элементов. – В кн.: Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. М., 1976.

Медникова Э.М. К критике некоторых современных методов лингвистической семантики. – Вопр. языкознания, 1969, № 3.

Методы изучения лексики. Минск, 1975.

Русский семантический словарь. М., 1983.

Селиверстова О.Н. Обзор семантических работ по компонентному анализу. – Филол. науки, 1967, № 5.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. Воронеж, 2004.

Тарасов Е.Ф. Языковое сознание – перспективы исследования // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М.: ИЯ РАН, 2003.

Теория речевой деятельности. М., 1968.

Толстой Н.И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. – Вопр. языкознания, 1963, № 1.

Толстой Н.И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии. – В кн.: Славянское языкознание. М., 1968.

Флекенштейн К., Стернин И.А. Очерки по сопоставительной лексикологии и фразеологии русского и немецкого языков. Галле, 1989.

Шайкевич А.Я. Распределение слов в тексте и выделение семантических полей языка. – В кн.: Иностр. языки в высшей школе, 1963, вып. 2.

Шайкевич А.Я. Дистрибутивно-статистический анализ в семантике. – В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.

Содержание

Предисловие к первому изданию.....	3
Предисловие ко второму изданию.....	4
ГЛАВА I ПРОБЛЕМА СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ.....	5
§ 1. Из истории системного устройства языка.....	5
§ 2. Термины «СИСТЕМА» и «СТРУКТУРА» в современной лингвистической литературе	7
§ 3. Проблема элемента системы языка.....	9
§ 4. Структура как сеть отношений элементов	9
§ 5. Диалектическая взаимосвязь языковой системы и ее элементов	10
§ 6. Модели системы языка в современной лингвистике	11
6.1. Моделирование как метод познания	11
6.2. Модели искусственных языков и естественного языка	12
6.3. Уровневая модель языка	12
6.4. Полевая модель системы языка	14
6.5. Многослойная модель системы языка.....	15
6.6. Модель ассоциативно-вербальной сети Ю.Н. Караулова	15
6.7. Динамическая модель системы языка	16
Рекомендуемая литература	20
ГЛАВА II ПРОБЛЕМА СЛОВА КАК ЕДИНИЦЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА.....	22
§ 1. Слово как единица системы языка	22
§ 2. Критерии определения слова	23
§ 3. Проблема отдельности слова.....	24
§ 4. Проблема тождества слова.....	25
§ 5. Проблема значения слова	27
§ 6. Типы значения слова.....	29
§ 7. Типология семем Д1, Д2, К1, К2, К3.....	30
§ 8. Иерархия семем как семантическая структура слова.....	31
§ 9. Средства внутрилексемного разграничения семем	32
§ 10. Значение и концепт	35
Рекомендуемая литература	41
ГЛАВА III СЕМЕМА КАК СТРУКТУРА КОМПОНЕНТОВ.....	44
§ 1. Из истории разработки теории семантических признаков (сем)	44

§ 2. Типология сем.....	45
2.1. Денотативные семы.....	47
2.2. Коннотативные семы.....	58
2.3. Функциональные семы.....	60
§ 3. Отношения семантических компонентов в структуре семемы	62
3.1. Детерминантные отношения сем.....	62
3.2. Синтагматические отношения сем.....	62
3.3. Доминантные отношения сем.....	63
3.4. Иерархические отношения сем.....	63
§ 4. Парадигматические отношения семем по седам.....	65
§ 5. Синтагматические отношения семем по седам.....	67
§ 6. Семема как полевая структура	67
Рекомендуемая литература	72
ГЛАВА IV НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СЕМАНТИКИ СЛОВА	73
§ 1. Вопрос об эквивалентности семем, выраженных лексемами разных языков.....	73
§ 2. Своеобразия в лексических соотношениях родственных языков	81
§ 3. Межъязыковые расхождения в парадигматике эквивалентных семем	82
§ 4. Межъязыковые различия в синтагматике семем, эквивалентных по Д1	85
Рекомендуемая литература	87
ГЛАВА V СТРУКТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СЛОВАМИ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА	88
§ 1. Из истории изучения структурных отношений в лексике.....	88
§ 2. Оппозиции слов по семемам и лексемам как основные звенья структурных отношении.....	90
§ 3. Структурные группировки слов в современной лексикологии	91
§ 4. Структура словаря по данным нейрофизиологии и психолингвистики.....	98
§ 5. Лексико-фразеологическая система языка	101
Рекомендуемая литература	105
ГЛАВА VI МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ И ОПИСАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА.....	107
§ 1. Направления в исследовании лексической системы языка	107
§ 2. Понятия метод, методика, прием	108
§ 3. Методы выделения лексических группировок	111
3.1. Идеографическая классификация лексики.....	111
3.2. Метод цепочки словарных дефиниций	112

3.3. Определение состава ЛСГ методом ступенчатой идентификации.....	114
3.4. Направленный ассоциативный эксперимент	115
3.5. Ареальные сопоставления.....	116
3.6. Дистрибутивный метод выявления лексических полей.....	117
§ 4. Методы выделения семем многозначного слова	119
4.1. Дистрибутивный анализ семантемы	119
4.2. Решетка Вейтча.....	120
4.3. Свободный ассоциативный эксперимент.....	121
4.4. Изучение лексической сочетаемости как метод разграничения семем.....	123
§ 5. Методы исследования структуры семемы	124
5.1. Анализ словарных дефиниций лексем	125
5.2. Анализ сравнений.....	126
5.3. Анализ метафор.....	126
5.4. Компонентный анализ семемы по оппозициям	127
5.4.1. Минимальный компонентный анализ	127
5.4.2. Полный компонентный анализ	129
5.4.3 Комбинаторная методика Т.П. Ломтева.....	131
5.5. Внутрилексемное сопоставление семем	133
5.6. Лингвистическое интервьюирование.....	135
5.7. Экспериментальные приемы выделения семантических компонентов	139
5.7.1. Свободный ассоциативный эксперимент	139
5.7.2. Направленный ассоциативный эксперимент	141
5.7.3. Метод субъективных дефиниций.....	141
5.7.4. Методика Э. Бендикса	143
5.7.5. Экспликативный эксперимент	145
5.7.6. Завершение экспериментальной фразы (неполной конструкции)	146
5.8. Межъязыковое сопоставление как метод выявления сем	146
5.8.1. Сопоставительный метод анализа значений	146
5.8.2. Контрастивный метод анализа значения.....	149
§ 6. Комплексные методики.....	154
6.1. Методика изучения психологически реального значения слова	154
6.2. Методика когнитивной интерпретации результатов экспериментальных исследований семантики	158
6.2.1. Когнитивная интерпретация сем.....	159
6.2.2. Когнитивная интерпретация паремий	160
6.2.3. Когнитивная интерпретация результатов ассоциативных экспериментов	161
6.2.4. Когнитивная интерпретация метафор	163
6.2.5. Когнитивный анализ внутренней формы значения лексемы-номинанта	164
6.2.6. Выявление когнитивных классификационных признаков	165
§ 7. О метаязыке семантического описания.....	165
Рекомендуемая литература	167

*Изд.1,
Воронеж, 2004. -145 с.
Изд.2, испр. и доп..
М.:URSS, Книжный дом «Либроком», 2009. -172 с.
Изд. 3, стереотипное,
М.:URSS, Книжный дом «Либроком», 2011. -172 с.*